НОВАЯ ПОЛЬША

№5 (174) 2015

УМЕР ВЛАДИСЛАВ БАРТОШЕВСКИЙ, СВИДЕТЕЛЬ И ТВОРЕЦ ИСТОРИИ

ИНТЕРВЬЮ С АНДРЕЕМ КОНЧАЛОВСКИМ

Польские портреты Александра Лукашенко

БЕСЕДЫ С ИЗДАТЕЛЯМИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ФРЕДЕРИКА ШОПЕНА И ПИСЕМ АДАМА МИЦКЕВИЧА

ПРОЗА ЯНУША РУДНИЦКОГО

ВАРШАВА

ISSN 1508-5589

Вы можете подписаться на «Новую Польшу», перечислив деньги на наш счет и отправив нам по почте, факсу или электронной почте копию подтверждения оплаты с пометкой: *prenumerata.*

Деньги просим перечислять на счет издателя «Новой Польши»:
Instytut Książki
ul. Z. Wróblewskiego 6
31-148 Kraków

Подписка в Польше:
Название банка: BANK GOSPODARSTWA KRAJOWEGO
Номер счета: PL
81 1130 1150 0012 1269 2720 0001
Цена 1 экз. — 8 зл.
Цена годовой подписки — 96 зл.

Подписка за границей:
Название банка: BANK GOSPODARSTWA KRAJOWEGO
Номер счета: PL
81 1130 1150 0012 1269 2720 0001
SWIFT CODE: GOSKPLPW
Цена годовой подписки — 70 евро или 100 долларов

Информация о подписке за границей:
Тел. +48 22 608-27-95
Факс: +48 22 608-25-05
e-mail: nowpol@instytutksiazki.pl

Информация о подписке в Польше:
Тел./факс: 22 608-24-88, 22 608-23-74
e-mail: czaspatron@instytutksiazki.pl

Журнал «Новая Польша»
допущен к распространению на территории Российской Федерации
Решением Министерства Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
(Свидетельство регистрации средства массовой информации ПИ №77-1063 от 3 ноября 1999 года)
Приглашаем всех читателей посетить интернет-сайт «Новой Польши»:www.novpol.ru

НОВАЯ ПОЛЬША

№ 5 (174)
2015
май

ISSN 1508-5589

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК

УМЕР ПРОФЕССОР ВЛАДИСЛАВ БАРТОШЕВСКИЙ (1922-2015) 3

ЧТО С ЭТОЙ РОССИЕЙ? 5
Беседа с Андреем Кончаловским

Виктор Кулерский 10
ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

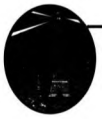
ОБ ЭМИГРАЦИИ 20
Беседа с Мирославом Хоецким

Петр Мицнер 25
ПОСЫЛКА ДЛЯ ГАБРИЭЛЯ СУПЕРФИНА

ИЗ ПЕСЕННИКА «СОЛИДАРНОСТИ» 27

Эугениуш Соболь 31
ДВЕ КНИГИ ОБ АЛЕКСАНДРЕ ЛУКАШЕНКО

Барбара Петкевич 33
ПЕРВЫЕ ШАГИ «СОРОКОНОЖКИ»



Юлиуш Цвелюх 38
ЧЕЛОВЕК С ВИДЕОРЕГИСТРАТОРОМ

Лешек Шаруга 42
ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Януш Рудницкий 45
СМЕРТЬ ЧЕШСКОЙ СОБАКИ

Кшиштоф Лисовский 52
СТИХОТВОРЕНИЯ

Лешек Шаруга 59
НА СТОРОНЕ МИЛОША

Эльжбета Савицкая 61
КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

АДРЕСАТ: АДАМ МИЦКЕВИЧ 65
Беседа с Марией Пруссак

Постемп Встечны 71
МАГ ЛИНИИ, ТОЧКИ, ПЯТНА

Ян Экер 74
ЭТО ПРИГОДИТСЯ

Переводчики: А. Базилевский, М. Белкина, И. Белов, Е. Гендель, О. Лободзинская, В. Окунь, Д. Пелихов, С. Политыко, Е. Шиманская
© Фото: Agencja Gazeta (стр. 3, 5), Постемп Встечны (стр. 71-73), East News (стр. 33, 36), E. Lempp (стр. 74), «Мемориал», Москва (стр. 25)

Редакционный совет
Стефан Братковский
Генрик Возняковский
Ежи Клочовский
Кароль Модзелевский
Януш Тазбир
Станислав Цёсек

Ежи Помяновский
(главный редактор)

Редколлегия
Элиза Вольская
Галина Дубик
Никита Кузнецов
Виктор Кулерский
Ирина Лаппо
Петр Мицнер
(зам. гл. редактора)
Евангелина Скалинская
(секретариат)

Гжегож Пшебинда
Ежи Редлих
(зам. гл. редактора, секретарь редакции)
Эльжбета Савицкая
Лешек Шаруга
Дмитрий Шевионков-Кисмелов
(главный художник)

Графика и макет
Дмитрий Шевионков-Кисмелов

Техническая редакция
Паулина Зеленая

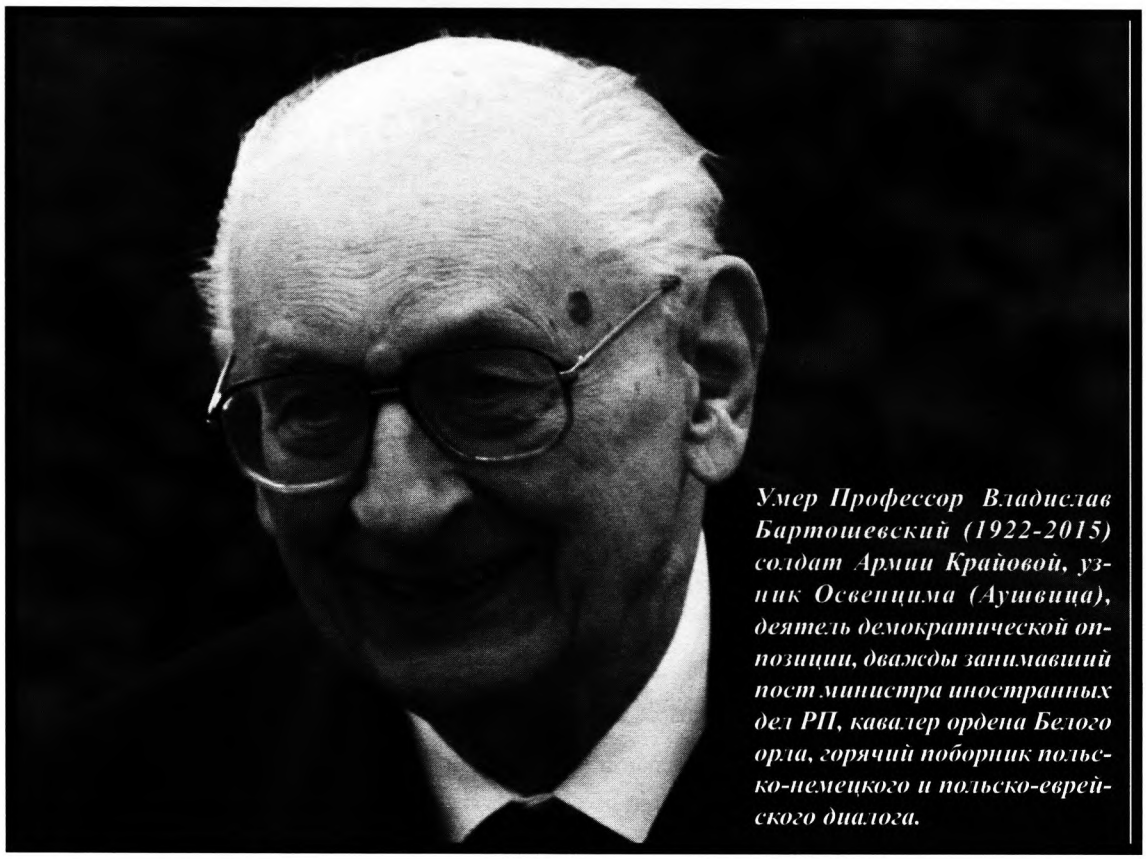
Адрес редакции
INSTYTUT KSIĄŻKI
al.Niepodległości 213
02-086 Warszawa
тел: (22) 608 27 95; 608 25 65
факс: (22) 608 25 05; 608 27 96
e-mail: nowpol@instytutksiazki.pl

Информация о журнале
для стран СНГ
Издательство МИК, Москва,
ул. Большая Переяславская,
д.15, кв.49
тел: 621-41-42
e-mail: mic@inbox.ru

Журнал издается по поручению Министра Культуры и Национального Наследия Республики Польша
WYDAWCA:
Instytut Książki, ul. Z. Wróblewskiego 6, 31-148 Kraków
DZIAŁ WYDAWNICTW:
al. Niepodległości 213, 02-086 Warszawa
tel/fax (22) 608 24 88
Тираж 2700 экз.

УМЕР ПРОФЕССОР ВЛАДИСЛАВ БАРТОШЕВСКИЙ

(1922-2015)



Умер Профессор Владислав Бартошевский (1922-2015) солдат Армии Крайовой, узник Освенцима (Аушвица), деятель демократической оппозиции, дважды занимавший пост министра иностранных дел РП, кавалер ордена Белого орла, горячий поборник польско-немецкого и польско-еврейского диалога.

Публикуем последнее выступление проф. Владислава Бартошевского, подготовленное для польско-германских межправительственных консультаций и зачитанное премьер-министром Польши Эвой Копач.

«Уважаемые господа,

Я рад, что могу сегодня участвовать в польско-германских межправительственных консультациях под председательством г-жи премьер-министра Эвы Копач и г-жи канцлера Ангелы Меркель при столь многочисленном участии министров.

О поляках иногда говорят — и не без некоторых оснований, — что они любят отмечать годовщины международных катастроф, бедствий и трагедий. Но будущий, 2016 год несет с собой позитивную годовщину — 25-летний юбилей польско-германского договора о добрососедстве и дружественном сотрудничестве. На протяжении всех этих лет формировалась инфраструктура польско-немецких взаимоотношений. Многие из проектов никогда бы не возникли, если бы не решимость политических элит либо других субъектов общественной, хозяйственно-экономической или культурной жизни.

Я очень высоко ценю свое участие в этом деле как двукратный министр иностранных дел Польши и парламентарий. Минувшие годы подтвердили, что народы, в особенности поляки и немцы, не могут себе позволить грех пренебрежения. Выстраивая взаимоотношения на европейском и многостороннем уровне, мы должны постоянно учитывать основополагающие государственные соображения наших двусторонних отношений.

За последние годы мы все чаще говорим о польско-германской общности интересов. Общность интересов не дается раз и навсегда. Она представляет собой подвижную структуру, требует наших непрерывных усилий и внимания, а посему необходимо заново определять ее и наполнять новым содержанием. Расхождения появляются только в практике сотрудничества. Общность интересов выражается, однако, в том, что даже самые острые споры не затрагивают фундаментальных принципов сотрудничества.

Именно поэтому нам обязательно следует помнить, что двусторонние контакты и инициативы требуют постоянного культивирования и регулярной работы. Всякие симптомы умаления значимости наших взаимоотношений или отсутствия заинтересованности в соседе должны еще сильнее мотивировать нас к интенсивным действиям.

Прекрасные личные отношения, проявляющиеся во встречах глав наших правительств и в конкретном сотрудничестве между нашими министрами, должны находить выражение в реальных позитивных изменениях двусторонних взаимоотношений. Мы осознаём, насколько существенную роль сыграли и по-прежнему играют польско-немецкие инициативы — Польско-германское сотрудничество молодежи, Фонд польско-германского сотрудничества или Фонд польско-германского примирения. Сегодня мы знаем, как важно поддерживать эти организации.

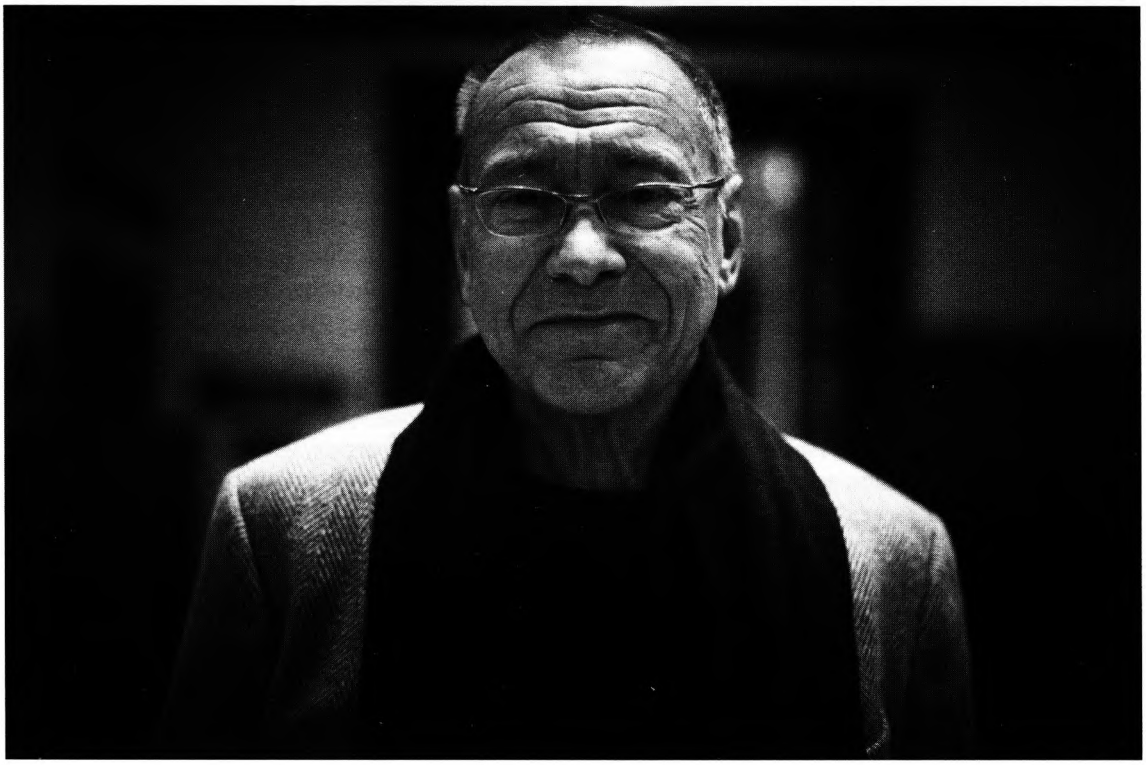
Приходящийся на будущий год юбилей — это для поляков и немцев возможность оглянуться на совместный опыт в области двустороннего и международного сотрудничества, но вместе с тем это еще и прекрасный случай, чтобы сделать выводы из достигнутой до сих пор и все-таки не до конца симметричной реализации положений вышеуказанного договора и поставить перед собой новые задачи.

По этой причине столь важны ведущиеся в формате круглого стола переговоры по вопросам поддержки польской эмиграции и поляков в Германии, равно как и немецкого меньшинства в Польше. Такие явление, как незаинтересованность федеральных или земельных властей Германии в поддержке преподавания польского языка в качестве родного, вызывает беспокойство. Историческая проблематика по-прежнему остается для нас чувствительной. Откликаясь на новые вызовы, мы должны всё время помнить о прошлом, сохранить историческую память и решительным образом реагировать на любые попытки фальсифицировать историю. Думая о будущем, мы не можем ни забывать, ни лгать о прошлом.

Однако в целом мы движемся в правильном направлении, и путь у нас общий».

ЧТО С ЭТОЙ РОССИЕЙ?

С режиссером Андреем Кончаловским беседует Томаш Шидловский



— Как вы себя чувствуете в Польше?

— Хорошо, как всегда. Немного прохладно, зато люди теплые. Я сюда приезжаю не туристом, а работать, так что к вашей стране у меня отношение особое. Сейчас я приехал на Фестиваль российского кино «Спутник». Несколько лет назад я уже был на этом фестивале, а до этого ставил спектакль «Король Лир» с моим другом Даниэлем Ольбрыхским в главной роли в связи с его юбилеем.

— Я имел в виду, как вы себя чувствуете как русский. В последнее время отношения между нашими народами несколько охладились. Вы это чувствуете?

— Лично ко мне все относятся очень тепло. Но я представляю себе, что некоторые могут высказывать какие-то претензии. Причина проста. Нападки в СМИ — у нас антиамериканские, у вас — антироссийские. Люди, не утруждающие себя мышлением, наверняка легко поддаются таким настроениям. И конечно, будут и такие, которые скажут, что не любят русских.

Я таких, к счастью, не встречал.

— Я бы не сказал, что мы вас не любим. Сегодня мы вас боимся. Ваш президент развязал войну у нашего общего соседа, а вы по-прежнему поддерживаете его. Мы этого не понимаем

* Конституция Речи Посполитой от 3 мая 1791 года считается первой конституцией в современном понимании этого слова в Европе и второй в мире после Конституции США. Здесь и далее прим. пер.

и размышляем — кто станет его следующей жертвой: мы, страны Прибалтики или кто-то еще?

— Верю, что такие опасения существуют, но я их не разделяю. Ни у кого в Москве нет к Польше никаких территориальных притязаний. Польша никогда не была частью русской культурной ойкумены. В Кремле знают это.

— В XIX веке значительная часть Польши была под российской оккупацией, а в варшавских салонах говорили по-русски.

— Но это было политическое, а не культурное влияние, а в ваших салонах по-французски тогда говорили лучше, чем по-русски. И все прекрасно знали, что, может, и удалось захватить кусочек Польши, но если речь идет о культуре, то здесь шансов нет. Русские, которые тогда приезжали сюда, с восхищением смотрели хотя бы на вашу Конституцию 3 мая*. Потому что у вас была конституция, а у России не было.

Культурная граница очень явственна, а это невероятно важно. Возьмите Сталина. Он был достаточно умен, чтобы не пойти ни во Францию, ни в Италию. Он мог спокойно дойти хоть до Испании, но знал, что эти страны ему не по зубам. Польшу он тоже не присоединил к СССР, потому что знал, что от этого были бы одни проблемы.

— А что определяет эту границу?

— Религия. И совершенно неважно, верит кто-то в Бога или нет. Религия содержит определенный культурный заряд. У русских средневековый менталитет, и виной тому — православие.

— Средневековый менталитет?

— К сожалению, да. Подумайте, чем был католицизм? Это не только папа римский. Это еврейская схоластика, греческая философия, римское право. Это высокий уровень религиозных диспутов. Уважение к закону. Множество вещей, которые он, конечно, вводил огнем, мечом и индоктринацией, но которые цивилизационно полностью изменяли страны, входившие в эту сферу. Польша, приняв католичество, вошла в сферу этой цивилизации. Россия — никогда.

У нас нет способности к самоанализу и возможности философской дискуссии. В России почти нет дискуссий. Многие годы мы не знали, что это вообще такое. Отсутствие глубины мысли, рефлексии, к сожалению, идет от православия, которое является интуитивным и не практикует никаких полемик. Таким образом, разница в том, что у вас важны совершенно иные ценности, нежели в России.

— А какие в таком случае ценности важны для русских?

— Круг людей, которым доверяешь, очень узок — внешний мир плох, верю только своим. Работа - это печальная необходимость, к которой меня принуждают, поэтому и отношение к ней соответствующее. Богатство подозрительно. Почему? Потому что в средневековье главным богатством была земля. А земли больше нет — чтобы разбогатеть, надо у кого-то отнять. То есть, каждый, кто разбогател, сделал это за счет другого. И русские до сих пор не любят, когда кто-то богатеет, а это очень средневековое мышление.

— Поляки тоже этого не любят.

— Видимо, в вас тоже еще осталось немного этого средневековья.

Крестьянин сам себя кормит, но часть того, что посеял и вырастил, он должен отдавать государству. Поэтому государство для него всегда будет врагом. Кто владеет землей? Господин, то есть бандит, который забирает у крестьянина часть его зерна, картофеля и молодых девушек, чтобы их совратить. А кто он такой? Почему нужно ему отдавать? Потому что это «крыша». Это слово по-русски означает «кровля», но еще им обозначают клан, мафию, группу людей, взаимно поддерживающих друг друга в своих бандитских делах.

В России до сих пор говорится, что с «крышей» не сладить. Ее нельзя обойти, игнорировать. Значит, у нас те же самые проблемы, которые возникали у нашего крестьянина с его господином пятьсот лет тому назад.

— Откуда это берется? Ведь за это время по России прокатилось несколько революций. Как, несмотря ни на что, удалось законсервировать такой менталитет?

— Видите ли, это ошибка — думать, что революция может изменить менталитет. Культура не меняется путем революции. Культура — это как планеты. У нее собственные законы и ценности, и нам не до конца понятны механизмы, которые ею управляют. Это примерно как с природой — мы можем смотреть, но никогда до конца не поймем, как изменяется земля, что с ней делает глобальное потепление и тому подобные вещи.

Тектонические плиты трутся друг о друга в течение пятисот лет, по миллиметру, а потом нас вдруг будит землетрясение. Так и с культурой. Люди пробудились, заснули. Проходит сто лет, они вышли на улицы, но снова разошлись по домам, снова заснули. А потом вдруг — бум! — все развалилось. За одну ночь. Самая большая наша проблема в том, что в России так и не сформировалась буржуазия. А если мы хотим развиваться, она должна сложиться. Хотя иногда у меня нет уверенности, что мы хотим развиваться.

Нынешняя система, к сожалению, только закрепляет это, потому что сделать в России хорошо всем не получится. Политики стремятся удовлетворить эти архаичные массы. А массы, например, говорят, что у них нет необходимости иметь дома туалет. Так 40% россиян заявили в каком-то опросе, и они с удовольствием облегчаются на улице. И дело не в дикости людей. Это вопрос культурных кодов. В средние века туалет был не нужен, а потом у нас так и не сформировалась буржуазия, благодаря которой вводились определенные нормы поведения и определенные ожидания. При обычном положении вещей буржуазия определяет уровень этих ожиданий, а потом они идут вниз, в народ. Люди хотят иметь то же самое, что буржуа. У нас этого нет.

— И это, по-вашему, связано с православием?

— Обратите внимание, что нет ни одной богатой православной страны. Ни одной. И ни в одной не сформировалась буржуазия. В Греции, где зародилась гуманитарная культура, есть только олигархи, крестьяне и, может быть, грек Зорба. Буржуазия есть лишь там, где есть католичество.

— Вы говорите, что по отношению к Польше ни у кого в Кремле нет никаких территориальных притязаний. А как насчет Украины?

— Украина — это не Польша…

— … и не Россия. Впрочем, с этого начинается ваш, снятый несколько лет тому назад, документальный фильм «Битва за Украину».

— Это очень разделенная страна. Лежащая на стыке, возвращаясь к метафоре землетрясения, культурных тектонических плит. И это главная беда Украины — то, что разделение на культуры католичества и православия проходит через эту страну.

Опять же, речь идет не о том, кто во что верит, так как там больше православных, а об образе мысли. Полстраны думает так, вторые полстраны — иначе. На западе живут люди, которые говорят на суржике — смеси польского, украинского и русского языков. Уже в начале XIX века они пили кофе, а возможно, что и в XVIII. А на востоке — бывшие советские люди, которым Россия ближе.

— В России в XIX веке тоже уже пили кофе.

— Разница в том, что в России его пили князья во дворцах, а во Львове — обычные люди, в уличных кафе. Тогда это означало европейскость. Львов был насквозь европейским городом и принадлежал к культуре католицизма.

Этот культурный конфликт, с моей точки зрения, — самая большая драма Украины. Ведь если бы вся она была православной либо вся католической — такой проблемы бы не было. Сейчас, впрочем, еще хуже, потому что изменилось расположение тектонических плит. Когда-то Украина была на стыке православной и католической культуры. Сегодня она на стыке российского и американского влияния.

— Это один из главных тезисов вашей картины, с которым я не согласен. Получается, что Украина — какая-то безвольная пешка в игре великих держав. Мои украинские друзья мерзли на Майдане, а их друзья гибли там, потому что они хотят быть гражданами свободной страны. Хотят решать, в какую сторону пойдет эта страна.

— Мы всегда видим только вершину айсберга. А все гораздо сложнее. Аннексия Крыма — лишь часть серьезного конфликта между Америкой и Россией. И здесь я не принижаю этих людей, прос-

то это так. Как русский, хотя во многих вопросах я критичен по отношению к Владимиру Путину, я должен сказать, что надежды Украины на вступление в НАТО вызывали у меня сопротивление. Вы представляете себе базу НАТО в Севастополе?

— Представляю.

— Вот именно. А я не представляю. Америка — это страна, которая, благодаря иллюзии американского образа жизни и мнимых ценностей, в соответствии с которыми она якобы функционирует, продвигает образ общества, которого на самом деле нет. На совести у Америки за последние полтора десятка лет несколько катастроф, причем огромного масштаба — упомяну лишь Ирак. Все перемены, которые они в недавнее время инициировали, закончились катастрофой. Там, где американцы устанавливают свои порядки, дело заканчивается хаосом и ужасными диктатурами, так как они пытаются перенести туда один к одному свои ценности, совершенно не понимая, что в других местах люди могут мыслить иначе. Они вообще не умеют читать культурные коды. Для них арабы, китайцы, русские — все одинаковы.

— Как вы думаете, откуда вдруг такое возмущение в арабском мире? Вначале Аль-Каида, теперь Исламское государство.

— Так это не что иное, как реакция на глобальный рынок. На кока-колу, рок-н-ролл и мини-юбки. На насильно навязанную им модель культуры, которая им чужда. В арабских странах люди издавна живут одинаково. В каком бы веке или эпохе они ни оказались, для них это вторично. Главное, что у них есть культурный код, и они должны этого кода придерживаться. Пока вдруг кто-то не начинает им внушать, что они живут неправильно. Для них это как пощечина. И на эту пощечину они отвечают пистолетами и джихадом — потому что по-другому не умеют. В этом столкновении с рынком они бессильны.

Мир развивается неравномерно. Идея о том, что капитализм универсален, что мир можно развивать, как глобальную деревню, это абсолютная херня. Неправда. Кажется, это заметили уже все, кроме американцев. Они слишком доверились Фукуяме с его теорией о конце истории. Тем временем, пробуждается Китай, скоро за ним пойдет Индия. История только начинается.

— То есть — по вашему мнению — за конфликт на Украине в ответе единственно экспансионистская политика американцев?

— Когда мы снимали «Битву за Украину», я много времени провел с бывшим президентом Леонидом Кучмой. Он мне рассказывал в подробностях, как в 90-е годы европейские и американские политики по-всякому заманивали его, чтобы только он стал на сторону Запада. В то же время Россия не хотела отпускать Украину. Вся энергия Кучмы уходила на лавирование между одними и другими, так как обе стороны хотели сделать Украину своим сателлитом. Это до сих пор так. А Украина со своим положением не должна быть ничьим сателлитом. Она должна быть нейтральной, как Швейцария. Без армии, зато с хорошей инфраструктурой и хорошими деньгами.

— Меня беспокоит то, что вы говорите. Я считаю, что Украина сама должна решать, где и с кем она хочет входить в союз. Но еще больше обеспокоило меня ваше высказывание для одного из российских интернет-порталов, что Владимир Путин недостаточно авторитарен.

— Авторитарность, как я ее понимаю, это значит «взять власть в свои руки, нее оглядываться на других». К сожалению, власть в руках у Путина только на словах. Он не управляет, не модернизирует. Он лишь совершает иногда эффектные поступки, но это не лидер, толкающий страну вперед. Когда он шел к власти, у него были такие же иллюзии, как у Ленина. Он думал, что возьмет власть и наведет порядок. Просто? А вот и нет.

Наши диссиденты часто думают, что достаточно заменить Путина и все изменится. Это наиболее типичная, наивная ошибка русской интеллигенции, которая виновных всегда ищет в Кремле. Разве, когда мы его заменим кем-то другим, люди перестанут вывозить мусор в лес? Выбрасывать окурки в окно? Поймут, что им все же пригодится туалет в доме? Нет, этого не произойдет. Перед Россией сейчас стоят цивилизационные вызовы, и нам нужен кто-то, кто попытается с ними справиться.

Путин не в состоянии справиться даже с коррупцией. Когда-то умные люди сказали ему, что нужно переловить в МВД воров и посадить в тюрьму. Знаете, что ответил Путин? Он спросил: так

с кем мы останемся? Он понимает, что посадить нужно всех. Путин обречен на сизифов труд. Он не способен изменить российский менталитет, а без этого не получится идти дальше.

— Читая ваши интервью, я заметил, что у вас довольно неоднозначное отношение к Путину. Часто вы критикуете его, но бывает, что говорите о нем с симпатией. Можете ли вы объяснить мне, польскому журналисту, феномен российского президента? Что в нем нравится россиянам, раз столько из них его поддерживает?

— Я могу ответить исключительно за себя. Мне придется вернуться в 90-е годы, когда СССР распадался, а правил Борис Ельцин. Те годы были драматичными для России. Страна погружалась в хаос, Ельцин был вечно пьян, нам вечно приходилось за него стыдиться. И кто бы из иностранных политиков ни приезжал в Москву, каждый похлопывал нашего президента по плечу.

А теперь попробуйте похлопать по плечу Путина.

Это детали, но я думаю, что через них вы можете увидеть нечто большее, если говорить о его популярности. Это один из немногих политиков, которых можно назвать сильной личностью. В Европе я уже никого такого не вижу. Может быть, Туск такой?

— Он не вождь путинского типа. У нас нет такого лидера. Но нам такой просто не нужен.

— Это еще неизвестно. В Европе все больше заметна ностальгия по политикам с харизмой. Вы слышали, что сказал недавно в Европейском парламенте папа Франциск? Что Западная Европа — это старушка, без жизненных сил и каких-либо идей. Он абсолютно прав. Европа как будто парализована. Прекрасные страны, которые некогда творили цивилизацию — Италия, Франция — не имеют никаких идей. Мысль стала заложницей политкорректности; не видно ничего свежего. Либерализм гниет и тянет Европу за собой на дно.

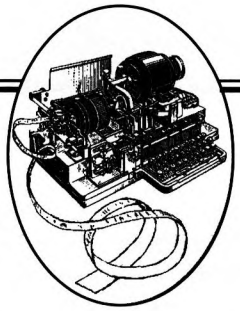
Вы слышали, как перед Рождеством в Дании мусульмане запретили старушке ставить на балконе елку? Сказали: это оскорбляет наши религиозные чувства. Это не может оставаться без реакции. Я еще раз повторяю — дело не в том, религиозен кто-то или нет. Но есть какие-то основы, на которых стоит наша культура. Если мы позволяем их унижать и не реагируем, это не предвещает ничего хорошего.

А поляки не так либеральны, как Запад — и в этом ваша сила. Вы темпераментны, у вас есть характер. Это импонирует. Польша молода, она еще не впала в паралич, как остальной Запад. Вам всегда было тяжело, благодаря этому вам еще хочется. Поэтому сегодня Польша может играть среди европейских стран очень важную роль.

— Вы, в основном, говорите о Западе, а я задаю себе вопрос, не должна ли Россия больше сосредоточиться на своей границе с Китаем. Вы не боитесь, что нашествие китайцев будет для вас намного опаснее, чем пресловутая американская экспансия? Что через пару десятков лет они могут начать тянуть руки к вашей любимой Сибири?

— Китайцы никогда ничего не сделают при помощи армии. Войной решают проблемы на несколько лет, китайцы же мыслят на столетия вперед. Они будут захватывать Сибирь не танками, а экономикой и демографией. Сибирь — грустная тема. Это совершенно уникальное место, где есть золото, леса, бесценные сокровища в масштабах всей планеты. И что же? Никто этим не пользуется. Там на квадратный километр живет один человек. А в Китае — 135. Если мы сами не начнем пользоваться богатствами Сибири, то рано или поздно придет кто-то другой, у кого будет и желание, и идеи, как это освоить. К сожалению, люди в России очень терпеливы. И это, с одной стороны, великая ценность, а с другой — великая трагедия. Русские всё могут вынести. Как у нас говорится — мы привычные. Привычные к «крыше», привычные к коррупции. То, что мы не пользуемся богатствами Сибири, тоже ни на кого уже не производит впечатления.

gazeta wyborcza DF



Виктор Кулерский

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

» 66% поляков собираются 10 мая принять участие в выборах президента. За Бронислава Коморовского намерен проголосовать 41% опрошенных, а за Анджея Дуду («Право и справедливость») — 27%. По 5% голосов могут достаться Адаму Ярубасу (крестьянская партия ПСЛ), Магдалене Огурек (Союз демократических левых сил) и Янушу Корвину-Микке, а по 3% — Янушу Паликоту и Павлу Кукизу. Таковы результаты опроса, проведенного институтом «Homo Homini» 27-28 марта. («Жечпосполита», 31 марта)

» **«Фрагменты выступления президента Польши Бронислава Коморовского на ежегодном совещании с руководящим составом Министерства национальной обороны и Вооруженных сил Республики Польша: «На агрессию в отношении Украины мы ответили политической поддержкой украинцев в их борьбе за суверенитет своей страны и ее территориальную интеграцию. Мы ответили работой по укреплению восточного фланга НАТО, а также ускоренным приумножением нашей собственной обороноспособности. (...) Правильным оказалось принятое еще в 2001 году решение об ускоренной технической модернизации. Правильным оказалось и решение о законодательном регулировании финансирования вооруженных сил, предусматривающим расходы на оборону в размере 2% ВВП. С учетом постоянного роста польского ВВП, оборонный бюджет за полтора десятка лет вырос в два раза, с 15 до 32 млрд злотых в год. Однако не стоит забывать, что наш сосед, Россия, тратит на вооруженные силы около 4% своего ВВП. (...) Почти год назад, в марте 2014 года, агрессия России на Украине привела тому, что 25-летний европейский «отпуск, который предоставила история», подошел к своему завершению»». («Жечпосполита», 2 апр.)**

» «Российская военная доктрина представляет для нас прямую угрозу, заявил президент Бронислав Коморовский на заседании Совета национальной безопасности. По мнению главы государства, ответом на данную угрозу должно стать обновление стратегической доктрины НАТО. (...) Президент считает, что Россия «совершила серьезный стратегический разворот». Бронислав Коморовский обратил внимание на то, что российская военная доктрина предусматривает оказание давления на другие страны, а также оставляет за Россией право на вооруженное вторжение в соседние страны в целях защиты проживающих там россиян. В российской доктрине также содержится указание на имеющееся у Российской Федерации право на интервенцию в соседние страны, если «руководство этих стран проводит политику, идущую вразрез с интересами России». Примером тому может служить агрессия РФ на Украине». («Газета выборча», 19 марта)

» **«Польша находится в безопасности, поскольку мы не только располагаем собственным оборонительным потенциалом, но и состоим в НАТО, который намного сильнее России. Россия располагает серьезным военным потенциалом, ядерным оружием, но она слабее, это страна с таким же объемом экономики, что и Италия, и количеством населения, ненамного превосходящим Японию. Не стоит недооценивать Россию, но паниковать тоже не следует. Мы должны позаботиться о собственной обороноспособности, а также о постоянном присутствии НАТО в Польше», — Томаш Семоняк, министр национальной обороны. («Газета выборча», 25 марта)**

» «На днях в Москве, по случаю годовщины аннексии Крыма, состоялся многолюдный митинг, на котором выступил президент Путин. В какой-то момент в толпе раздались крики: «Следующая Финляндия! А потом Польша!». Я не советовал бы относиться к этому легкомысленно. Ведь когда-то обе эти страны входили в состав Российской империи, и память об этом никуда не исчезла из массового сознания россиян. (...) Шокирующим выглядело то, что скандирование толпой таких лозунгов происходило в присутствии российского президента. (...) Польша должна вооружаться,

приобретать военное оборудование и технику, модернизировать и увеличивать армию, чтобы быть в состоянии защищаться самостоятельно как можно дольше. (...) Существует риск, что одной Украиной дело не кончится. На это указывает анализ результатов выбранной Путиным стратегии», — Збигнев Бжезинский. («Жечпосполита», 25 марта)

» **«Россия заинтересована в создании атмосферы страха. (...) Отношения между разными странами традиционно складывались на основе двух факторов: интересы этих стран и потенциал каждой из них. В демократических странах важную роль играет третий фактор — ценностный. (...) Только сейчас Европа начала понимать, что свою свободу и безопасность необходимо защищать и за пределами ЕС — повсюду, где европейские ценности оказываются под ударом. (...) Так случилось, что польско-российские отношения стали развиваться не в том направлении, в котором бы нам хотелось. (...) У меня никогда не было иллюзий, что успех польско-российских отношений зависит только от нас. (...) Российско-польская группа по сложным вопросам и даже десять таких групп не смогли бы предотвратить того, что случилось», — проф. Адам Даниэль Ротфельд. («Тыгодник повшехный», 5 апр.)**

» «Дональд Туск, став премьер-министром, сначала все-таки поехал в Москву, а уже потом в Киев. Первым зарубежным гостем, которого он принял в своем кабинете, оказался посол Российской Федерации. Туск поставил тогда на Путина, и теперь мы пожинаем плоды его политики», — проф. Анджей Новак. *(«Жечпосполита», 28-29 марта)*

» **«Приглашение в Москву на празднование 70-летия окончания войны я получил, однако на торжества не поеду. Мое присутствие на военном параде рядом с агрессором, использующим оружие против гражданского населения на Восточной Украине, было бы с моей стороны, мягко говоря, неоднозначным поступком», — Дональд Туск, председатель Европейского совета. *(«Газета выборча», 16 марта)***

» «Почему бывший премьер-министр Лешек Миллер, при котором Польша вступила в ЕС, теперь упорно молчит, в то время как Россия открыто стремится к расколу и даже уничтожению Евросоюза, используя для этого политиков самого радикального право-фашистского толка со всей Европы? (...) Совсем недавно он оправдывал вторжение России на Украину и высказывался против того, чтобы Польша помогала Украине. (...) Бывший премьер Миллер, лидер четвертой по величине фракции в Сейме, превратился в агента идеологического влияния империалистической России. И это не может не вызывать тревоги». *(Мацей Стасинский, «Газета выборча», 24 мая)*

» **««В Калининградскую область направят несколько авиационных подразделений, а сухопутные вооруженные силы на Балтике будут усилены за счет ракетных комплексов «Искандер», которые доставят в регион на десантных кораблях Балтийского флота», — сообщает агентство «РИА-новости». (...) Одновременно на территории Крыма появятся стратегические бомбардировщики Ту-22. (...) Ракеты «Искандер» относятся к ракетам средней дальности, превышающей 500 км. Это означает, что данная разновидность ракет способна поразить любую цель на территории Польши. Ракеты могут быть также оснащены ядерными боеголовками». *(Анджей Ломановский, «Жечпосполита», 18 марта)***

» «Представим себе, что русские сбрасывают небольшую атомную бомбу, например, на Быдгощ. Что будет делать Запад? (...) Безусловно, поднимется шум, однако политики начнут пытаться договориться с Путиным. Они наверняка скажут: нельзя устраивать Третью мировую войну из-за одного города. «Лишь бы не было войны», — поддакнет западное общество. На это и рассчитывает Кремль. (...) Кто-нибудь сегодня помнит, что Россия нелегально аннексировала Крым? (...) Кто-нибудь заступился за вас во время разделов Речи Посполитой? А в сентябре 1939 года? Путин понял, как работает этот механизм, еще в 2008 г., когда отнял у Грузии Южную Осетию и Абхазию. Все возмутились, а потом вернулись к своим делам. (..) Путинская Россия пугает и унижает вас на каждом шагу. Вам не стыдно за ваше бездействие во время аннексии Крыма и войны на Восточной Украине? (...) Вы получили ровно то, что заслуживаете», — Сергей Ковалев. *(«Газета выборча», 18 марта)*

» **«71% поляков считает, что во время войны гражданское население также обязано принимать участие в боевых действиях.**

38% полагают, что в течение ближайших десяти лет может произойти вооруженный конфликт, одним из участников которого будет Польша. 13% опрошенных планируют всячески уклоняться от личного участия в вооруженных столкновениях. 70% респондентов считают, что Польша не готова к защите своих границ. Опрос проведен исследовательским домом «Мейсон» по поручению «Warsaw Enterprise Institute»». *(«Впрост», 7-12 апр.)*

» «Лишь четверть поляков считает для себя возможным согласиться на дополнительное налогообложение ради укрепления армии. Более охотно на это согласились бы жители больших городов и метрополий (30% и 40% соответственно). Больше всего противников такого шага проживает в городах средней величины (66%). Мужчины (27%) платили бы такой налог с большим энтузиазмом, чем женщины (25%)». *(Гжегож Осецкий, «Жечпосполита», 30 марта)*

» **«Агентство военного имущества подписало контракт на уничтожение последних 300 тыс. польских противопехотных мин. (...) Это делается в рамках исполнения Оттавской конвенции 1997 г., которую Польша хоть и подписала, но годами не ратифицировала — главным образом, потому, что такие мины находятся на вооружении соседних стран, в том числе России, а альтернативных оборонительных средств у Польши нет. В 2012 г. президент Бронислав Коморовский все-таки подписал конвенцию, и вот уже два года у нас формально запрещено производство и хранение подобного рода мин. За последние годы Польша уничтожила 70% (более миллиона) своих противопехотных мин». *(«Газета выборча», 3 апр.)***

» «Во вторник на аэродроме Повидз приземлилось пять транспортных самолетов «Геркулес» с американскими военными. Несколько дней назад на военную базу в Сохачеве была передислоцирована батарея ракет «Пэтриот». В настоящее время в Польше находится почти тысяча американских военных, прибывших сюда в рамках операции «Atlantic Resolve», направленной на укрепление восточного крыла НАТО и начатой год назад после агрессии России на Украине. В Польше также находятся военные из Канады и Бельгии». *(Марек Козубаль, «Жечпосполита», 24 марта)*

» **«Три польских сокола и один ястреб с недавнего времени участвуют в деятельности польской военной заграничной миссии на территории Литвы. Польские самолеты МИГ-29 патрулируют воздушное пространство Литвы, Латвии и Эстонии в рамках операции НАТО. На аэродроме под Шяуляем польские хищники отгоняют других птиц, представляющих потенциальную угрозу для самолетов. (...) На польских аэродромах «работают» около 60 хищных птиц. Со своими задачами они справляются лучше, чем установленные на аэродромах звуковые отпугиватели птиц с записью тревожных криков». *(«Жечпосполита», 26 марта)***

» «Начался двухдневный визит в Киев президента Польши Бронислава Коморовского. (...) Перед самым прибытием президента на Украину премьер-министр Арсений Яценюк сообщил, что «переговоры с НАТО о военном сотрудничестве продолжаются»». *(«Жечпосполита», 9 апр.)*

» **«В 75-ю годовщину катынского преступления «президенты Польши и Украины вместе почтили память польских офицеров, расстрелянных НКВД и похороненных на кладбище в Быковне под Киевом. Президент Петр Порошенко напомнил, что здесь же покоятся сотни тысяч украинцев. «Здесь лежат жертвы трагических событий сентября 1939 года, когда Сталин и Гитлер делили Европу», — сказал Порошенко. (...) На траурном мероприятии присутствовали тысячи людей, среди них была и группа поляков, потерявших в те дни своих близких». *(Павел Вронский, «Газета выборча», 10 апр.)***

» «73% поляков позитивно оценивают деятельность президента Бронислава Коморовского. 72% опрошенных положительно относятся к тому, как президент представляет нашу страну за ее пределами. 60% респондентов одобряют активность Коморовского в сфере безопасности и обороноспособности страны, а 63% устраивает его политическая деятельность внутри страны. Опрос ЦИОМа». *(«Газета выборча», 11-12 апр.)*

» **«Объем помощи, оказываемой Польшей вооруженным силам Украины, в конце февраля этого года составил 5,5 млн долларов. Оказанная за этот же самый период помощь со стороны Канады оценивается в 20 млн долларов, США — 13 млн, Австралии — 2,3 млн,**

Великобритании — 1,8 млн». ***(«Нова техника войскова», апр. 2015)***

» «Как сообщает Министерство национальной обороны, в этом году в Польше будут проведены три учебных курса для украинских инструкторов, обучающих сержантский состав. Курсы пройдут в рамках программы НАТО, в которой Польша принимает участие вместе с несколькими другими странами альянса. Цель программы — приведение системы военного обучения Украины в соответствие со стандартами НАТО». *(«Жечпосполита», 1 апр.)*

» **«В этом учебном году в Польше получают образование уже 24 тыс. украинцев и свыше 4 тыс. белорусов. Год назад таких студентов было 15 тыс. и 3,7 тыс. соответственно. (...) Также у нас учатся 785 китайцев (их стало больше на 115 человек) и 88 корейцев (прирост составил 17 человек)».** ***(Артур Грабек, «Жечпосполита», 8 апр.)***

» «Украинцы приезжают в Польшу по восьми учебным программам. В этом учебном году Министерством науки и высшего образования была запущена новая программа, в рамках которой в страну приехало 100 студентов из Луганска, Донецка и Крыма. В будущем году Польша планирует принять еще 500 таких студентов — министерство планирует выделить на эти цели 1,5 млн злотых. Украинцы уже составляют половину всех иностранных студентов в Польше». *(Анна Виттенберг, «Дзенник газета правна», 8 апр.)*

» **«Согласно последним данным Управления по делам иностранцев, в нашей стране легально проживает 175 тыс. мигрантов. Еще год назад их было на 50 тыс. меньше. (...) Таков результат миграции жителей Украины, благодаря которой польским работодателям стало гораздо легче найти работников из-за границы. В 2014 г. Польша выдала 42,5 тыс. разрешений на временное пребывание — это на 10 тыс. больше, чем годом ранее. Выросло и количество заявлений о легализации пребывания на территории Польши».** ***(«Дзенник газета правна», 31 марта)***

» ««Я заметил, что на Украине в последнее время расцвел культ националистических лидеров ОУН и УПА. В то же время нельзя не обратить внимание на то, что он редко сопровождается одобрением террористических методов, использовавшихся этими формированиями, либо восхвалением преступлений, ими совершенных — к примеру, таких, как «волынская резня»», — написал маршал Сената Богдан Борусевич в ответе на обращение российского Совета Федерации к польскому Сенату. По мнению Борусевича, сегодняшняя популярность лидеров украинского националистического движения связана с тем, что они символизируют для украинцев наиболее радикальную традицию борьбы за независимость. В свою очередь, значение этой традиции существенно возросло «в результате агрессивной политики России на Украине, проводимой с 2014 года»». *(Павел Вронский, «Газета выборча», 1 апр.)*

» **«Уничтожение большого количества людей по национальному или расовому признаку признается геноцидом. И если украинцы совершили такой геноцид на Волыни, то я готова попросить за это прощения. Но с другой стороны, я считаю солдат УПА героями. Они принесли великую жертву, и хотя они потерпели поражение, я абсолютно уверена — если бы ни они, Украины бы сегодня просто не существовало», — Татьяна Черновол.** ***(«Жечпосполита», 14-15 февр.)***

» «Как Пилсудский никогда не будет нашим героем, так и Роман Шухевич не будет героем в Польше. (...) Всем не угодишь. (...) Необходимо понять, способны ли мы построить что-то сообща. Это относится и к украинцам, и к полякам. Пора перестать обвинять друг друга и требовать каких-то извинений. (...) В свое время Польша и Москва, заключив Андрушевский договор, поделили между собой Украину по Днепру. Прошло время, и все та же Россия занялась разделами Польши. Затем наступил 1921 год, был заключен Рижский мир, и поляки поделились с большевиками украинскими землями, проведя границу по берегам Збруча. Но не прошло и двадцати лет, и те же самые русские поделили Польшу с немцами по берегам Сана и Буга. Пусть это послужит нам уроком. (...) Между украинцами и поляками случалось всякое. По каким-то причинам в последнее время наше внимание пытаются обратить лишь на мрачные страницы наших отношений. Но почему мы не помним хорошего? Почему забываем о том, что очень многие украинцы поддержали январское восстание? О том, что были планы

по созданию Речи Посполитой трех народов? И таких примеров существует немало», — Юрий Шухевич, сын главнокомандующего УПА. *(«Жечпосполита», 11-12 апр.)*

» **«Красная Армия освободила Польшу от немецко-фашистских извергов, но в то же время навязала нашей стране коммунистическую диктатуру. Многим россиянам трудно это понять. (...) Для них победа во Второй мировой войне — это победа над абсолютным злом, над нацизмом. За эту победу русские, а также другие народы СССР заплатили страшную цену —26 миллионов погибших. (...) Поэтому россиянам сложно примириться с мыслью, что красноармейцы, освободив нас от немецкой оккупации, одновременно принесли нам новую кабалу и новые страдания. (...) Проведя в сегодняшней Москве всего неделю, я увидел по российскому телевидению больше программ и комментариев антипольского содержания, чем за несколько предыдущих лет. Против Польши развязана самая настоящая пропагандистская компания. (...) На смену коммунистической символике пришла националистическая риторика», — проф. Гжегож Мотыка.** ***(«Газета выборча», 21-22 марта)***

» «Историческая публикация. Российская газета «Комсомольская правда», выходящая тиражом 550 тыс. экземпляров, опубликовала платное объявление польского Института национальной памяти (ИНП) о поиске свидетелей, располагающих информацией о судьбе руководителей Польского подпольного государства, похищенных НКВД 27 марта 1945 года. Трое из них — комендант Армии крайовой Леопольд Окулицкий, представитель правительства Польши в изгнании Ян Станислав Янковский и Станислав Ясинкович — погибли в тюрьме. ИНП рассчитывает еще и на просветительский эффект: пусть хотя бы так россияне узнают о польской точке зрения на события тех лет. В последнее время российские СМИ опубликовали немало материалов, откровенно клевещущих на польское подполье». *(«Тыгодник повшехный», 5 апр.)*

» **«Сергей Ковалев, защитник прав человека, ученый и бывший диссидент, а также Николя Верт, выдающийся французский историк, знаток истории СССР, примут участие в презентации альбома Томаша Кизного «ГУЛАГ», которая состоится в столичном образовательном центре ИНП на улице Маршалковской 21/25. Начало презентации в 18.00, ведущий — проф. Анджей Пачковский. Вход свободный».** ***(«Газета выборча», 17 марта)***

» «Белорусская журналистка Инна Хомич в среду была осуждена к уплате штрафа за сотрудничество с неаккредитованным «зарубежным средством массовой информации». Имеется в виду «Радио Рация», финансируемое польским Министерством иностранных дел и вещающее на территорию Беларуси из Белостока. Брестский суд обязал Инну Хомич заплатить штраф в размере 5,4 млн белорусских рублей (1,4 тыс. злотых). (...) На прошлой неделе к штрафу был также приговорен журналист Алесь Левчук, сотрудничающий с польским спутниковым телеканалом на белорусском языке «Белсат»». *(«Газета выборча», 2 апр.)*

» **«В пятницу Сейм принял закон, предусматривающий материальную помощь для бывших деятелей антикоммунистической оппозиции в 1956-89 годах. На такую помощь смогут претендовать лица, находящиеся в тяжелом материальном положении, в частности, если их семейный доход не превышает минимальной пенсии, составляющей 880 злотых. Размер ежемесячной бессрочной материальной помощи бывшим оппозиционерам составит 400 злотых. Законом предусмотрена также единовременная помощь лицам, нуждающимся, к примеру, в приобретении инвалидной коляски, слухового аппарата либо в переоборудовании жилья в связи с состоянием здоровья. По оценкам ИНП, новый закон, который вступит в силу до 31 августа этого года, сможет помочь примерно тысяче бывших оппозиционеров».** ***(«Газета выборча», 21-22 марта)***

» «В прошлом году дефицит бюджета в Польше составил 28,978 млрд злотых. (...) В бюджете предусмотрено, что предельный объем дефицита может оказаться немногим менее 47,7 млрд злотых. В итоге дефицит составил 61% этой суммы. (...) Доходы же бюджета оказались на 2% больше, чем предусматривалось. Это значит, что в государственной казне появились дополнительные 6 млрд злотых. В общей сложности доходы бюджета составили 283,5 млрд злотых. (...) Наш ВВП достиг 3,3%, превысив запланированные правительством при составлении прошлогоднего бюджета 2,5%. (...) Ниже запланированных

оказались бюджетные расходы — они составили 312,5 млн злотых, то есть 96,1% от запланированных расходов на весь год». *(Петр Сквировский, «Газета выборча», 2 апр.)*

» **«По данным Национального банка Польши, внешний долг нашей страны в конце четвертого квартала 2014 г. составил 289,66 млрд евро. Год назад он равнялся 278,03 млрд евро».** ***(«Дзенник газета правна», 1 апр.)***

» «После 1989 г. и практически до наших дней в Польше идет настоящая и весьма глубокая деиндустриализация. (...) Количество поляков, занятых в промышленном производстве, с 1980 по 2013 гг. сократилось с 5,2 до 2,8 млн человек. (...) После 1989 г. почти каждое третье предприятие, построенное во времена ПНР, оказалось ликвидировано либо перестало производить продукцию, которая могла бы быть объектом дистрибьютерской деятельности. (...) В то время как на Западе разорялись в основном предприятия, работающие в малоперспективных отраслях, таких, как горнодобыча или тяжелая промышленность, в Третьей Речи Посполитой преимущественно закрываются фирмы, принадлежащие к наиболее современным хозяйственным сферам. К примеру, такая отрасль, как электроника, потерявшая в результате происходящих перемен 55% своего имущества, лишилась 43 тыс. рабочих мест. (...) Польская оборонная промышленность во второй половине 80-х годов насчитывала свыше 120 предприятий, на которых трудились 250 тыс. работников. Сегодня же в этой отрасли функционирует 20 предприятий, входящих в оборонный холдинг «Бумар» и дающих работу 25-30 тыс. человек. (...) В научно-исследовательских центрах в 1989 г. работало 54 тыс. человек, а в конце 90-х годов уже только 7 тысяч. (...) Польская промышленность не только отставала технологически, но и не располагала опытом капиталистической организации труда, кроме того, ей не хватало бизнес-контактов». *(Рафал Вось, «Политика», 1-7 апр.)*

» **«Польша, словно огромный пылесос, очищает западные рынки от подержанных автомобилей, средняя стоимость которых составляет 15 тыс. злотых, а средний «возраст» — 11 лет. (...) Сажевые фильтры DPF предназначены для того, чтобы дизельные двигатели соответствовали норме Евро-4, принятой в 2005 году. Фильтры способствуют очистке выхлопных газов, в том числе и от канцерогенной сажи. Проблема в том, что они сложны в эксплуатации, ненадежны и дороги — стоимость нового фильтра колеблется от нескольких тысяч до полутора десятка тысяч злотых. Тому, кто снимет фильтр со своего автомобиля, грозит серьезное наказание — везде, но не в Польше. У нас эти фильтры вырезаются в массовом порядке и совершенно безнаказанно. Несмотря на законодательный запрет, сотни мастерских проделывают это в открытую. Спрос на такую операцию довольно велик. Вырезаются даже исправные фильтры — благодаря этому автомобиль обретает дополнительную мощь в объеме 4-8 лошадиных сил, что улучшает его параметры, а владелец автомобиля получает 800-1200 злотых, именно столько за фильтр можно выручить в пункте скупки металлолома. (...) Как на это реагирует полиция? Состав выхлопных газов дизельных двигателей она не проверяет, поскольку не располагает соответствующим оборудованием, а станции контроля за автотранспортом не обязаны этого делать».** ***(Артур Влодарский, «Газета выборча», 30 марта)***

» «В крупных польских городах сейчас вырабатывается до 20-30% отходов, в то время как в 2012 г. их количество составляло 10%. (...) Когда была проведена соответствующая реформа, объем вырабатываемых коммунальных отходов в том же году уменьшился примерно на 7%, а количество нелегальных мусорных свалок возросло на 20%, хотя должно было быть наоборот. (...) Законодатели полагали, что полякам будет невыгодно выбрасывать мусор среди леса». *(Бартош Пилат, «Газета выборча», 17 марта)*

» **«Фонд польских кредитных союзов в течение 20 лет был частью системы Кооперативных кредитно-сберегательных касс (ККСК). Фонд располагал правом решающего голоса в Национальной кассе, возглавляемой Гжегожем Берецким, которая обязывала все кредитно-сберегательные кассы сотрудничать с фондом. ККСК годами обучали своих сотрудников и платили за это фонду. Обучение проходило каждые два года, и каждый курс, так же, как и экзамены, необходимо было оплачивать. (...) Кассам приходилось платить за компьютерную систему и логотип ККСК, оплачивать аренду помещений, при этом все де-**

ньги перечислялись на счет фонда. Теперь же фонд оказался ликвидирован, и все денежные средства были переведены на счета компании, принадлежащей Гжегожу Берецкому, сенатору от «Права и Справедливости», его брату и Адаму Едлинскому, юристу ККСК и близкому другу президента Леха Качинского». ***(Беата Миколаевская, «Политика», 25-30 мая)***

» «Несколько миллиардов злотых из выплаченных банками денежных средств были переданы в Банковский гарантийный фонд, чтобы те, кто откладывали сбережения в ККСК, не потеряли своих денег. Это связано с тем, что со счетов ККСК исчезло несколько миллиардов злотых. (...) Исчезновение этих денег наносит фонду гораздо больший ущерб, чем если бы деньги испарились со счетов в каком-либо банке. (...) От масштабов этой финансовой аферы, равных которой еще не было в истории Третьей Речи Посполитой, поистине захватывает дух», — Лешек Бальцерович. *(«Жечпосполита», 25 марта)*

» **««Высшая контрольная палата установит факты, о которых все и так знают, выразит обеспокоенность, распечатает отчет и положит его на полку», — так охарактеризовал деятельность главного контрольного института страны один из интернет-пользователей. (...) В 2013 г. палата подвергла проверке более двух с половиной тысяч хозяйствующих субъектов. И что в результате? Даже если в ходе проверки выявляются нарушения, на этом все обычно и заканчивается. Дело в том, что отсутствует механизм, который бы заставил проверяемую организацию выполнять предписания палаты».** ***(Каролина Топольская, Анна Ясковская, «Дзенник газета правна», 20-22 марта)***

» «На вопрос исследовательского агентства «TNS Polska» о том, чьи интересы представляет правительство Речи Посполитой, 53% респондентов выбрали ответ «собственные политические и партийные интересы». Лишь 13% полагают, что правительство выражает интересы всего общества. Столько же участников опроса уверены, что правящие круги отстаивают интересы предпринимателей. (...) Поляки, как правило, не доверяют тем, кто представляет их на официальном уровне, как не доверяют партиям, профсоюзам и правительственным организациям. Они в состоянии понять людей, борющихся за свои собственные жизненные интересы, но при этом не спешат демонстрировать общественную эмпатию и солидарность. (...) И всячески дистанцируются от правительства, которое, как всегда, оказывается в сложной ситуации, будучи обязанным что-то дать одним, не забирая при этом у других. (...) Мы представляемся самим себе эдаким сообществом микрогрупп со своими микроинтересами, конгломератом разросшихся семейных кланов и тусовок, вовлеченных в частные инициативы и взаимоотношения. (...) Такой подход хорош тем, что он не предполагает в будущем никакой революционной ситуации». *(Мариуш Яницкий, «Политика», 18-24 марта)*

» **«По данным опросов в рамках проекта «World Values Survey», проводившихся в 2010-14 гг. в 59 странах, мы с нашим недоверием к политикам идем на мировой рекорд. (...) Целых 72% эстонцев доверяют своему правительству, такой же позиции придерживаются 62% шведов, 55% немцев, 46% американцев и всего лишь 21% поляков! (...) Доверие к политическим партиям в Польше выразили всего лишь 8% респондентов — меньше, чем в Ираке (12%) и лишь немногим больше, чем в Ливии (7%). (...) В соотношении с численностью населения польские политические партии самые небольшие в ЕС: к ним принадлежат лишь 0,03% поляков (для сравнения, в Австрии, возглавляющей список по данному показателю, в политических партиях состоят 17% населения). Если верить статистике шести крупнейших польских политических группировок, в них состоит в общей сложности 233 тыс. человек, но при этом только 80% из них платит взносы. (...) 41% опрошенных уверен, что было бы лучше, если бы в Польше существовала только одна, но при этом эффективная политическая партия».** ***(Эва Вильк, «Политика», 1-7 апр.)***

» «Как можно блокировать шоссе тракторами за 300 тыс. злотых, пусть и купленными в кредит, а при этом требовать от правительства возмещения ущерба, причиненного стадом кабанов? Это компетенция страховой компании, а не премьер-министра. (...) В Ясной Гуре один из архиепископов заявил, что Польшей правит банда аферистов, мафия, которая пришла к власти в результате фальсификации выборов. И он же, не моргнув глазом, получает от этой власти деньги на деятельность Церкви! Как это все совмещается

в его епископской голове? (...) Есть политические партии, не признающие правительство, президента и Сейм, хотя преспокойно в нем заседающие. И когда после голосования встает недовольный его результатами депутат и просит маршала Сейма признать голосование недействительным, то я просто не знаю, что сказать. (...) Рядом с моим домом находится озеро Вигры, а вокруг него — леса и поляны. Кругом летают птицы и насекомые, живут-поживают ежи и белки, кабаны и куницы, бобры и лоси. А кроме того, там ждут, когда я вернусь из своих поездок, мои самые большие друзья — мои собаки (*подобранные по дороге во время тех самых поездок — В.К.*)», — Станислав Тым. *(«Польска», 16 марта)*

» **«Каждый, кто пользуется интернетом, знает, кто такие «тролли» и что такое «хейт». (...) «Хейт» (от английского «hate» — «ненависть») — это беспочвенная агрессия по отношению к героям или участникам виртуальной дискуссии. Словесная агрессия выражается, как правило, в оскорблениях, голословных обвинениях и даже угрозах. (...) Интернет, особенно польский, полон «хейта» и прочего мусора. (...) «Хейт» и журналисты-«тролли» проникли также на телевидение, радио и в печатные СМИ. (...) Складывается впечатление, что значительная часть серьезных масс-медиа откровенно третирует персонажей собственных публикаций, любой ценой пытается унизить их и высмеять, тщательно подчеркивая каждый их промах. (...) Состояние современных польских СМИ грубо нарушает фундаментальные принципы открытости и объективности. (...) Масс-медиа в их нынешнем виде не в состоянии контролировать политиков, а стало быть перестают быть «четвертой властью»». *(Мариуш Цеслик, «Жечпосполита», 11-12 апр.)***

» «Наша культурная память в последнее время стала слишком короткой. (...) Мне кажется, что память культуры перестала существовать как таковая. (...) Уничтожение культурной памяти произошло у поляков в последнее десятилетие. Еще в 90-е годы я наблюдал большую заинтересованность соотечественников прошлым нашей культуры», — Анджей Завада. *(«Нове ксёнжки», 4/2015)*

» **«Аристотель писал, что политический консенсус возможен лишь там, где уже существует консенсус относительно понимания добра и зла. Если люди понимают эти категории совершенно по-разному, договориться у них не получится. (...) Уже из коммунистической эпохи мы вынесли очень разные представления о том, что хорошо и что плохо. Добавим к этому общественное расслоение, которое за последние 26 лет скорее усилилось, чем ослабло. В таких условиях очень трудно сформулировать внятную концепцию национальных интересов и найти ту силу, которая бы эти интересы объединила», — проф. Анджей Новак. *(«Жечпосполита», 28-29 марта)***

» «Мне кажется, мы недостаточно прониклись словами Иоанна Павла II, которые он произнес еще до 1989 года: «Будьте бдительны, чтобы не растеряться, когда наступят свобода и благосостояние»», — кардинал Казимеж Ныч. *(«Жечпосполита», 4-6 апр.)*

» **25 лет назад министр образования Генрик Самсонович издал распоряжение о введении в школах основ религии. Сегодня он вспоминает об этом так: «Я всегда считал данный шаг своего рода актом благодарности и признательности в отношении Церкви, которой мы очень многим обязаны за ее позицию во времена упадка ПНР, поэтому, если бы мне вновь пришлось принимать это решение, я бы поступил точно так же». *(«Жечпосполита», 2 апр.)***

» «По данным Министерства национального образования, в 2013/2014 учебном году в детских садах и школах всех типов занятия по основам религии проводили 30 570 богословов, состоящих в штате на 25 179,11 должностных ставках. Согласно справочнику «Католическая церковь в Польше в 1991-2011 годах», в 2009 г. общее количество штатных богословов составляло 33 492 человека, из них 11 382 епархиальных священника, 1 152 иеромонаха, 2 610 монахинь и 18 348 светских богословов. (...) Богослов-стажер получает 2 717,59 злотых без вычета налогов, а дипломированный преподаватель богословия — 5 000,37 злотых, также «грязными». На выплату вознаграждений за проведение в школах занятий по основам религии органами власти и местного самоуправления в 2013 г. было выделено 1,3 млрд злотых. (...) Фонд «Свобода от религии» в конце 2014 г. провел опрос среди директоров школ, расположенных на территории Люблинского воеводства. Выяснилось, что в 71,6% школ пре-

подаватели основ религии оказывают влияние на принятие руководством школы решений по вопросам, не связанным с преподаванием основ религии. 13,4% директоров школ назвали это влияние весьма серьезным». *(Кацпер Лесневич, «Пшеглёнд», 7-12 апр.)*

» **«47% поляков поддерживает выделение государственных дотаций на преподавание основ религии. По данным опроса, проведенного агентством «TNS Polska», 43% респондентов высказываются за то, чтобы перенести преподавание этого предмета из школ в помещение церковного прихода. (...) По мнению профессора Магдалены Сроды, «польское общество становится все боле светским именно благодаря преподаванию основ религии. После 12 лет изучения этого предмета студенты не в состоянии перечислить десять заповедей»», — о. Адам Бонецкий. *(«Тыгодник повшехный», 12 апр.)***

» ««В приходах у всех министрантов, с целью контроля за их деятельностью, снимают отпечатки пальцев. Перед каждой мессой министрант обязан поднести палец к специальному устройству». По мнению Малгожаты Калужинской-Ясак, пресс-секретаря Генерального инспектора охраны личных данных, «единожды предоставленные биометрические данные навсегда становятся идентификатором конкретной личности. И если они попадут не в те руки, мы можем потерять собственную идентичность. (...) Лицо, которое предоставляет такие данные, должно иметь возможность выбора другого, менее затрагивающего личное пространство способа подтверждения своей личности. В случае же, если речь идет о детях, необходимо согласие их родителей»». *(«Газета выборча», 2 апр.)*

» **«Около 80% поляков не нравится, когда священники указывают людям, как им голосовать. Подавляющая часть общества говорит решительное «нет» участию Церкви в политике. (...) Поляки не собираются расставаться со своей верой в том виде, в котором они ее декларируют и чувствуют, но в церковь они ходят все реже», — Мирослава Грабовская, директор ЦИОМа. *(«Газета выборча», 8 апр.)***

» «Уже 32% поляков оценивают роль Церкви негативно. При этом 62% положительно отзываются об армии, а 65% столь же позитивного мнения о полиции. Важно отметить, что формируется тенденция: все большим доверием пользуются армия и полиция. Люди хотят стабильности и покоя. При этом Церковь вызывает все больше нареканий со стороны общества. И чем чаще это происходит, тем активнее она распихивает локтями конкурентов. Я вижу это хотя бы на примере начальной школы, в которой учится мой сын», — Томаш Яструн. *(«Политика», 30 марта — 6 апр.)*

» **Поддержка партий: «Гражданская платформа» — 36%, «Право и Справедливость» — 31%, Союз демократических левых сил — 8%, крестьянская партия ПСЛ — 6%, КОРВиН («Коалиция обновления Республики — Вольность и Надежда») — 4%, «Твое движение» — 3%. 11% респондентов готовы принять участие в выборах, но пока не знают, за кого они будут голосовать. Избирательный порог для партий составляет 5%. Опрос института «Homo Homini», 10-11 апр. *(«Жечпосполита», 14 апр.)***

» «Польская гуманитарная акция с 2012 года помогла уже 640 тыс. сирийцев (в основном тем, кто проживает на севере страны, в провинциях Идлиб и Хама), обеспечивая людей водой и продовольствием, а также предоставляя медицинскую помощь. (...) Благодаря присутствию Польской гуманитарной акции, в те районы, где нет больниц и медпунктов, приезжает санитарная машина, а ее персонал раздает детям лекарство от лейшманиоза — заболевания, которое передается через укусы москитов и является причиной массовой гибели людей. Сотрудники Польской гуманитарной акции покупают в Турции муку и доставляют испеченный из нее хлеб на территории, находящиеся под угрозой голода, а также строят генераторы питьевой воды». *(Ярослав Гизинский, «Жечпосполита», 17 марта)*

» **«Я работала астрономом в Польской академии наук. (...) Однажды я решила заняться организацией гуманитарной помощи для Сараево, а потом вернуться к научной работе. (...) Так в 1994 году появилась Польская гуманитарная акция. (...) Сегодня в нашем активе уже 44 страны, которым мы помогали. А некоторым помогаем и по сей день. (...) В настоящее время Польская гуманитарная акция — это единственная польская организация, выступающая партнером Европейской комиссии в области гуманитарной помощи.**

(...) В помощь голодающим Сомали мы собрали свыше 3 млн злотых: было несколько переводов на 10 тыс. злотых, почти два десятка на 5 тыс. злотых, чуть больше на тысячу, на размер большинства взносов колебался от ста до десяти злотых. Нас финансируют люди, которые сами не могут похвастаться высоким уровнем жизни. (...) Сейчас мы боремся за право основать миссию в Северной Корее, и я уверена, что у нас это получится. (...) В мире ежедневно 26 тыс. человек умирает от голода, 6 тыс. детей умирает из-за отсутствия питьевой воды, а количество беженцев уже перевалило за 50 миллионов. (...) Если бы кто-нибудь в 1994 году сказал нам, что мы за двадцать лет создадим организацию, которая обеспечит почти полумиллиону людей постоянный доступ к питьевой воде, я бы ему не поверила. Но мы это сделали, затратив на это сравнительно небольшие средства», — Янина Охойская, основательница Польской гуманитарной акции. *(«Пшеглёнд», 16-22 мая)*

» «За последние 40 лет популяция медведей в Подкарпатье выросла в шесть раз и сегодня насчитывает почти 150 особей. (...) Сотрудники лесничеств Ступосяны, Команьча и Цисна вместе со Всемирным фондом дикой природы вот уже несколько лет восстанавливают сады, оставленные украинцами и лемками после их выселения в 1947 году. (...) Фрукты, особенно яблоки и груши, служат для всеядных медведей особым лакомством. Восстанавливая старые сады, лесники попутно сажают новые. На сегодняшний день ими посажено уже 600 деревьев. (...) Растущие сады пока что огорожены, чтобы саженцы не уничтожили олени». *(«Впрост», 23-29 марта)*

» «Необходимо ограничить количество деревьев, растущих на обочинах дорог, считает Высшая контрольная палата. Почему? Ответ прост: слишком много людей гибнет из-за них в автокатастрофах». *(«Газета выборча», 10 апр.)*

» «Большие деревья на обочинах дорог подверглись массированному уничтожению. (...) Только с октября 2013 г. по февраль 2014 г. в Варминско-Мазурском воеводстве было вырублено 3 тыс. деревьев *(многие из которых были посажены еще до 1939 г. немцами — В.К.)*. А сколько их пало под ударами топора в течение последних нескольких лет по всей стране? Сотни тысяч? (...) В Бранденбурге деревья не вырубают, а окружают специальными барьерами, общая протяженность которых составила 1,3 тыс. километров. В результате количество аварий в 1997-2005 гг. снизилось на 33%, а количество погибших в автокатастрофах — на две трети. На немецких дорогах, обсаженных деревьями, можно увидеть дорожный знак, предостерегающий о возможном столкновении с деревом и предписывающий снизить скорость. У нас таких знаков нет». *(Адам Вайрак, «Газета выборча», 10 апр.)*

» «Еще в прошлом году какие-то несчастные идиоты подожгли одно из старейших в Польше деревьев — 760-летний дуб «Храбрый», растущий в Нижнесилезских борах. После пожара эксперты пришли к выводу, что шансов выжить у него нет. Однако несколько дней назад лесники заметили, что дерево ожило, на нем появились зеленые почки. *(В Шотландии растет тис, которому 5 тысяч лет, и никто его пока не поджигал — В.К.)»*, — Станислав Тым. *(«Политика», 1-7 апр.)*

» «Когда-то серую цаплю у нас можно было легко увидеть практически всюду. С некоторых пор это не так легко — встречается она очень редко. (...) Все потому, что в Польше разрешена охота на серую цаплю. (...) В Подлясье охота на птиц разрешена даже в те периоды, когда велика вероятность того, что в гнездах уже находятся вылупившиеся птенцы. (...) Оставшись без родителей, птенцы умирают от голода. (...) Во многих странах, например, в Великобритании, эти красивые птицы считаются показателем качества водной среды, если с ними происходит что-то недоброе, это тревожный звонок, причем не только для природоведов». *(Адам Вайрак, «Газета выборча», 27 марта)*

» «Наша популяция журавлей ежегодно увеличивается на 6-7%. Сегодня в Польше их насчитывается 20-22 тыс. пар. (...) Благодаря смягчающемуся климату по крайней мере часть этих птиц уже не улетает на зиму в Испанию или Турцию, оставаясь в основном в западной части Польши. Короткий перелет менее рискован и не так утомителен. На зимовьях у журавлей достаточно корма, поскольку на кукурузных полях после уборки урожая остается много зерен». (Адам Вайрак, «Газета выборча», 20 марта)

ОБ ЭМИГРАЦИИ

С Мирославом Хоецким беседует Аркадиуш Хабера

— Каким образом вы оказались в эмиграции?

— Уезжал я совсем ненадолго, на книжную ярмарку во Франкфурт-на-Майне, куда должен был доставить книги ряда независимых издательств, связанных с «Солидарностью». Чтобы не будить лишних подозрений, я сел в легковой автомобиль, упаковал туда книги и через Свиноуйсьце проехал в Германию. Те из моих коллег, которые решили лететь во Франкфурт самолетом, полностью лишились книг, у них все отобрали. А у меня было специальное письмо от Леха Валенсы, по поводу чего таможенники и пограничники не располагали никакими инструкциями, и они попросту пропустили меня. Во Франкфурте я получил телекс от Тадеуша Мазовецкого, что канадские профсоюзы хотят выделить какое-то количество бумаги для еженедельника «Тыгодник Солидарность». В тот момент никому уже не выдавали заграничных паспортов; дело было в начале ноября 1981 г., поэтому мне пришлось немного подождать, чтобы получить канадскую визу и реализовать данный проект. Было даже такое грузовое судно, которое должно было плыть из Ванкувера в Щецин и забрать с собой вышеуказанную бумагу, — но из этого ничего не вышло, поскольку у нас в стране нежданно-негаданно ввели военное положение. Так вот и получилось, что военное положение застало меня на другом берегу Атлантического океана.

— Потом вы перебираетесь в Европу.

— В Европе ходили поезда, ездили в Польшу всякого рода благотворительные составы и автоколонны. А из Польши возвращались разные иностранцы, так как сами поляки уже вроде бы не выезжали, по крайней мере, в начале военного положения. Вместе с тем в Соединенных Штатах самолеты из Польши уже не приземлялись. Поначалу я отправился в Вашингтон. Оттуда, чтобы что-нибудь узнать, надо было звонить в Варшаву, Вену, Париж, Стокгольм, Западный Берлин. И все это ради того, чтобы получить информацию о том, что происходит на родине. Это было очень удручающе и некомфортно. Поэтому, воспользовавшись первым удобным случаем, каким-то приглашением от шведских профсоюзов, я сел в самолет, который они оплатили, и вернулся в Европу. Мне казалось, что если уж останавливаться где-либо в Европе на дольше, то Париж — самое лучшее, самое интересное место. В Париже было больше всего контактов с нашей страной, хотя кое-кто утверждает, что Рим был значительно интереснее, туда ездили многочисленные группы польских паломников. Однако меня интересовали вовсе не члены таких групп, а люди, которые могли иметь связи с подпольными структурами.

Перед отъездом из Польши я занимался публикацией нелегальных материалов, организовывал работу подпольных издательств, в том числе издательства «Незалежна официна выдавнича». Вскоре мне удалось узнать, кто из коллег остался на свободе, кого не интернировали и не арестовали, и довольно быстро я с этими людьми связался. Поскольку в Польшу ездили транспортные колонны с гуманитарными грузами, я начал организовывать переброску туда разнообразного, главным образом, полиграфического оборудования и радиоприемников (конкретно — транзисторных приемников). Так я стал «министром транспорта», а может, «министром контрабанды» в зарубежном представительстве независимого самоуправляющегося профсоюза «Солидарность» с местопребыванием в Брюсселе. Указанное учреждение было организовано Временной координационной комиссией этого профсоюза. Его руководителем был Ежи Милевский, в состав, в частности, входили Славек Чарлевский, Северин Блюмштайн, Кристина Рухневич и др.

— Это там вы впервые вступили в контакт с Ежи Гедройцем?

— Контакт с Ежи Гедройцем у меня установился уже несколько ранее в связи с деятельностью издательства «Незалежна официна выдавнича», где выходили некоторые позиции из числа

печатавшихся его Литературным институтом, а также подборки текстов из ежемесячника «Культура». Впервые я встретился с ним лично в Стокгольме в 1980 г., по случаю вручения Нобелевской премии Чеславу Милошу. Милош был тем польским писателем, которого официально в Польше не печатали. Единственным его публикатором было издательство «Незалежна официна выдавнича». К моменту получения Милошем Нобелевской премии мы успели выпустить практически всё, написанное им. В эмиграции единственным издателем его произведений были Литературный институт и парижская «Культура». Именно эта общность издательской деятельности в итоге очень нас сблизила.

После отъезда из Соединенных Штатов в феврале 1982 года я попал в Париж. Не знаю, обратили ли вы внимание на следующий факт: генерал Ярузельский предложил интернированным лицам выехать из страны, он, собственно говоря, позволил им эмигрировать. В связи с этим редактор Гедройц, памятуя об опыте венгерской эмиграции после 1956 года, а также чешской эмиграции после 1968 года, опасался, что на страницах «Культуры» не найдется достаточно места для прибывающих из Польши журналистов, публицистов и писателей, которые захотят печатать там свои тексты. В один из этих дней он вызвал меня к себе и сказал, что в обязательном порядке необходимо основать новый журнал. Я ответил ему, что ни в чем таком не разбираюсь и никогда в жизни не написал ни строчки. На это редактор ответил: «Это как раз то, что нужно. Вы не написал в жизни ни строчки, иными словами, вы не будете проталкивать самого себя, а будете редактировать, издавать журнал». Таким вот образом в результате уговоров Гедройца и возник ежемесячник «Контакт».

— Были ли у вас также отношения с другими волнами польской эмиграции, как с послевоенной, так и с той, которая возникла после 1968 года?

— Разумеется, были. Я поддерживал многочисленные дружеские союзы и деловые связи со старой эмиграцией. Начиная с очень важного для меня Мацека Моравского, который работал на радиостанции «Свободная Европа», и вплоть до Объединения польских ветеранов войны, где у меня тоже были кое-какие друзья, а еще был Ежи Урсын Немцевич, как кажется, последний из представителей послевоенной подпольной организации «Свобода и независимость», который пробрался на Запад и уже там остался, потому что в сущности ему незачем было возвращаться в родную страну. Кроме того, следует принять во внимание эмиграцию 1968 года. Ее отчасти составляли мои товарищи, коллеги, знакомые, друзья. Со многими из них я познакомился лишь в Париже, как, например, с Александром Смоляром или Габриелем Меретиком, человеком чрезвычайно важным для польско-французских отношений, в чем лишь немногие отдают себе отчет.

Габриель, еще находясь в Польше, основывал одну из постоянных передач в программе III Польского радио, а после вынужденного отъезда на волне антисемитских чисток начал работать на французском радио, затем на телевидении. В начале 1980-х годов он руководил новостными программами французского телевидения. Оно было тогда публичным, государственным. Именно глава службы телевизионных новостей принимал решения, что в них показывают. И то обстоятельство, что Польша по сути дела не сходила с экранов французского телевидения, стало причиной столь огромной поддержки «Солидарности» со стороны французов. Габриелю было довольно легко это делать. Во-первых, он знал язык, во-вторых, у него были многочисленные контакты, в том числе и в Польше, так что люди из Польши пересылали ему разнообразные материалы, даже киносюжеты, отснятые где-то там скрытыми камерами с сознанием того, что кто-нибудь использует все это с толком. Вот он и использовал это с толком.

— Оказал ли Ежи Гедройц влияние на ваше восприятие Советского Союза?

— Естественно, да. Сама идея, что Польша должна отказаться от восточных территорий, от Вильно и Львова, была для меня очевидной. Вместе с тем я отдаю себе отчет в том, что для тех людей, которые оказались в эмиграции вместе с армией Андерса и были родом с восточных окраин Польши, откуда попали в советские лагеря, отказ от своих исконных мест, от усадеб был огромной проблемой и шоком. Им, собственно говоря, некуда было возвращаться. Вернуться в Польшу они не могли, поскольку у них там ничего не осталось, а возвращаться в Россию никто из них, пожалуй, бы не решился. Тот факт, что Гедройц пропагандировал идеи подобного рода, казался мне необычайно смелым.

Думается, я всегда осознавал это, и мне кажется, что Гедройц не столь уж сильно повлиял на понимание того, что советская система и россияне — это вовсе не одно и то же. Впрочем, поляки и коммунистическая система в Польше тоже не были одним и тем же. Я имел возможность познакомиться с Булатом Окуджавой, который, приезжая в Варшаву, иногда останавливался у Виктора Ворошильского. Мне также представлялись возможности пообщаться со многими другими россиянами, которые никоим образом не являлись представителями советской системы. Поэтому я не отождествлял русских с этой системой, и когда очутился в Париже, довольно легко сошелся с российской эмиграцией.

— Обязаны ли вы контактам с российской эмиграцией своему знакомству с Ежи Гедройцем?

— В Париже я оказался в феврале 1982 года. Многие вещи там уже вполне устоялись. Например, в одном из чрезвычайно важных российских изданий, «Русской мысли», значительное место посвящалось Польше и «Солидарности». Немало молодых поляков было связано с «Русской мыслью», к примеру, Анджей Метковский или его тогдашняя жена, Аня Метковская. Посему мне трудно сказать, завязались ли указанные контакты благодаря подобного рода людям или же через редактора Гедройца, но каким-то образом они оказались установленными.

Зато самая тесная дружба связывала меня, а также мою семью с Натальей Горбаневской. Наташа очень много мне помогала, особенно в начале моей эмигрантской жизни. Именно она была автором названия нашего ежемесячного журнала и объединения — «Контакт». Название родилось в процессе наших с ней разговоров, когда я объяснял, в чем состоит идея того, что мне хотелось бы делать. Мои размышления она дополняла собственными наблюдениями и замечаниями, а в какой-то момент предложила: «Если вы хотите быть своего рода мостом, связующим звеном, ну, в общем, контактом между Польшей и эмиграцией, то почему бы вам так себя и не назвать — «Контакт»?». Так оно и вышло.

С Наташей мы, можно сказать, дружили до самого конца. Потом, когда я уже вернулся из эмиграции, потому что не было причины сидеть во Франции, я всегда, приезжая в Париж, бежал встретиться с ней где-нибудь за чашечкой кофе. А когда она приезжала в Польшу, то либо в моей квартире, либо в квартире Натальи Ворошильской, мы организовывали встречи друзей Горбаневской. На них появлялись очень разные люди, но это сама Наташа решала, кого она хочет пригласить. Наши контакты, хотя и не слишком частые, были важны для нас.

Вторым человеком из русской эмиграции, которого я бы хотел упомянуть, — хотя подчеркиваю, что, если не считать Наталью, то у меня имелось очень немного контактов с русской эмиграцией, — но вторым таким человеком был Владимир Максимов, главный редактор «Континента». Несколько раз мы с ним встречались, дискутируя — что здесь особенно скрывать — по политическим вопросам. Хотя вообще-то я не считаю себя ни политиком, ни знатоком политики, тем не менее Максимов, в полной мере осознавая, что у меня хорошие отношения с Ежи Гедройцем, имеются контакты с людьми, живущими в Польше, и я знаю, что происходит в этой стране, иногда приглашал меня на обед или на кофе с целью поговорить о польских делах — не польско-российских, а именно о чисто польских. При этом право высказываться предоставлялось в общем-то мне, а он слушал. И очень мало говорил от себя — он приходил скорее послушать, чем побеседовать. Хотя, разумеется, я тоже расспрашивал его о тех делах, которые интересовали меня в качестве тем для нашего ежемесячника, то есть о Московской хельсинкской группе, о диссидентском движении в Советском Союзе, о взглядах Александра Солженицына, которые как раз тогда, в середине 80-х годов, начинали меня слегка смущать. Меня беспокоила — впрочем, не одного меня — эта его русская великодержавность (сегодня мы бы сказали: алчная путинская ненасытность). Именно об этом я спрашивал у Максимова. И как раз от Максимова я в первый раз услышал фамилию Сергея Ковалева, который на тот момент сидел в лагере, а потом стал членом российской Думы, российским депутатом в Совете Европы, а также уполномоченным по правам человека в России. После 1991 года я контактировал с Ковалевым. Он предоставлял нам высказывания для нескольких реализованных мною кинофильмов, но первая информация о нем исходила от Максимова.

Третий человек из числа русской эмиграции, сыгравший довольно существенную роль в моей жизни, — это Ирина Иловайская-Альберти, главный редактор и директор еженедельника «Русская мысль». Ирина поддерживала довольно тесные контакты с различными представителями эмиграции, причем не только польской и российской, но и с чехами, словаками, болгарами, румынами. Редактор Гедройц концентрировался скорее на Восточной Европе, тогда как нам казалось, что коммуну будет легче свергнуть, если мы станем свергать ее везде, а не только в Польше. Следовательно, также в Чехословакии, Венгрии, Румынии, Болгарии и т. д. Причем именно Ирина помогла нам связаться с самыми разными эмигрантами из коммунистического блока. Это нашло выражение в текстах, которые печатались в «Контакте». Среди прочего, посредством публикации статей Павла Тигрида, который в Париже был главным редактором ежеквартального журнала «Сведецтви», а потом, после всех перемен, возвратился в Прагу и стал министром культуры. Раз уж речь зашла о чехах, то, если я хорошо помню, как раз благодаря Ирине у меня установились контакты с Яном Каваном, который после 1989 года стал министром иностранных дел. Это лишь некоторые примеры того, с какими личностями «Русская мысль» поддерживала отношения и контакты, а также какого ранга были эти контакты.

— Сотрудничала ли редакция «Контакта» с прессой российской эмиграции, к примеру, перепечатывались ли статьи друг друга?

— Да, мы сотрудничали, но статьи не перепечатывали, потому что совершенно по-иному пишется для польского читателя, где можно употреблять какие-то сокращенные формы изложения, и по-иному — для читателя за пределами Польши. Следовательно, мы, пожалуй, не столько перепечатывали — ибо мы оперировали не литературой, а общественно-политической публицистикой, — сколько заказывали конкретные тексты.

— Каким образом эмигрантская российская пресса попадала в Советский Союз и распространялась там? Наверно, нечто такое имело место.

— Имело место, но я ничего на эту тему не знаю. Зато знаю, что небольшое количество экземпляров «Континента», штук 10 или 20, мы получали для отправки в Польшу, поскольку в Польше тоже очень интересовались «Континентом». Чего нельзя сказать о «Русской мысли», так как она все же была изданием очень актуальным, сконцентрированным на насущных проблемах. В итоге для распространения в Польше мы получали только «Континент».

— Возник ли среди российской эмиграции взгляд, что Советский Союз должен распасться, что такие страны, как Литва, Латвия, Эстония, Белоруссия, Украина, должны получить независимость?

— Да. И на эту тему я беседовал как с Ириной, так и с Максимовым. Здесь мое мышление входило в столкновение с Солженицыным, который утверждал, что Россия должна быть неделимой, и недопустимо, чтобы от нее могли отрываться какие-либо части. Думаю, те россияне, которых я называл, осознавали, что их страна представляет собой искусственное образование. Что между людьми, проживающими в Сибири, и латышами или литовцами нет ничего общего, ничто их не связывает. Ни религия, ни язык, ни прошлое, ни история — и потому у этой страны нет будущего. Ведь если речь идет о народе, государстве, обязательно должен существовать какой-то общий знаменатель.

— Отдавали ли вы себе отчет в том, что пройдет целых девять лет, прежде чем вы вернетесь в Польшу?

— Наташа Горбаневская утверждала, что эмиграция — отнюдь не какая-либо временная вещь; кстати, то же самое говорил Гедройц. Чтобы ее пережить, нельзя вести существование на чемоданах, — надо исходить из предположения, что так уже будет всегда, постоянно, и стараться жить именно с этой мыслью. Надлежит пустить корни, ибо лишь при таком условии можно достичь значительно большей эффективности в том, что ты делаешь. Если же человек будет жить мыслью, что уже завтра ему предстоит возвращаться, то он не сможет работать ни для себя, ни для страны. Так что и Гедройц, и Наташа наверняка научили меня всему этому. Гедройц стал эмигрантом по случайному стечению обстоятельств, Наташу вышвырнули из Советского Союза. Однако в данном вопросе, невзирая на это

различие, они придерживались абсолютно одинакового мнения, одинакового подхода. И в контактах с эмигрантами несложно было заметить, что эти люди мечтают о возращении в страну своей молодости. Однако в случае русских с тех пор прошло уже 50 лет, и эта страна стала совсем иной и уже никогда не будет такой, как в годы их молодости. Похожим образом обстоят дела и с польскими эмигрантами довоенного периода: в мечтах им виделась та Польша, какой она была в конце 30-х годов, но было известно, что такой ей уже никогда не бывать. Эмигранты думают о том, чтобы сохранилось состояние, которое существовало в момент, когда они покидали страну. А что же делают все это время те люди, которые в ней остались? Стараются менять свою страну, менять ту систему, которая уже не будет такой, как в прошлом.

— Иначе говоря, ностальгия — это в эмиграции очень сильное чувство.

— Естественно. Но не только, в эмиграции, хотя в эмиграции — особенно, причем оно там решительно сильнее, нежели на родине.

— Но в таком случае не является ли это чувство опасным, не создается ли какая-то идеальная модель отчизны, которой нет и, быть может, никогда не было и не будет?

— К счастью, одно поколение сменяется следующими. Некая идеальная модель сегодня является обязательной, а через десять лет придет совсем другая. И этого не следует принимать близко к сердцу. Видимо, так уж устроен человек, так уж устроен мир.

Не так уж много на свете журналов, которые хотели бы — в той форме, в которой они выходят, — прожить покороче. Таких, что самой своей деятельностью стремятся сменить место выхода.

К этим удивительным журналам принадлежит «Континент». В момент осуществления идей, за которые он борется, идей демократии в Восточной Европе и вообще во всем мире, — «Континент», вероятней всего, радикально изменился бы. Но и тогда такой журнал останется нужным.

Когда я впервые встретился с «Континентом» (а было это под конец 1975 года, как раз тогда, когда в конституцию ПНР вписывали «любовь» к Советскому Союзу), он стал для меня откровением. Я многому научился, а главное, увидел, что можно подняться над тем, что нас разделяет, не игнорируя этого и в то же время стараясь в нем разобраться и ведя к взаимному пониманию, ибо «Континент» борется со старым принципом «разделяй и властвуй», тем принципом, который коммунистические режимы вбивают в нас с детства.

Когда я читаю «Континент», у меня нет впечатления, что это «эмигрантский» журнал. В благоприятствующих условиях он мог бы выходить где угодно: в Москве, Ленинграде, Праге, Варшаве или Будапеште. Читая тексты, не можешь определить места издания. И в этом, вероятно, тоже лежит величие журнала.

И хотелось бы по-старопольски пожелать «Континенту»: «Сто лет!» — но я предпочел бы пожелать как можно меньше лет в Париже и как можно более скорого переезда в Москву.

Мирослав Хоецкий
«Континент», № 40, 1984

Мирослав Хоецкий (р. 1949) — оппозиционер, типограф, издатель. Участник мартовских событий 1968 г. в Варшавском политехническом институте, с 1976 г. член Комитета защиты рабочих, соучредитель «Независимого книжного издательства», самого крупного подпольного издательства в коммунистическом блоке. С 1981 г. до 1990 г. в эмиграции (первоначально в Канаде и США, с 1982 г. — во Франции). Член зарубежного представительства НСПС «Солидарность», основатель и издатель эмигрантского ежемесячного журнала «Контакт», руководитель киногруппы «Контакт». Основатель и почетный президент «Общества свободного слова». Кавалер ордена Возрождения Польши.

Петр Мицнер

ПОСЫЛКА ДЛЯ ГАБРИЭЛЯ СУПЕРФИНА

Фотография из следственного дела. 1973

В 1973 г. был арестован Габриэль Суперфин, один из редакторов «Хроники текущих событий». Его приговорили к пяти годам лагерей и двум годам ссылки. Летом 1975 г. судьбой Суперфина заинтересовался Ежи Гедройц. Как известно, редактор парижской «Культуры» принадлежал к числу самых перегруженных людей в мире — он работал над очередным номером своего ежемесячника, над книгами, которые издавал, поддерживал контакты с авторами. С виду Гедройц казался человеком закрытым и не склонным к выражению эмоций. Сегодня мы уже знаем, что он все-таки находил время для того, чтобы нести людям помощь. Пересылал лекарства, помогал молодым ученым установить контакты, от которых для «Культуры» не было никакой пользы, переправлял деньги в Москву для фонда в пользу детей репрессированных диссидентов. Из его недавно опубликованной переписки с Евгеном Маланюком мы знаем, что в посылки с продуктами, адресованные этому украинскому поэту, пан Ежи вкладывал также духи для его супруги.

Посему нет ничего удивительного, что он решил отправлять посылки и в тот пермский лагерь, где сидел Суперфин. К этому делу привлекли Анджея Дравича, польского русиста, преподававшего тогда в Западной Германии.

11 августа 1975 года Ежи Гедройц писал Дравичу:

«Дорогой пан Анджей,

Жара настолько сбила меня с панталыку, что я совершенно забыл сказать следующее: адрес лагеря, где сидит Габриэль Суперфин, вместе со списком вещей, которые можно и нужно ему выслать, пропал не у меня, а у братьев-россиян, что не меняет существа дела. Если Вы в состоянии воспроизвести это теперь, то очень прошу о присылке. Если нет, то прошу прислать их с какой-нибудь оказией — по возможности, не очень отдаленной. О каждой отправленной посылке я стану оповещать Вас открыткой с видом Нотр-Дама, где будет передаваться привет от Доминика».

Анджей Дравич написал в ответ:

«Прилагаю данные, касающиеся Суперфина:

Суперфин Габриэль Гаврилович,
станция Всесвятская,
Чусовской район,
Пермская область,
учреждение ВС-389/35.
Адрес, определяемый в качестве «запасного»: Москва, ВС-5110/1.

Можно посылать — «с уведомлением о вручении» — до 5 кг, в том числе:
1 кг «калорийной выпечки», то есть высококалорийных песочных пирожных,
масло топленое,
сыр,
конфеты не шоколадные витаминизированные,
немного чеснока,
джем,
консервы овощные, фруктовые, мясоовощные и рыбные».*

К сожалению, весь этот искусный план отправлений с приветами от Доминика оказался невыполнимым.

Сегодня Габриэль Суперфин пишет: «В лагерь и в тюрьму я получал раз в полгода бандероль (до двух кг), но от мамы. Посылки с продуктами (до 5 кг) я не мог получить: [это] разрешалось по исполнении половины срока, и в тюрьму посылки были «не положены»».

Зато Суперфину удалось уже после ссылки, в 1980 году, отправить Дравичу из Тарту посылку с крупой, которая в польских магазинах на тот момент как раз отсутствовала.

Таков еще один важный аспект сотрудничества польских и российских инакомыслящих.

* Из архива Литературного института в Мезон-Лаффите *(прим. автора)*.

Перевод
Маргариты Белкиной

ИЗ ПЕСЕННИКА «СОЛИДАРНОСТИ»

Кшиштоф Довгялло

БАЛЛАДА О ЯНЕКЕ ВИШНЕВСКОМ

Слушай Грабувек, слушай, Хылоня!
Сегодня нарушен предел беззаконья.
Власти стреляли, мы храбро стояли.
Янек Вишневский пал.

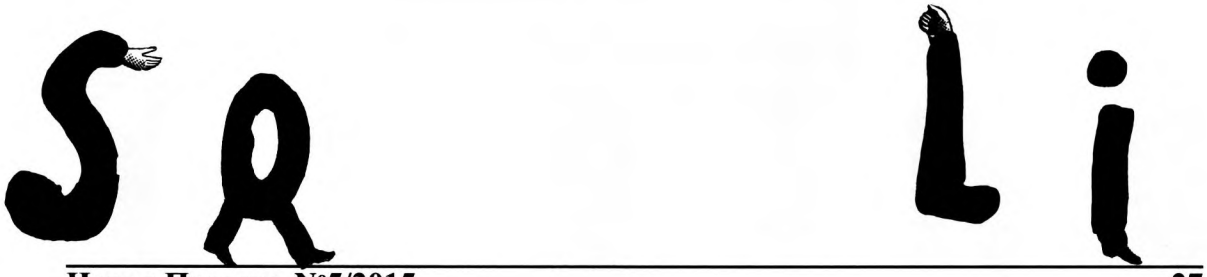
Несли на двéри по Свентоянской
Ментам навстречу, навстречу танкам.
Рабочие с верфи, мстите за друга!
Янек Вишневский пал.

Стелятся газы, петарды грохочут —
Красная власть избивает рабочих!
Старик упал, и женщины, дети.
Янек Вишневский пал.

Здесь кто-то ранен, а вот убитый...
Утро декабрьское кровью полито.
Партия метко по людям палила...
Янек Вишневский пал.

Рабочие Гданьска, рабочие Гдыни,
Все по домам, бой окончен отныне!
Мир все узнал, мир промолчал.
Янек Вишневский пал.

Не плачьте матери, все не напрасно,
Над верфью знамя с кокардой красной.
За хлеб, свободу и новую Польшу
Янек Вишневский пал.



Автор неизвестен

НЕ НАДО КОММУНЫ!

Не надо коммуны, не надо и всё!
Нам молота с се́рпом — не надо!
За Ка́тынь, за Гродно, за Вильно и Львов
Расплатится красная банда!

За слезы, страданья, насилье и боль,
За рабство и годы недоли,
За игры циничные, за фальшь и за стон
Надежды, распятой в неволе!
Так крикнем же громко: коммуну — долой!
Пусть Кремль содрогнется от крика.
Несчастной своей овладеем судьбой,
И дрогнет пусть красная клика!

Не надо коммуны, не надо, и всё!
Нам молота с се́рпом — не надо!
За Ка́тынь, за Гродно, за Вильно и Львов
Расплатится красная банда!

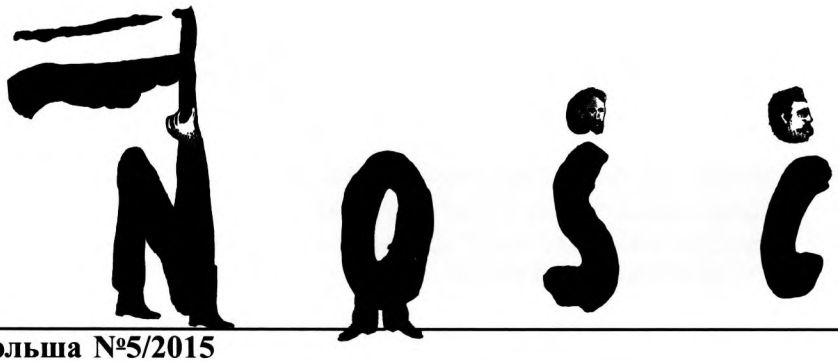
Нам Ялта советский кошмар принесла,
Несчастья, беду за бедою.
Не бойся борьбы и в ряды наши встань,
Ведь красная шваль пред тобою!
Нас в камерах страшных надежда хранит,
С ворот посрываем запоры!
Грядут для партийных последние дни,
Умолкнет вся красная свора!

Не надо коммуны, не надо, и всё!
Нам молота с се́рпом — не надо!
За Ка́тынь, за Гродно, за Вильно и Львов
Расплатится красная банда!

Хоть враг наш жесток и коварен, как лис,
Но Польши вовек не осилит!
Намордник покрепче наденем на них,
И красная шайка да сгинет!
Нам мерзок кремлевских оков перезвон,
Пусть платят за польские муки!
Мы деспоту крикнем: Долой, пошел вон!
Заплатят нам красные суки!

Советские флаги — на землю, долой!
Орлу возвратим мы корону!
Чтоб в Польше поляк снова правил страной,
Советскую выгнав ворону!

Не надо коммуны, не надо, и всё!
Нам молота с се́рпом — не надо!
За Ка́тынь, за Гродно, за Вильно и Львов
Расплатится красная банда!



Яцек Качмарский

НАШ КЛАСС

В Тель-Авиве спросит А́дам: Как там класс наш, интересно?
Трудно нынче жить, как надо, а еще труднее — честно.
Как живут наши ребята? Войтек в Швеции, в порно-клубе.
Платят там ему зарплату за то, что и так он любит.
За то, что и так он любит...

Катя с Пётреком в Канаде, перспективы там на славу,
Сташек в Штатах жизнь наладил, и привык к Парижу Павел.
Еле живы Пшемек с Госей — в мае третье будет чадо.
Понапрасну пишут просьбы, мол, на Запад очень надо.
Мол, на Запад очень надо...

А у Магды все удачней, муж испанец из Севильи,
Но убит в облаве Мачей, когда по домам ходили.
Януш зависть будил вечно, на волне мог выплыть всякой,
Стал хирургом, людей лечит, брат повесился, однако.
Брат повесился, однако...

Марек сел: он отказался и не выстрелил в Михала,
Я о них писать собрался. Вот и весь наш класс немалый.
Да, Филип в Москве — все больше делает он там карьеру,
Ездит, когда хочет, в Польшу и был принят у премьера.
И был принят у премьера...

Дома, в ссылке и в могиле — весь наш класс в моей тетради,
Только что-то изменилось: каждый себе жизнь наладил.
Одноклассников нашел я: очень взрослых, очень зрелых,
Расцарапал юность нашу, только сильно не болело.
Только сильно не болело...

Стали женами, мужьями — не девчонки, не ребята.
Юность быстро заживает, и мы в том не виноваты.
Все разумны и реальны, жизнь серьезной очень стала,
Относительно нормальны, но ведь этого так мало.
Но ведь этого так мало...

Сам не знаю, о чем грежу, мне звезда какая светит,
Когда в этих лицах все же снова чудятся мне дети.
Зачем взгляд назад кидая, жду не крикнут ли: «Ребятки!
В догонялки поиграем? Или, может быть, хоть в прятки?»
Или, может быть, хоть в прятки...

И у нас побеги всходят, ветви набирают силу,
Корни глубоко уходят: в дом, в изгнание, в могилу.
Вниз, и к солнечному свету, на смерть, в бок и вправо, влево...
Кто же вспомнит, что все это составляет одно Древо...

Эугениуш Соболь

ДВЕ КНИГИ ОБ АЛЕКСАНДРЕ ЛУКАШЕНКО

За последние годы на польском книжном рынке появились две биографии Александра Лукашенко: «Система Беларусь» Анджея Почобута и «Лукашенко. Несостоявшийся царь России» Анджея Бжезецкого и Малгожаты Ноцунь. На оба издания стоит обратить внимание, хотя бы потому, что Беларусь редко становится объектом внимания польских авторов. Обе книги содержат похожие сведения о политической карьере белорусского диктатора, но разница между ними состоит в том, что Почобут показывает его фигуру, прежде всего, на фоне внутренней политической ситуации в Белоруссии, в то время как дуэт краковских журналистов описывает еще и внешнюю — основанную на лавировании между Россией и Евросоюзом — политику Лукашенко.

Написать книгу о Лукашенко — дело не из легких. Тайну его частной жизни тщательно стерегут спецслужбы, реконструировать ее можно исключительно на основании не вполне проверенных слухов. С другой стороны, мы имеем дело с мифами, созданными специально в целях пропаганды. Надо признать, что Бжезецкому и Ноцунь удалось сохранить больший объективизм. Почобут порой слепо цитирует превозносящие Лукашенко тексты. В первую очередь авторам рассматриваемых книг пришлось столкнуться с мифом, что Лукашенко — дитя перестройки. В действительности этот политик оказался выразителем желаний коммунистической номенклатуры. Почобут пришел к выводу, что антикоррупционная деятельность Лукашенко, ставшая трамплином для его будущей карьеры, в реальности оказалась фикцией. На основании выдвинутых им обвинений никто не был привлечен к уголовной ответственности, единственным же заметным результатом его деятельности было отстранение Станислава Шушкевича от должности главы парламента, а также дискредитация всего Белорусского Народного Фронта.

Сейчас в Польше и в Европе можно заметить стремление отыскать зачатки имперской риторики, интенсивность которой у российских властей особенно усилилась в связи с последними событиями на Украине. Это явление постарался интерпретировать Анджей Новак в книге «Путин. Источники имперской агрессии», показав развитие империалистических идей со времен царствования Екатерины II до наших дней — до теории евразийства Дугина и взглядов Жириновского. В книге «Лукашенко. Несостоявшийся царь России» мы найдем исчерпывающее описание феномена белорусского диктатора, который выступил с инициативой возрождения Союза России и Белоруссии, чтобы с помощью этой надгосударственной структуры отнять власть у больного Ельцина и стать фактическим вождем обоих государств. Однако стоит задуматься, кто первый обратился к таким идеям, как славянская цивилизация, отдельная и отличающаяся от Запада, антиамериканизм и ностальгия по СССР — Жириновский или Лукашенко? На самом же деле российский политик стал главным образом лишь медийным явлением. Его фактическое влияние на власть было минимальным, а Лукашенко осуществлял контроль над всем государством. Создание культа вождя при помощи телевидения, организация телемостов с участием лояльных «представителей народа», превращение кабинетных совещаний в реалити-шоу — все эти маневры, придуманные Лукашенко, с успехом использовал потом Путин в России. Так что белорусского диктатора смело можно считать предтечей политических процессов, происходящих на территории бывшего СССР, где постсоветская номенклатура, наладив экономику, начала требовать идейной легитимации своей власти.

Из этих книг вырисовывается образ Лукашенко как жестокого карьериста, не гнушающегося никакими средствами, чтобы достичь и удержать власть. Почобут цитирует его слова о том, что Ленин и Сталин являются символами белорусского народа, что позволяет говорить о сходстве Лукашенко с советским тираном. В сущности, это и есть сталинизм, только в меньшем масштабе. Белорусский диктатор физически устранил своих политических оппонентов. Лукашенко обожает провоцировать

искусственные конфликты, например, между силовыми ведомствами, чтобы потом выступить в роли посредника и арбитра — одним словом, «отца народа». Средства массовой информации внедряют гражданам убеждение о непогрешимости предводителя, который порой приравнивается к Богу. Однако разница между СССР и современной Белоруссией заключается в том, что граждане этого государства могут беспрепятственно выезжать за границу, а благодаря Интернету получают доступ к объективной информации. Но все же Лукашенко сумел отпугнуть белорусов от политики. Большинство из них исповедует принцип «лучше не высовываться». «Или ты приспосабливаешься к принятым здесь правилам, или покидаешь страну», — кратко резюмирует эту ситуацию один из собеседников Почобута.

Белорусское общество живет в состоянии постоянной тревоги, вызванной поиском внутренних и внешних врагов. Одним из них стала Польша. Однако, как подчеркивают авторы книги «Лукашенко. Несостоявшийся царь России», интенсивность польско-белорусских контактов как в историческом плане, так и в современности противоречит пропаганде, представляющей Польшу как экспортера «цветных революций». Полонийные организации, а также католическая Церковь подвергаются в Белоруссии тем же гонениям, что и демократическая оппозиция. Спецслужбы ведут работу по обнаружению мнимых «польских шпионов» среди духовенства. Одним из них вдруг оказался отец Владислав Лазарь, настоятель прихода в Борисове арестованный в 2013 году. «Лукашенко не потерпит никакой свободной мысли, идущей из Церкви или из полонийной (культурной, просветительной — не важно) организации, поэтому старается захлопнуть окно в мир, которым была и есть для Белоруссии Польша», — пишут Бжезецкий и Ноцунь.

Авторы обеих книг пытаются разгадать феномен Лукашенко, пребывающего на посту президента дольше всех в Европе. Однако сравнение Белоруссии с другими демократическими государствами кажется недоразумением. Я думаю, что самый интересный анализ мы найдем в книге Бжезецкого и Ноцунь, которые описали ситуацию белорусизации и фиаско естественного процесса преобразования постсоветского общества этой страны в национальное сообщество. Вместо этого ему навязана псевдоидеология, отсылающая к мифам Великой Отечественной войны и мнимой стабильности, существующей во времена СССР. «Белорусы были лишены собственного языка, национального флага и герба. Однако судьба Януковича должна быть для Лукашенко предостережением», — подчеркивают авторы этой книги. Белорусский режим экономически неполноценен и функционирует главным образом благодаря российским ссудам и преференциальным ценам на сырье. После того как Соединенные Штаты и Евросоюз наложили на Россию санкции, вскоре она будет просто не в состоянии, как прежде, содержать этот коммунистический заповедник.

Анджей Почобут. ***Система Беларусь.*** Гливице: Издательство Хелион, 2013.

Анджей Бжезецкий, Малгожата Ноцунь. ***Лукашенко. Несостоявшийся царь России.*** Краков: Знак, 2014.

Барбара Петкевич

ПЕРВЫЕ ШАГИ «СОРОКОНОЖКИ»

Когда-то их называли детьми улицы. Сегодня их почти не видно, но они есть. Возможно, их даже больше миллиона.

Они ночуют в подвалах, подъездах, под мостом, на трубах с горячей водой, в заброшенных фабриках, на дачных участках. Кое-кто из них возвращается на ночь к себе домой. Существуют они преимущественно группами, так легче выжить. Зарабатывают на жизнь, попрошайничая, помогая выкатывать тележки из супермаркетов, моют стекла автомобилей, воруют. Употребляют алкоголь, нюхают клей, занимаются проституцией. «Уровень их интеллектуального развития ниже, чем у сверстников, они хуже читают и пишут. Бывают агрессивны. Психика их неустойчива, они пугливы и эмоционально холодны». Уфф. Это данные из журнала «Общественная педагогика» за 2003 год.

В 1998 году в Национальном комитете социального перевоспитания, созданном для того, чтобы заниматься детьми улицы, их посчитали и оказалось, что таких детей 300 тысяч. Два года спустя «Фонд для Польши» сообщил, что из 9 миллионов граждан до 18 лет они составляют 1,2 млн. Четыре года назад издание журнал «Общественная педагогика» поднял тревогу: проблема с детьми улицы приобретает все больший масштаб. В Сейме Мирослава Контна задавалась вопросом: количество этих детей увеличивается в арифметической прогрессии или в геометрической? Но то, что оно увеличивается, — несомненно.

В межвоенный период детей этих было очень много, они были буквально повсюду, именно с мыслью о них Казимеж Лисецкий (псевдоним Дедушка) создал организацию, которая была призвана им помогать. Сегодня в Польше бытует мнение, что безработица растет, люди беднеют, поэтому число детей улицы будет увеличиваться как бы автоматически, ведь их число всегда возрастает в период экономических кризисов. Подобные оценки основаны скорее на теоретических предпосылках, тем более что сосчитать детей, живущих на улицах городов — если это вообще возможно — гораздо труднее, чем, скажем, вычислить популяцию черного аиста.

Это сообщество исключительно городское. (На селе можно было бы говорить о детях приусадебного двора, поместья, поля или спортивной площадки местной гмины, что в категорию «дети улицы» никак не вписывается).

Хотя эти дети уже не с улицы. Люциан Мись, вузовский преподаватель из Кракова, во время одного из общепольских диспутов о детях улицы, которые организует Комитет социального перевоспитания, сегодня малозаметный, — первым отметил, что «детей улицы» исключительно редко можно увидеть на улицах. Томаш Щепанский, гуру варшавских стритуоркеров (занимающихся проблемой соблюдения уличного порядка), который уже давно работает в варшавском районе Прага-Север, а сейчас руководит организацией под названием «Группа общественной педагогики и анимации», замечает также, что им теперь приходится заниматься поиском детей улицы. Потому что они исчезли с улиц. И во дворах их тоже нет.

■ Ключ к заброшенным детям

В исследованиях, проведенных центром «TNS Polska» по заказу фирмы «JELP», отмечается, что почти половина респондентов утверждает, что стрельба из рогатки, игры в ножички, классики или прыжки через скакалку — все то, чем когда-то были заняты дети во всех дворах, кануло в вечность. Исчезли перекладины для выбивания ковров, их вытеснили пылесосы, теперь на этих перекладинах больше не виснут ребята из так называемых хороших домов, из которых, впрочем, мать сегодня ни за что их и не выпустит, потому что повсюду их караулят педофилы или гавроши, стаями собиравшиеся до недавнего времени во дворах и резвившиеся до полуночи. Бедные и заброшенные дети сидят по домам. Они теперь превратились в детей домов, а не улицы, — говорит Томаш Щепанский.

Изменился и образ бедности. Исследователи этого явления, например, из Университета в Лодзи, обращают внимание на то, что в семьях, даже с весьма скромным достатком, обязательно должен быть телевизор, мобильный телефон, надо иметь деньги на кофе и сигареты. Особенно важно иметь цветной телевизор, перед которым члены семьи сидят целыми днями. «Теперь еще добавился компьютер, — говорит Томаш Щепанский, — а иногда даже мотороллер». Может не хватать денег на учебники для детей, но эти показатели статуса в глазах знакомых просто обязаны присутствовать. И если не у себя дома, то уж у приятеля в компьютерные игры играют до упаду.

На улицах, в парках, в торговых центрах в течение дня можно встретить группки детей разного возраста. Они не отличаются от других одеждой, их нельзя назвать грязными или неухоженными. Но они сбежали со школьных уроков, потому что у них плохо с успеваемостью. Чаще всего они не справляются с английским и математикой. Рано или поздно неисправимых прогульщиков полиция, после судебного приговора, отправит в детский дом. В районе Прага-Север самое большое в Варшаве число направленных в детдома детей. Заявки об отправке в детский дом учащегося, «уклоняющегося от школьных обязанностей», часто поступают из школ, которые избавляются таким образом от трудных учеников. Родителям ставят ультиматум: либо они должны подписать заявку с просьбой определить ребенка в социотерапевтический центр, как теперь красиво называют детские дома, либо их ребенок отправится в исправительное учреждение. А это, как известно, начало тюремного образования. И родители подписывают.

Со времени памятной акции журнала «Политика», проводившейся под девизом: «Закроем детские дома», все же заметно изменилось отношение к практике отправки детей в исправительные учреждения — в том числе за прогулы. Очевидным стало, что это приводит к трагическим последствиям. «На пальцах одной руки можно сосчитать детей, которым помогла отправка в эти учреждения», — говорит Ярослав Адамчук, возглавляющий на протяжении многих лет знаменитую на всю варшавскую Прагу

организацию «Сердечко для детей». «Одна из главных задач варшавских стритуоркеров и учреждений, ежедневно помогающих детям в Варшаве, — уберечь их от такой судьбы».

Теперь уже не так, как было при Дедушке Лисецком, когда надо было накормить детей улицы, одеть их, дать им немного отдохнуть от жизни в подвальном помещении, направить в ученики к сапожнику, чтобы чуть легче им жилось среди таких же как они исключенных из общества. Теперь по-другому — надо пытаться вытащить детей из этой среды. Даже если удастся это сделать лишь для немногих из них.

Девять отделений

В альтернативном клубе «Каритас» в районе Прага-Север его руководитель Адиль Келдоуни организует занятия по дзюдо, изобразительному искусству и вокалу. В других местах работают киноателье и театральные студии, ведутся занятия по журналистике, организованы танцевальные и другие кружки. Их целая масса. Кроме того — как, например, в клубе «Каритас» — организуется скорая помощь с уроками, а также дополнительные занятия, во время которых ребенок может сделать уроки и наверстать отставание по разным предметам.

Родители этих детей существуют на пособия или подрабатывают в серой сфере (без официального оформления). Часто это матери-одиночки или матери с новыми партнерами. Сожительство стало обыденным явлением в неблагополучной среде, — утверждают исследователи. «Распад семьи, — говорит Адиль Келдоуни, — хуже, чем алкоголь и нерадивость». Это становится наследственным явлением, дети растут в убеждении, что вполне нормально, когда папу заменяют дяди. Поэтому установить с такими детьми контакт важнее, чем даже самые разнообразные занятия.

Прилипшие вместе со взрослыми к телевизору с его бесконечными потасовками, погруженные в компьютерные игры, они контактируют с домочадцами лишь поверхностно. Драматизм ситуации заключается в том, что они нуждаются в понимании, внимании, в ощущении, что они кому-то действительно очень нужны. Среди персонала учреждений когда-то преобладали дамы бальзаковского возраста, часто это были учительницы на пенсии. Теперь же там работает много образованных молодых мужчин. Это очень важно для детей, которых часто воспитывают исключительно женщины.

В таких учреждениях работают на постоянной основе преимущественно пять, иногда 7-9 человек, есть также приходящие специалисты и волонтеры. Во всех этих учреждениях ребенок может получить бесплатно еду, независимо от того обеда, который ему оплачивают в школе. Это во власти директора, который может использовать директорский фонд, решение он принимает самостоятельно. Ребенок может съесть второй обед, и никто его не спрашивает, ел ли он уже обед в школе или нет.

Ребенку больше не приходится самостоятельно добывать себе еду на улице, хотя такое еще случалось во времена не столь уж и отдаленные. «В возрасте шести лет я осознал, — говорит Марек С., несколько десятилетий назад — классический ребенок улицы, — что мне придется самому думать, как наполнить свой живот, так как дома это никого не интересовало. Родители, когда были трезвыми, давали мне поесть, а когда не были трезвыми, их интересовало только одно — как добыть бутылку».

Ребенок проводит в дневном учреждении несколько часов, имея на выбор достаточно привлекательный набор занятий. Они должны быть интересными, так как посещение подобного учреждения — дело сугубо добровольное (при условии, что ребенка не направил сюда суд).

До недавнего времени эти учреждения действовали по принципу — каждое само по себе. В 2013 году их работу, в сочетании с другими помогающими детям институциями организовали в микросистемы. Этот комплекс получил название «Сороконожка».

В Бюро социальной помощи и социальных проектов, в сотрудничестве с центрами социальной помощи, отделами здравоохранения, а также варшавским Центром помощи семье, геодезисты выделили районы сосредоточения социальных проблем в городе. В этих местах было создано девять отделений «Сороконожки». Больше всего их находится — целых пять — в районах Прага и Таргувек. За функционирование «Сороконожки» в каждом отдельном районе отвечает глава этого района.

В отделении района Прага-Север — tupraga.waw.pl (у каждого отделения есть свое название) — действуют известные на этой территории организация «Сердечко для детей», Товарищество дру-

зей детей, «Каритас», «Общество Q переменам», воспитательный центр и стритуоркеры. А также ближайшие учебные заведения — начальная школа и гимназия.

Сотрудничество со школой имеет принципиальное значение. Согласно исследованиям Катажины Гурняк и Агнешки Кальбарчик, осведомленность учителей о том, насколько бедствуют их учащиеся, «носит случайный, избирательный или же искаженный характер и ограничивается лишь материальной стороной бедственного положения детей». Учителя, как утверждают исследователи, не знают о том, что есть социальные стипендии, не знают о существовании помогающих таким детям институций, кроме нескольких основных. То, что дети скрывают свою бедность, а это встречается довольно часто, дает персоналу основание полагать, что ее вовсе не существует. Если бы ребенок ходил в рваных ботинках, то это был бы действительно бедный ребенок. А он — наоборот — часто обладает предметами, которые просто не положено, по мнению учителей, иметь лицам бедным, скажем, мобильный телефон.

Бедность отождествляется с семейной патологией, вина за которую целиком и полностью возлагается на семью. В глазах преподавателей бедным является тот, кому такой статус приписан правомочной институцией на основании действующих критериев. Как обстоят дела на самом деле, персонал школы редко видит собственными глазами. Авторы исследования отмечали нежелание и даже страх перед общением с семьями своих учащихся у них дома. Преподаватели описывают их как опасные, что требует присутствия не одного, но нескольких ответственных лиц. «Трущобы, настоящая Эфиопия, отбросы общества» — такими словами характеризовали места, где проживают эти дети, опрашиваемые преподаватели. Проблема бедности была «исключена из школы и переписана в другую область», — констатируют Катажина Гурняк и Агнешка Кальбарчик. Теперь в рамках проекта «Сороконожка» школе придется вернуться к решению этой проблемы.

То, что контакт с семьями, где живут дети, довольно слаб, выявилось в процессе изучения работы учреждений дневной поддержки детей в Варшаве. Работающие в них воспитатели, инструкторы, терапевты ограничиваются исключительно контактами по телефону, примерно раз в месяц. Поэтому новый директор Комплекса молодежных центров Ярослав Адамчук, который хорошо знает всю подноготную работы с детьми в варшавском районе Прага, намерен отказаться от услуг логопедов и других специалистов в 10 центрах, существующих исключительно на средства города. Есть много внешних институций, — говорит директор, — предоставляющих те же услуги, так что можно ребенка направить туда.

На освободившиеся места в центрах пригласят тщательно отобранных воспитателей, работающих в штате, а не по договору. В часы, когда дети учатся в школе, эти воспитатели в обязательном порядке будут проводить работу с их семьями у них дома.

В Варшаве работает в данный момент 80 семейных ассистентов, а их — работающих прежде всего в тех семьях, где неблагоприятная обстановка грозит ребенку отправкой в детский дом — должно быть 180, считает Томаш Пацтва, директор Бюро социальной помощи и социальных проектов.

Изменилась философия финансирования неправительственных организаций, помогающих детям. Деньги теперь выделяются не на деятельность «вообще», а на конкретные проекты, отобранные по конкурсу. Финансы получает, как правило, на два года та организация, которая представит лучший проект. При этом он должен быть связан с другими проектами общей деятельности, чтобы отделения «Сороконожки» не расползлись каждое в свою сторону, а действовали сообща, в едином ритме и направлении. В Варшаве дневной поддержкой охвачены 7 тысяч детей, в том числе 3 тысячи в рамках «Сороконожки». И результаты уже есть: снизилось число детей, избегающих занятий в школе.

Из подворотни за школьную парту

Исчезновение детей с улиц и из дворов имеет еще одну причину. Анклавы бедности в городах, — как констатировали это в своих фундаментальных исследованиях социологи из университета в Лодзи, — возникают таким образом: в разрушающийся дом въезжают семьи, вытесняемые из более удобных зданий и кварталов, так как не справляются с оплатой жилья. Семьи, находящиеся в лучшей ситуации, этот дом постепенно покидают.

Но все чаще в рамках обновления и приватизации жилья в разрушающихся домах проводится капитальный ремонт, прежние жильцы переезжают в очередные трущобы, а их место занимают жильцы, более достойные квартир, которым вернули былой лоск.

И те, что «получше», начинают изгонять из общественного пространства детей из соседних домов, которые продолжают оставаться бедными. Ведь они шумят, мусорят, сквернословят и разносят запах грибка, живущего на стенах их квартир. Изгоняемые, — как утверждают лодзинские исследователи проблемы, — оттесняются все ближе к воротам. Там, на границе двора и улицы, находят они свое место — а среди них те, которые только что стали совершеннолетними, часто не имеющие работы, уже приобретшие дурные привычки. Если же в воротах устанавливается домофон, то они перемещаются в близлежащие пивные бары, на облюбованные скамейки в парке, куда получится. У них нет своей «Сороконожки». Клубов для взрослой молодежи в Варшаве — кот наплакал. Вот и появляется новая категория — молодежь улицы.

POLITYKA

Юлиуш Цвелюх

ЧЕЛОВЕК С ВИДЕОРЕГИСТРАТОРОМ

Автомобильные видеорегистраторы — это мода, которая, как ни странно, пришла в Польшу с Востока. Нашим записям далеко до тех, снятых в «русском стиле», но поляк на дороге тоже может доставить массу проблем.

Записи с видеорегистраторов, установленных в российских автомобилях, уже приобрели мировую известность, узнаваемый стиль и многомиллионную аудиторию. Каждый месяц появляются подборки наиболее впечатляющих ДТП, а авторы лучших роликов приглашаются на телепередачи. Образовался даже рынок фейков, которые борются за внимание потребителей и деньги рекламодателей. В России это уже, впрочем, отдельная отрасль шоу-бизнеса, вдобавок прекрасно развивающаяся, так как аварий меньше не становится, а количество автомобилей с видеорегистраторами постоянно растет, за что надо сказать спасибо российской полиции, которая славится своим стопроцентно независимым (во всяком случае, от закона и фактов) мнением.

— Мои российские знакомые говорят, что если взять и рассмотреть первую попавшуюся аварию, то можно с большой долей вероятности утверждать, что виновным будет признан водитель той машины, которая дешевле, — говорит Марек, переехавший три года назад по служебным делам в Москву. Несмотря на то, что он всего лишь руководитель среднего звена, фирма предоставила ему автомобиль с водителем, а в контракте оговорен пункт, который запрещает ему самостоятельно управлять автомобилем на территории Российской Федерации. Фирма избегает таким образом штрафов, а возможно и смерти ценного сотрудника.

Российские дороги считаются самыми опасными в мире. В 2008 г. на них погибло рекордное число человек — почти 30 тысяч. Для сравнения в том же году на польских дорогах, одних из наиболее опасных в странах ЕС, погибших было 6 тыс. человек. Причем по российским дорогам ездит всего лишь в два раза больше автомобилей. Чуть больше, чем в два раза, и считается, что около 30% из них оборудованы видеорегистраторами. «Считается» потому, что точных данных нет. Но в эти приблизительные цифры несложно поверить, если учесть, сколько роликов попадает в сеть.

Количество ДТП настолько огромно, что уже никто не занимается размещением мелких происшествий, нарушений или не очень культурных перебранок. Фильмы с российских видеорегистраторов — это материал для любителей острых ощущений. Вращающиеся в воздухе машины. Фуры, входящие в занос и сметающие с дороги машину за машиной. Невообразимые гонки, особенно популярные среди водителей грузовиков, а также ужасающие случаи наезда на пешеходов.

К отдельной категории относятся выяснение отношений на дороге и даже драки. Самое настоящее «гонзо», то есть летящие по воздуху колеса, смятое железо, водители, похожие на каскадеров одноразового использования и соответствующий музыкальный фон.

Китайское качество и российская мода

Примерно три года назад мода на видеорегистраторы пришла из России в Польшу. В 2013 г. фирмы, торгующие этими устройствами, начали отмечать рост продаж порядка 550% в год.

— Прошло немало времени, прежде чем поляки признали автомобильные видеокамеры. Теперь же это один из самых продаваемых гаджетов. Безусловно, влияние на это оказали цены. В последнее время эти устройства очень подешевели, — говорит Мариуш Борковский из фирмы FleXiti, которая занимается продажей видеорегистраторов. Самый дешевый можно купить уже за 70 злотых. Но сами продавцы покупать такие не рекомендуют:

— Низкое качество изображения, плохая работа и частые поломки. Это пустая трата денег, — говорит Борковский. С его точки зрения, лучше потратить лишние 100 злотых и воспользоваться

вполне приличным устройством. А если добавить еще 100 злотых, то можно получить изображение HD-качества. На рынке есть камеры и за 1 000 злотых, но в Польше устройство дороже 500 злотых продается уже с трудом. Хотя и те, и другие производятся на одних и тех же заводах, так как почти вся мировая продукция сосредоточена на нескольких китайских предприятиях. Даже самые крупные фирмы собирают свои приборы там, только по собственным проектам и из деталей более высокого качества.

Рынок видеорегистраторов столь же велик, как и рынок автомобилей. А машин на польских дорогах больше 20 миллионов. Нет ничего удивительного в том, что желающих заработать много. «Честно говоря, раньше мы не выпускали подобных устройств, но проанализировав рынок, пришли к выводу, что тоже должны что-то предложить, — говорит Себастьян Лукашевский из компании «Телефункен». — Совсем недавно мы выпустили на рынок две модели более высокого уровня». Фирма рассчитывает, что польские автомобилисты оценят качественный товар.

Пока заметно, что поляки все более благосклонно относятся к идее записывать каждую секунду своей поездки. Принять это решение весьма помогают истории вроде той, что произошла 30 ноября 2013 г. в городе Катовице. Водитель BMW сначала создал помеху, а потом преследовал, вынудил остановиться и избил водителя, который ему посигналил. Ролик попал в сеть и сразу же стал популярным. Стихийно даже была создана страница, на которой пользователи интернета стали разыскивать нарушителя. История оказалась настолько громкой, что водитель BMW сам явился в полицию.

В протоколе полиции для суда были очень подробно проанализированы все нарушения агрессивного водителя, включая то, что тот «выбросил на проезжую часть окурок, чем нарушил закон о загрязнении дороги». В целом пять различных правонарушений. Нарушитель признал свою вину. Это стоило ему 700 злотых. Еще 700 злотых он заплатил за то, что «дважды ударил кулаком по лицу потерпевшего, что стало причиной нарушения функций органов, вызвало повреждение кожного покрова и опухоль глаза». Кроме этих двух процессов, против водителя BMW было возбуждено еще одно административное дело с целью установить, имеет ли он право в дальнейшем управлять автомобилем.

— Если бы не видеокамера, установленная в «Хонде» пострадавшего, этого разбирательства наверняка бы не было, — говорит младший инспектор Влодзимеж Могила из катовицкой полиции.

Катовицкая история весьма типична для польских записей.

— В прошлом месяце больше всего просмотров на нашем портале собрал ролик, названный «Плевальщик из «Мерседеса»», — говорит Яцек Юрецкий, шеф портала www.poboczem.pl, специализирующимся, в частности, на роликах с автомобильных видеорегистраторов. «Плевальщик» в этом ролике — это водитель из Олавы, который сначала «подрезает» фуру, а затем вступает с ее водителем в немой диалог, показывая в какой-то момент средний палец. А в потом и вовсе выходит из машины и густо плюет на ветровое стекло грузовика, после чего уезжает. Водитель фуры включает стеклоочистители, и ролик заканчивается. Эти две минуты весьма красноречиво говорят о настроениях польских водителей.

Пользователи интернета очень быстро выяснили, кто этот «плевальщик». Они также развернули длинную дискуссию по поводу того, что могло спровоцировать его поведение. Уровень дискуссии, впрочем, мало чем отличался от поведения героя сюжета. Только один человек обратил внимание на то, что автор ролика тоже не святой, поскольку невзирая на знак ограничения скорости до 30 км в час, ехал гораздо быстрее и притом через центр города.

■ С роликом в полицию

Роликом уже занялась полиция. Если удастся установить автора записи, то и ему грозит наказание.

— Главный комендант полиции письменно поручил всем воеводским комендантам создать специальные группы, которые должны будут отслеживать подобного рода сюжеты в интернете, отыскивать их героев и наказывать за нарушение правил дорожного движения, — говорит инспектор Мариуш Соколовский, заместитель главного коменданта полиции. — Полиция получила новый инструмент для выявления лиц, нарушающих правила, и мы не намерены от него отказываться.

Первая полицейская электронная почта, созданная специально для записей с автомобильных видеорегистраторов, начала работать в декабре прошлого года. Создала ее воеводская комендатура города Катовице. С тех пор туда было прислано почти 400 роликов. Подавляющее большинство из них плохого качества. Некоторые сняты так, что не удалось установить водителя. Но более ста человек уже заплатили штрафы либо их дела передали в суд.

— К сожалению, есть и такие, кто превратно понимает функции видеорегистратора и относятся к нему как к инструменту мести, — говорит младший инспектор Влодзимеж Могила.

На катовицкий адрес пришло несколько роликов, на которых записывающий явно выслеживает другой автомобиль, чтобы зафиксировать нарушение правил.

— Но при этом сам их нарушает. И авторов таких роликов мы тоже наказываем штрафами, — добавляет В. Могила.

Полицейские утверждают, что многие обладатели видеорегистраторов подвержены так называемому синдрому шерифа и после того, как установят камеру, начинают обращать пристальное внимание на нарушения других водителей. Некоторые открыто провоцируют подобное поведение, чтобы потом выложить ролик в сеть. Явление стало настолько обыденным, что его прокомментировал генеральный инспектор по охране персональных данных. По его мнению, размещение подобных фильмов в сети нарушает закон об охране этих данных.

Пользователи портала www.poboczem.pl смотрят на это по-другому. Из месяца в месяц они размещают там все больше роликов, авторы которых не заботятся закрывать лица нарушителей или номера снятых ими автомобилей.

— У нас не было еще такой ситуации, чтобы кто-то требовал удалить ролик с нашего портала. Я думаю, потому что тогда им пришлось бы открыться и тем самым признать свою вину, — говорит Яцек Юрецкий, редактор портала www.poboczem.pl. В прошлом месяце портал посетили свыше полумиллиона человек, благодаря чему сюжеты собрали 2,5 млн просмотров. По сравнению с популярностью российских роликов это все же мало. Лучшие российские подборки имеют рейтинг порядка двух и даже четырех миллионов просмотров. Это тоже весьма драматично.

Сюжет типичного польского фильма — это лихач, нарушающий правила, который после того, как кто-то его подрежет либо посигналит ему фарами, выходит из машины и начинает драку или ограничивается бранью. — В России в подобной ситуации из автомобиля выходят только очень большие смельчаки. Там никогда не знаешь, кто сидит в другой машине и вернешься ли ты еще в свою, — говорит живущий в Москве Марек.

■ Вооруженный камерой поляк

Однако основное использование видеорегистраторов — это сбор доказательств в случае сомнения в виновности участника возможного ДТП. В США страховщики уже давно оценили потенциал этих приборов, и некоторые страховые компании предлагают значительные скидки для водителей, которые решат установить видеорегистраторы. Польские страховщики смотрят на это по-другому.

— Мы рассмотрели такую идею и пришли к выводу, что нам это не выгодно, — говорит работник одной из ведущих польских страховых компаний, пожелавший остаться неизвестным. — Видеорегистраторы способствуют механизму антиселекции. Их устанавливают главным образом те, кто и без этого ездит аккуратно и не создает аварийных ситуаций. А у таких и так максимальные скидки.

Одна страховая фирма все же работает над подобным предложением, но, скорее всего, на рынке оно появится нескоро.

Зато страховщики советуют устанавливать видеорегистраторы в служебных автомобилях. Особенно в тех, которые используются в заграничных путешествиях.

— С немецкой полицией никогда не было проблем. Но, например, английская частенько перекладывает ответственность на водителей из Польши, — говорит один из страховщиков. Затраты на оплату этих ущербов исчисляются десятками тысяч, так как у англичан очень развита система возмещения убытков частным лицам. Легкое столкновение польской фуры с английским личным автомобилем была оценена в 50 тыс. злотых. Если бы не камера, установленная в грузовике, польский страховщик

должен был бы выплатить эту сумму, а застрахованная фирма лишилась бы скидок. Что интересно, запись с камеры не заинтересовала британскую полицию. Но убедило тамошнего страховщика.

Слава об английской полиции разносится быстро, и все больше польских водителей ездит там, вооружившись видеорегистраторами. По той же причине с видеокамерами все чаще ездят варшавские автомобилисты. Столичная дорожная полиция считается невероятно креативной в увиливании от установления виновности. Не имея свидетеля или записи, мы очень часто обрекаем себя на дорогостоящую и продолжительную тяжбу.

Если разбираться, почему в той или иной стране вдруг появляется мода на видеорегистраторы, то можно сделать интересные социологические открытия. В России они завоевали рынок потому, что люди не доверяют не только друг другу, но и закону. В Румынии они стали популярны тогда, когда появились шайки вымогателей, которые специально бросались под колеса, чтобы получить компенсацию. В Польше видеорегистраторы начали устанавливать, когда оказалось, что их можно использовать как очень удобный инструмент, чтобы отомстить другому водителю.

POLITYKA

Лешек Шаруга

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Набирает скорость год 2015, который, быть может, окажется переломным не только в связи с усложняющейся международной ситуацией, что для меня пока не самое главное (хотя так или иначе она пробуждает эмоции комментаторов, в особенности тех, кто пробует проникнуть в тайники души президента России), но, прежде всего, с учетом того факта, что в Польше это год двойных выборов: вот-вот состоятся президентские, а осенью — выборы в парламент. В обоих случаях у польских политиков положение не настолько комфортное, как у Владимира Владимировича Путина в его стране, они не могут быть уверены, что граждане осуществят «единственно правильный» выбор. А у меня, в свою очередь, положение еще более сложное по той простой причине, что, читая культурную периодику, я приговорен к политической проблематике, ибо культуре отводится в прессе ничтожное место. И это свидетельствует (причем речь не только о Польше, поскольку такая тенденция прослеживается едва ли не во всей современной периодической печати) о культурном уровне журналистики. Но здесь вина не только журналистов: внимательное чтение партийных программ показывает, что проблемы культуры, если вообще в них затрагиваются, то в микроскопических дозах.

И все же чтение материалов, касающихся политической жизни, бывает поучительным. Из них можно вынести впечатление, что Польша стала плацдармом сражения двух политических концепций, из которых одна, определяемая как либеральная, в настоящее время реализуется властью и, насколько представляется, сосредоточена, прежде всего, на сохранении *status quo*, а вторая, опирающаяся на понятие социальной солидарности, позиционирует себя как несущая гражданам оздоровление общественной и политической жизни, исходя из установки, что поляки (хотя в большинстве своем и не отдают себе в этом отчет) жаждут чего-то, что в свое время носило название «перековка душ», а сегодня понимается как необходимость изгнания из поляка демона «homo sovieticus». Об этом, собственно, говорит Ярослав Качинский в обширном интервью еженедельнику «вСети» (№ 14/2015), опубликованном под заголовком ««Солидарность» и куры-гриль». Он, в частности, предпринимает попытку поставить диагноз польскому обществу: «В Польше возврат к правде так и не произошел. Все рассказы о «Круглом столе», о хороших плодах этого события были рассказами неправдивыми. Уход от правды интенсифицировался под этим правлением [«Гражданской платформы»] (...). Каждую минуту мы также сталкивались с взрывами лжи — называемыми скандалами — и с триумфом лжи, когда оказывалось, что правда, факты не имеют никакого значения. Конечно, это глубоко деморализует». Людям безразлично такое положение вещей. «Это неизбежно, — говорит Качинский, — потому что мы также не можем забыть о нескольких десятилетиях нашего опыта коммунизма, который привел к определенной потере чувствительности ко лжи, а зачастую к согласию на вездесущую ложь. (...) В Польше сформировалась большая группа тех, кто с удовольствием приемлет любую ложь, ибо для них это удобно, в связи с этим такие люди ненавидят всех, кто исповедует истинные ценности. Ненависть здесь — питательная среда, именно благодаря ней эти грязные кампании [направленные против окружения Качинского] могут быть весьма эффективны. Лешек [Качинский — президент Польши, погибший в смоленской катастрофе] стал объектом такой массированной, питаемой самыми низкими инстинктами травли с момента, когда стал президентом, ибо постоянно обращался именно к ценностям, а наши традиции решительно поддерживал. Мы полагали, что надо противопоставить себя этому потоку лжи. Мы верили, что удастся его остановить». Однако есть проблемы с тем, чтобы убедить в необходимости подобного очищения «большую группу тех, кто с удовольствием приемлет любую ложь»: «Это будет непросто, потому что они должны сами себе признаться, что — мягко говоря — не особо умны. Это очень трудный процесс, и безусловно, значительная часть останется при своем (...). Потому что надо сказать самому себе: да, я не такой, каким хотел бы казаться. На это, однако,

способны люди определенного уровня рассудка и культуры, обладающие навыком самооценки или способностью прислушиваться к совести».

Можно все это сказать проще: очень большая часть народа просто глупа, лишена культуры и рассудка, искалечена жизнью в коммунистической системе лжи и не отдает себе отчет в том, что ею манипулируют ненавидящие истинные ценности политические проходимцы, которые вдобавок (что Качинский и его сподвижники повторяют при любой возможности) не имеют понятия о политике, но тем не менее завладели доминирующими СМИ и без зазрения совести злоупотребляют властью, чему в том же номере еженедельника посвятил свою статью «Смоленск, или пороховая бочка под Третьей Речью Посполитой» Бронислав Вильдштейн. Он также, в заключительной части текста, преимущественно сосредоточенного на указании, что «доминирующие центры Третьей Речи Посполитой делают все, чтобы знания на эту тему [смоленской катастрофы] не распространялись, а общество в целом стремится изгнать их из сознания», указывает путь выхода: «Демократический договор между властью и обществом, перед которым эта власть отвечает, оказался выброшен на помойку. Можно рассчитывать, что осознание поляками результатов такого положения вещей приведет к смене нынешних правителей. Только тогда можно себе представить подведение итогов Смоленска и хотя бы частичное выяснение его загадок. Того, что мы знаем, достаточно, чтобы призвать к ответу большую группу правящих сегодня нашей страной. Следовало бы, однако, призвать к ответу также лидеров общественного мнения, предъявив им то, что говорили и делали некоторые после Смоленска, то есть задать вопрос о правомочности играемых ими общественных ролей». В переводе на человеческий язык это означает надежду на судебные процессы над правящими сейчас людьми и запрет на профессию для тех журналистов (и вероятно, также владельцев медиа), которые могут быть признаны пособниками остающихся ныне у власти политиков, что представляется отчасти удивительным со стороны автора, называющего себя адвокатом демократического договора. Итак, более-менее вырисовывается программа обновления, предложенная в среде крупнейшей сегодня в Польше и имеющей реальные шансы победить на выборах оппозиционной партии, руководимой Ярославом Качинским.

Шире высказывается на эту тему экономист Вальдемар Кучинский в интервью под заголовком «Председатель на тропе войны», опубликованном в «Ньюсик Польша» (№ 15/2015). Говоря о царящем в Польше политическом размежевании, Кучинский замечает: «Есть один лагерь. Мобилизованный, с чертами секты, хотя и необычайно широкий. У этого лагеря есть ясный образ врага. Вторая часть Польши дифференцирована. Хотя большинство здесь, конечно, избиратели «Гражданской платформы». Эта часть не создает лагеря, это, скорее, скопление. Можно сказать, что на стороне «Права и справедливости» сплачивается нация. На другой стороне — общество. Нация — это существо однородное, регулярное, агрессивное и мобилизованное. Общество — дисперсно. (…) «Право и справедливость» — это не нормальная оппозиция, которая, уважая государство и конституцию, борется за власть, чтобы изменить политику. «Право и справедливость» открыто говорит: мы хотим уничтожить Третью Речь Посполитую и построить новое государство. (…) Я уверен, что в день, когда Качинский получит парламентское большинство, мы услышим лозунг построения Четвертой Речи Посполитой. (…) Нация не терпит толерантности, а у плюралистического общества нет выхода: в нем по природе вещей имеется место для всех (…); в своей массе эта Польша слева от ПиС более толерантна. Она признает, что у каждого должен быть свой уголок в стране. (…) Пока будет активна нападающая сила, ничего не изменится. Не появится никакого модернизационного проекта». Далее Кучинский определяет способствующие модернизации условия: «Во-первых, следует признать Третью Речь Посполитую своим государством. Обо всех его проблемах, включая изменения строя, можно дискутировать. Во-вторых, «Право и справедливость» отказывается от намерения свести счеты с элитами Третьей Речи Посполитой с помощью государства. Элиту определяет избиратель и получатель, а не власть. В-третьих, «Право и справедливость» прекращает смоленское безумие. Кто хочет видеть покушение, пусть видит, но нельзя обвинять польское государство в соучастии. Не нужно деклараций, достаточно действий. Честных, не напоказ. Без этого никакая серьезная дискуссия не возобновится. Ибо она требует минимума взаимной уверенности в добрых намерениях и искренности партнеров. Сегодня преобладает военная линия, а на войне не дискутируют».

Существует много причин, по которым можно судить, что выборы нынешнего года, особенно парламентские, могут определить ближайшее будущее Польши. Потому что здесь мы имеем дело со столкновением двух проектов политической жизни. Первый, представляемый либеральной «Гражданской платформой», направленный на модернизационную эволюцию, в настоящее время парализован из-за необходимости защищать *status quo*. Второй, артикулированный ныне партией «Право и справедливость», пока опасливо скрывающей его авторитарный характер, обращается к программе оздоровления общественной жизни во всех ее измерениях, а единственный рецепт его реализации сокрыт в мыслях Ярослава Качинского — не случайно многие представители этой партии говорят, что «Право и справедливость» — это председатель. Вообще говоря, столкновение этих двух моделей имеет универсальный характер, но в польских условиях оно обострено реалиями, сложившимися в результате смоленской катастрофы. Победа второго проекта означает, в большей или меньшей степени, в зависимости от обстоятельств, ограничение демократических свобод и попытку устранения из общественной жизни представителей оппозиции. Можно этого избежать в случае, если ПиС примет условия, обозначенные Кучинским. Однако каждый, кто анализирует нынешнюю ситуацию, прекрасно понимает, что на такие условия данная партия не пойдет по той простой причине, что это означало бы компромисс, а последний ПиС трактует как поражение. С другой стороны, слишком далеко зашедший авторитаризм явился бы нарушением стандартов, принятых в Европейском союзе. Уже поэтому факт принадлежности Польши к Евросоюзу, с действующими в нем контрольными механизмами, следует признать исключительно счастливым обстоятельством.

В конце же, чтобы вернуться к проблемам культуры в ее, прежде всего, художественном измерении, следует вспомнить комментарий Ярослава Качинского в связи с получением поляком «Оскара» за фильм «Ида». Председатель «Права и справедливости» заявил, что, как поляк, он рад присуждению такого отличия земляку, но также хотел бы, чтобы эта награда досталась картине, являющейся выражением польской исторической политики. В уже упомянутом номере «вСети» такому вот патриотически ангажированному искусству посвящено озаглавленное «Запрещенные картины» интервью с художником Збигневом Мацеем Довгялло — автором репродуцированного в издании полотна «Смоленск». Художник жалуется, что ни один музей не хочет показывать его произведения: «Можно сказать, что деспотизм был меньшим в конце военного положения, чем сейчас, при правлении «Гражданской платформы». Сегодня в культуре царит террор. Проходят только левизна и всякие сексуальные извращения». Ценности под угрозой, особенно стремление к правде: «А стремление к правде — это борьба за свободную Польшу, ибо свободная Польша ведет к освобождению мира. Это потому, что мы находимся в середине Европы. (...) Сегодня Европа и Америка разлагаются от гнили левацкой идеологии и боятся противопоставить себя прожорливой России. Поэтому судьбы мира зависят от поляков, украинцев и литовцев. А в данную минуту самое важное — это то, какой выбор сделают поляки». Как видим, выборы нынешнего года в Польше имеют и глобальное измерение — конечно, если взглянуть на эту проблему с известной долей юмора.

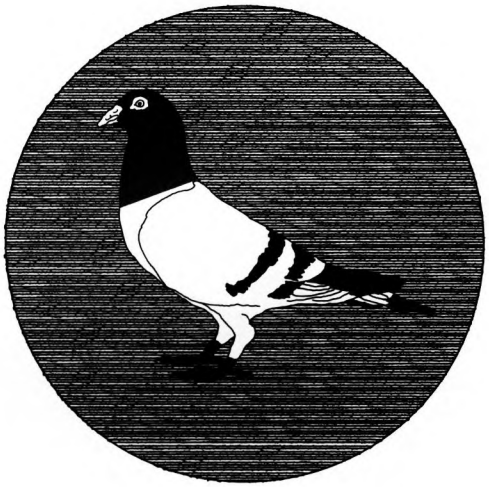
Януш Рудницкий

Перевод Ольги Лободзинской

ИЗ СБОРНИКА РАССКАЗОВ «СМЕРТЬ ЧЕШСКОЙ СОБАКИ»

СМЕРТЬ ЧЕШСКОЙ СОБАКИ

Пару лет назад цыгане начали оккупировать концлагерь в Берген-Бельзен. Так они боролись за то, чтоб Германия признала им статус меньшинства. Возместила за прошлое. Лучше всего бороться там, где человек тогда погибал, отсюда и Берген-Бельзен. Отсюда и голодовка в Дахау(!). Но ни одна высокопоставленная сволочь на их протесты, хоть и спектакулярные, особо внимания не обратила. Вот и протестовали они так долго, что сжились со своим протестом, в буквальном смысле. Концлагерь в Берген-Бельзен надолго стал их новым домом, пока всех не разогнала полиция.



Девять утра. Сижу на кровати. Голова свесилась. Глаза закрыты. Потому как голуби с утра. Не в первый раз. В общем-то, голубь один. Символ любви, мира и Святого Духа. Солист. Один хуже, чем когда их много. Солист раздражает, хор усыпляет. В связи с этим снова лежу на спине, проклиная все на свете.

Встаю, тащусь к почтовому ящику, там одна реклама, «Большой магазин» отмечает юбилей, сорок девять лет на рынке. Иду в «Большой магазин», может, куплю что-нибудь. Ничего не купил, выхожу, прохожу мимо гриля, цыплята в юбилейной цене, половинка за два евро, с булкой. Покупаю, ем, на лавочке, солнце светит, прекрасная погода. Ем руками, мне так нравится.

Мимо проходит старик со старой собакой, собака хромает, и он хромает, опасаюсь за курицу, но у него своя курица, и его собака не обращает на меня внимания.

Старик садится на соседней лавочке, кормит собаку, собака ест. Я тоже. В кармане звонит телефон, ответить не могу, пальцы у меня жирные, ем-то руками. Ем, а в телефоне музыка играет, так уж он был настроен, все время хочу сменить музыку на сигнал, но звонят мне редко, и я каждый раз забываю.

Лавочка, солнышко, цыпленок и этот радостный дебильный мотивчик.

Мимо проходят две женщины, разговаривают по-польски, польки.

Первая: Смотри, видишь, как этот нищий хорошо тут устроился! Лавочка, солнце, курица, музыка, не жизнь, а сплошной пикник.

Вторая: Откуда знаешь, что это нищий?

Первая: А ты что, не видишь? На спор?

Вторая: А как проверить?

Первая: Деньги ему дам.

Вторая: Перестань. Думаю, что это цыган.

Прошли, удаляются, я все съел, иду домой. Дома ложусь, после такого разбитого утра хочется спать. Не слишком-то удачная первая половина дня. Но и не самая плохая. Бывало хуже. Да чего там первая половина, вторая половина — сколько уже дней моих скатилось вниз по лестнице.

Посмотрим, что принесет вторая половина. Если ничего хорошего, плакать не стану, у меня ведь, с другой стороны, удачных пополудни и вечеров было предостаточно, человек не должен требовать многого. Тем более, когда ты — одинокий буек в море повседневности, правильно?

Засыпаю, может, что-то разбудит меня, а нет — плакать не буду, даже если б захотел, как тут заплачешь, когда спишь?!

Будит меня лай собаки, в телефоне. Телефон меня будит, а в телефоне собака лает. Собака мне, что ли, звонит? Через минуту прорезается мужской голос. Невыразительный, мягкий. Такой голос голой рукой за десны схватишь. Голос старого мужчины начинает говорить, спрашивает, не я ли это приклеил на столбе объявление, что, мол, собаку могу выводить.

Я говорю, что я.

Он говорит: собственно, я вам по этому делу уже сегодня звонил, но никто не отвечал.

А-а-а, — говорю, — действительно, звонил кто-то, я как раз цыпленка ел, руками, «Большой магазин», что возле меня, отмечает юбилей, и я, понимаете, не мог ответить.

Он говорит, «Большой магазин»?! Я... я тоже там был, купил собаке цыпленка и...

Я говорю, ваша собака хромает, правда?

Он говорит, хромает! Я тоже. А откуда вы...

Я говорю, спрашиваю, и вы кормили ее цыпленком на лавочке?

Он говорит, на лавочке! Откуда вы... ах, так это вы? Сидели на соседней лавочке и ели?

Я говорю, я. И спрашиваю, так это вы мне тогда звонили?

Он говорит, ну, я. И спрашивает, а та ... музыка — это...

Я говорю, это мой телефон, это вместо сигнала, забываю сменить на сигнал, мне, знаете ли, звонят редко...

Он говорит, как же мир тесен, правда? Вы на лавочке, я на лавочке... И спрашивает, ну так что, можете прийти?

Я говорю, могу, спрашиваю, когда?

Он говорит, сегодня, сейчас, если можете.

Я говорю, могу. Только... куда?

Он говорит, вот что значит старость, у вас есть чем записать?

Диктует адрес, фамилию и говорит, что фамилию внизу под звонком он написал от руки, неразборчиво, но, видите ли, я, говорит, пишу так, как говорю, а говорю так, как говорю, поскольку у меня уже зубов нет.

Иду, буду гулять с собакой, почему бы и нет. У меня была когда-то собака, но сдохла. Боксерша, Аста. Больная была, ветеринар сказал, что придет ее усыпить, что даст яд. Лежала она неподвижно на кухне и смотрела на меня. Я ей никогда не давал цыпленка, чтобы костями себе вреда не наделала. Вышел я из дома, купил половинку с гриля, и она ее, лежа, съела. Пришел ветеринар, дал ей усыпляющее, а после ее вывернуло всей этой последней вечерей, и она сдохла. Я тогда жил в многоэтажке, возле леса, пошел я в лес, выкопал яму, вернулся, подождал, когда стемнеет, к чему мне цирк в своем квартале устраивать, положил ее на санки, тогда уже снег выпал, а она тяжелая, ну и пошел. Хожу с ней туда-сюда, место не очень запомнил, а темно, ищу я эту яму, нет ямы. Оставил ее, тяжело все-таки тащить санки между деревьями, дальше ищу уже один, хожу, проклинаю себя, в конце концов нашел, вот она, вырыл для нее, а сам чуть было в нее не упал, ну, наконец-то, иду за ней, иду-иду, нет нигде, не могу найти! Что такое! Аста?! Как-то само собой из горла вырвалось, еще

*Заользье — восточная часть Тешинской Силезии. В первой половине XX века это был спорный регион между Польшей и Чехословакией. В настоящее время входит в состав Чехии. Прим. пер.

немного и свистеть бы начал. В конце концов нашел, почти наткнулся на нее и похоронил, а сам в это время думал: когда есть яма — нет собаки, а как собака есть, то нету ямы, верно? Как-то так.

Прихожу, звоню, вхожу, поднимаюсь по лестнице, обуви возле двери столько, что на мысль приходит Освенцим. Представляюсь. Он говорит, что плохо себя чувствует, отвратительно просто, а собаку надо выводить два раза в день, и он уже не может. Говорит, что хромает, собака тоже, ее иногда надо на руках вниз снести или внести наверх, а ему уже тяжело. А еще, столько обуви на лестнице, пройти невозможно, тут турки живут, вот почему. Говорит, чтоб я ей дал поесть, миску ей поставил, тогда она ко мне привыкнет. Хаф-хаф, лает он, то есть сам лает и говорит, что так по-чешски собака лает. В деревне Медлов-Кралёва он ее купил, красивое название, правда? Он в этой деревне родился, поэтому и привез собаку оттуда, чтобы она ему по-чешски хаф-хаф лаяла, а не устраивала какое-то там гав-гав. Это его чешская капельница, собака эта.

Ставлю собаке миску, собака ест. Съела собака. Он говорит, что я могу с ней выйти в парк, а когда вернусь, тогда и рассчитаемся.

Я говорю, в шутку, конечно, да чего там, договоримся, не так, как с Заользьем*.

Он смеется первый, я — последний.

Спускаюсь с собакой по лестнице, каждая ступенька для нее как препятствие на Больших пардубицких скачках. Беру ее на руки, тяжелая какая, спускаемся, черт бы побрал эти ботинки. Идем по улице, держу ее на поводке, она за мной. Черепашьим шагом. Вдруг, как из-под земли, скорая, наверно, на перекрестке сигнал включили. Проехала, тяну за поводок, никакого эффекта. Оборачиваюсь, собака лежит, не двигается. Зову ее, тяну, собака лежит. Подходит беременная, склоняется над собакой, дотрагивается до шеи, сдохла, говорит. Подняться ей тяжело, с этим животом, я помогаю ей встать, говорит, еще не хватало, чтоб воды отошли, спрашиваю, вызвать ли скорую, говорит, не надо, еще рано и чтоб я занялся собакой.

Говорю, что я-то справлюсь, что ее живот важнее. Беру собаку на руки, тяжелая, как телевизор, и отхожу. Иду с ней на лавочку, сажусь с ней на лавочку, сидим на лавочке. Ее чешская голова на моих польских коленях. Легонько похлопываю ее по голове. Глажу, спит, мол, не хочу сенсации. Думаю, что дальше. Таксист ее не возьмет. Нести домой на руках? Тяжелая, но выхода нет. Встаю, хочу нести ее как ребенка, как держат ребенка, чтоб он срыгнул, с головой на плече, но она большая, поэтому несу ее на руках, а она с них свисает, несу, как солдат или пожарник несет раненного или обожженного ребенка. Люди оборачиваются, комментируют, спрашивают, что случилось, говорю, под наркозом, после операции и трудно ей проснуться, старая потому как. Дети спрашивают, как ее зовут, я не знаю, забыл спросить, а чех забыл сказать, вот что значит старость, поэтому придумываю, говорю, Пепик, дети идут за мной, кричат, Пепик, Пепик, проснись, детей все больше и больше.

Их уже столько, что иду я во главе небольшой процессии, образуется пробка, так как любопытные водители тормозят, другие им сигналят... вот какие похороны у чешской переселенки из деревни Медлов-Кралёва.

Красивое название... Медлов-Кралёва.

Что делать, не знаю, смотрю: «Ремонт телевизоров», пора кончать с этой процессией, вхожу. Женщина, увидав меня с собакой и толпу за окном, хлопается в обморок, из задней комнаты выходит мужчина, замечает меня, собаку и Лежащую, застывает, таким образом «Ремонт телевизоров» превращается

в кабинет застывших фигур, где единственный посетитель в моем лице кладет собаку на пол, закрывает дверь и приводит Лежащую в чувства. Лежащая встает, я рассказываю, что случилось, меня не слушают, Лежащая пытается не допустить, чтоб Стоящий сказал ей «Помолчи!», мне жалко времени, осматриваюсь, ищу большую картонную упаковку, вижу большую коробку, кладу в нее собаку, всё, положил, смотрю в окно, разошлись уже? Разошлись, выхожу, тяжелая эта коробка, держу ее на плече, думаю вызвать такси, теперь-то могу, ставлю коробку на землю, хочу заказать такси, но номера не знаю, оставляю коробку на земле, возвращаюсь в «Ремонт», Стоящему уже лучше, он сидит, Лежащая над ним стоит, спрашиваю, какой номер такси, они говорят, я звоню, заказываю такси, выхожу, коробки нет.

Исчезла.

Смотрю направо, смотрю налево, нету.

Где коробка?!

На остановке кто-то стоит, на контролера похож, контролер, наверно, спрашиваю про коробку, только что тут ее поставил и нет ее. Та с телевизором? Цыгане взяли, подъехали на машине и взяли, это ваше было? Ну так украли, ворюги, я все вижу, они все крадут.

И что ты с этим будешь делать? С кражей телевизора в виде собаки? Земля сегодня вертится за мой счет. Сердце стучит как колокол. Да и в ушах бьют колокола, ничего не слышу. Спрашиваю контролера, слышит ли он колокола, а он меня не слышит, кричит, чтоб я громче говорил, потому как колокола звонят, церковь рядом. Но как будто мало этого, между одним ударом колокола и другим трубит что-то, оборачиваюсь — такси. Таксист спрашивает, не я ли по мобильничку шашечки заказал, я говорю, что я, а в голове мысль мелькает, которой я не даю промелькнуть — и что? Вернуться? Что сказать Старому чеху? Что собака сдохла? Какое такое лицо изобразить, когда он скажет, ну ладно, а где же она? Сказать, что покончила жизнь самоубийством, а потом куда-то ушла? Или сказать, что ее украли, чтоб телевизор смотреть?

Вот я и спрашиваю Контролера, в какую сторону поехали, с коробкой этой, Контролер показывает в какую, спрашиваю, на какой машине, Контролер говорит, на какой, на странной, похожей на похоронную, сажусь в такси, рассказываю, что случилось, говорю, что нужно предпринять нечто типа погони, Таксист как бы невзначай спрашивает, за какой машиной, я говорю, за какой, поехали.

С такой скоростью, что Христос едва бы удержался на распятии.

Таксист из-за погони сидит как на углях, я — тем более, к тому же, вдруг, какие-то идиотские звуки по радио. По радио? Нет, это мой телефон, не отвечаю, Старый чех, наверняка он, перекресток, в какую сторону теперь? Решаю отступиться, это бессмысленно, хочу выйти, Таксист говорит, чтоб я не сдавался, чтоб не выходил, что если пошевелить мозгами, то можно там найти какую-нибудь мысль, и что нет на свете такой рубашки, которую нельзя отгладить. Таксист говорит, что так говорит его жена, потому как ученая, и что он знает такое место, где их, этих цыган, больше всего. Что сидят они там днями и ночами, сидят как в резервации, в этом самом Берген-Бельзене, и что предчувствие его еще ни разу не обмануло, снайпер ошибается только раз, а таксист никогда.

Странно, Берген-Бельзен — это концлагерь, вот именно, говорит Таксист, вот именно, дорогой мой, там как раз цыгане и разбили свой лагерь. Я в нерешительности, далековато от Гамбурга, он успокаивает меня, мол, выключит счетчик, пересчет будет другой, ну, что, поехали?

Едем. Быстро едем. Почти как на колесе счастья несемся.

Приехали. Таксист тормозит возле ворот, тут машины стоят, одна из них на похоронную похожа. Таксист подождет, у него отговорка, он беспокоится за машину, я вхожу в лагерь один. Стою в воротах.

В лагере горит костер, то тут, то там матери кормят присосавшихся к ним тут и там грудничков, дети играют в прятки, мужчины играют в карты. Стою в воротах, все на меня смотрят.

Солнце у меня за спиной заходит, спереди длинная тень.

Матери бросают кормить, дети выходят из укрытия, мужчины перестают играть. Глазами ищу коробку, не вижу. Встает один из мужчин, наверно, самый важный, направляется ко мне. Думаю, что бы такое ему сказать, может, так — если не отдадут моей коробки с собакой — уйду, но ночью вернусь и всех тут подожгу?

Открываю рот, но Важный опережает меня и на ломаном-переломанном немецком говорит: приветствуем вас в наших трагических хоромах, вы — первый немец, который нас посещает. Вы — человек, который спешит на помощь чести немецкого народа. Примете ли вы, в этой связи, участие в приглашении на совместный с нами ужин?

Минуточку, говорю я, сейчас вернусь, иду к Таксисту, говорю, чтоб возвращался, я остаюсь, объясняю, почему, говорю, что есть вещи, от которых отказаться нельзя.

Таксист говорит, чтоб я сматывался отсюда, тут что-то намечается, он видел много полиции и малость боится.

Не могу, говорю, не могу, я живу в этой стране двадцать лет и надо бы для нее что-то сделать, а не только мстить за вторую мировую, хотя это одно из моих хобби.

Таксист понимает, говорит, чтоб я оставался с Богом, отвечаю, нет уж, пусть лучше он с Ним остается, ведь в его профессии шофера Бог важнее, Таксист благодарит за то, что я отдал ему Бога, садится и уезжает, я возвращаюсь.

Все уже ждут меня возле Большого Костра, предлагают почетное место и цветы, мужчины начинают играть, женщины начинают танцевать, дети садятся у моих ног. Разносят еду с гриля, получаю тарелку с дымящимся мясом, у меня кишки сводит, полкурицы за весь день — это ж всего ничего, начинаю есть, руками, мне так нравится.

Сижу и ем с теми, кто поселился на земле своих погасших предков, в буквальном смысле.

Проглатываю первый кусок, странный вкус, спрашиваю, что это за мясо, неважно, говорит Важный, важно, что вкусно, смотрю на гриль, потом на мясо и в ту же секунду — пых и гасну, как перегоревший кинескоп.

Неужто капельницу Старого чеха глотаю?

Мне становится плохо, вырубился бы, если б не идиотские звуки какие-то, телефон звонит. Ответить не могу, руки у меня жирные, ем ведь руками, так мне нравится, через территорию концлагеря проходят две польки, одна из них говорит: вот видишь, цыган, надо было поспорить.

НА ПОДЪЕМНИКЕ

Провались он пропадом, этот изобретатель однокресельного подъемника.

Сажусь я в кресло, опускаю перекладину, чтоб не выпасть, подъемник трогается с места, едет вверх и наверху останавливается. Но не в пункте назначения, а раньше. В том месте, где я под своими ногами вижу свою собственную тень. Довольно-таки маленькую, из чего следует, что вишу я в этом кресле довольно-таки высоко. Передо мной ни души, оборачиваюсь — и за мной ни души. Кто же

нормальный сядет на подъемник в День поминовения усопших? Я же хочу наверх, хочу зажечь там свечу по Всем Усопшим. Свечу взял свою, еще с первого причастия, большую такую, на полметра, чтоб ее видно было с вершины издалека, аж с чешской стороны, чтоб видели там, что поляк с мертвыми запанибрата, что в разведку с ним ходить могут.

Ну так вот. Придется малость подождать, потом подъемник сразу же тронется, у них там что-то не того, дело ведь житейское. Холодно, кручусь, верчусь, ноль эффектов. Сижу. Метров пятнадцать над землей. Вися. И сидя. Сижу, вися, или вишу, сидя? Событие-то одно, но с одновременностью трудности. Неважно, важно — что там с подъемником, забыли обо мне?

Ничего особенного не происходит. Моя тень: слегка двигается. Ветер: слегка шумит. Деревья: тоже слегка шумят. Воздух: холодный.

Скрипит что-то, это канат надо мной. Из-за порыва ветра. По крайней мере, что-то происходит. Снова скрип — опять ветер. Все сильней и сильней, а тень подо мной раскачивается все больше и больше. И тут меня начинает болтать так, что я сижу, вцепившись в перекладину, как человек в человечность. А холодная она, как дверная ручка в иглу. Если не отцеплюсь — отморожу руки, отцеплюсь — свалюсь и переломаю все кости.

Ну, прям как тряпка болтаюсь в воздухе, чесслово! Как так можно?! Поступать?! С человеком?! Забыть о нем и раскачивать ветром! Если б Бог существовал и видел меня, Он бы сказал: а что это за сорок четыре несчастья там висят и держатся за перекладину? И вдохнул бы в подъемник электричество, ибо Он — ток всей нашей вселенной, и поехал бы я счастливый наверх, свободный, как муха, под которой внезапно высох клей на липучке.

Но Бога нет, и я продолжаю торчать как муха на липучке, купленной из-под прилавка во времена Народной Польши, потому что тогда эти липучки продавались только из-под прилавка, а если нормально, то были сухие, без клея.

Темно становится, тень моя покидает меня.

От сидения на одном месте болят кости. Может, встать? Поднимаюсь потихоньку, с трудом, от страха ноги дрожат, но я встаю. Вижу там, внизу, в долине, на кладбище зарево от свечек, вижу далекий свет в домах, будто звезды туда упали. Но меня снизу никто не видит. Да и вообще меня никто не видит, хотя существовать-то я существую.

И вдруг легкой походкой приходит мне в голову спасительная мысль о свече в моем рюкзаке, что находится на моей спине: зажгу-ка я ее, может, кто-то меня и увидит. А если нет, то хотя бы руки согрею.

И в самом деле теплей. Сижу и свечу, но чтоб кто-то меня заметил, так этого нет. Может, слишком низко свечку держу? И заслоняю собой, ведь сижу-то я спиной вниз, а передом вверх. Сверху меня видно, но там уже давно никого нет, для меня важен низ. Следующая спасительная мысль: поставлю-ка я свечку на голову. То есть не свечку вверх ногами, а ее себе на голову. Сделав так, сижу. Вися. И пылая. Всё одновременно. Глупо, что не могу двигаться, а то погасну, а так весьма и весьма. Даже малость светлей, да и теплей.

Что-то подо мной хрюкает, движется, кабаны, что ли? Или волки, не могу разобрать, может, кабаны и волки. Мясо человеческое учуяли. И ждут, когда я свалюсь, не дождетесь!

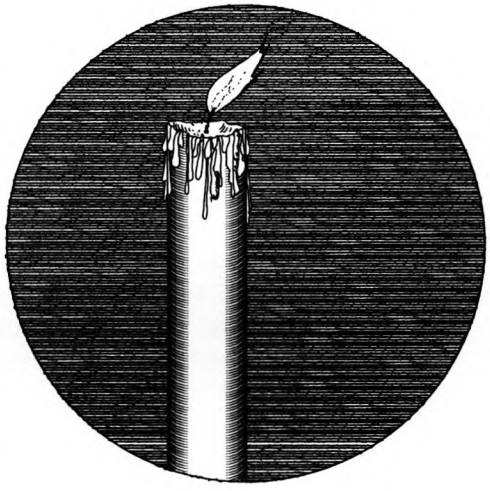
Тепло, все теплей, потому как на лицо падают капли воска. Большие, тепленькие, можно привыкнуть... Засыпаю...

Просыпаюсь, не могу глаза открыть. Воск, везде воск. На глазах, на ушах, на всей голове, шее и ниже, на груди, на спине и на руках. Двинуться не могу. Весь как из гипса, с небольшим отверстием

возле рта. Не вижу, не слышу. Я — как безвыходная ситуация. Которая шумно дышит. Достигаю статуса гегелевского абсолютного субъекта, экзистенция моя едина, дорогие мои братья в отчаянии.

И вдруг ситуация эта рванула, вперед, назад и едет. Подъемник тронулся, я двигаюсь вверх, еду, наконец-то! Наверху слышу грохот падающего тела — от моего вида свалился без чувств Обслуживающий Верх, а мог бы попридержать мое кресло — сам ведь я вслепую не выскочу, окоченевший, прикованный к сидению как Христос к кресту.

Описываю полукруг, начинаю съезжать вниз, раскачиваясь в разные стороны на каждом пролете, безвольный, как банка из-под пива, привязанная к машине молодоженов, что за судьба! Она так и скулит, чтоб взять ее в свои руки, которые, однако, сначала надобно освободить. Начинаю ими двигать, оцепеневший, больно как-то, но шаг за шагом освобождаюсь от этой белой смирительной рубахи, от второй моей кожи, негнущейся, толстой и скользкой. Руки ожили, устремляются к глазам, натыкаются на очки. Воск прошел под стеклами, потек по глазам, поэтому сидят они на мне прочно, цепляясь за уши, сливаясь с ними в одно целое. Наверно, выгляжу я как мумия, которой какой-то озорник на школьной экскурсии напялил очки. Как в таком виде показаться внизу людям на глаза?! Пытаюсь расшатать очки вверх-вниз, пошло дело, поднимаю их ближе к бровям и пальцами проделываю две дырки там, где глаза.



Начинаю видеть, мир, на рассвете.

Сдираю восковую корку со спины и живота, удается более-менее, хуже с тем, что выше, но ничего не поделаешь, вот она — одна из масок, приросшая к лицу. Решаю махнуть на это рукой, выгляжу, поди, как зампред ку-клукс-клана на больничном, спускаясь, ослабеваю, вот я уже и в самом внизу, падаю в объятия Обслуживающего Низ. Он хладнокровен, ему, видно, позвонил Обслуживающий Верх. По целой ночи в сидячем положении трудно выпрямиться, а потому я вишу на Обслуживающем, пока он не берет меня на руки и не сажает на лавочку. Сижу, распрямляю ноги, ноги приходят в себя, я встаю и иду в сторону вокзала, пора домой, пока еще не весь сгорел, поскольку вижу в стеклах витрин, что все еще горю, люди на меня смотрят, показывают детям живую свечку, дети идут за мной следом, подпрыгивают, хотят меня погасить, но ничего у них не выходит, с момента первого причастия я здорово вырос.

Все думают, что я с кладбища после Дня усопших возвращаюсь, откуда им знать, что я с подъемника, что я прямо с Голгофы, что я — Сизиф из воска, который, наконец-то, с него сходит, спадает с шеи, ушей и лица, и только восковой череп у меня остается, будто я из мертвых восстал и пошел, со свечой, зажженной в мою честь. Или будто я в шапочке с антенной, которая все еще горит, когда поезд въезжает в горный тоннель.

Погаси себя сам, как сам себя зажег. Слюнявлю пальцы, поднимаю руку, хватаюсь за фитиль, шиплю какое-то время и наступает темнота. И снова меня не видно, хотя существовать-то я существую.

Януш Рудницкий (р. 1956) — писатель, политический эмигрант, с 1983 года живет в Гамбурге, печатается в Польше. В 2010 году сборник рассказов «Смерть чешской собаки» попал в шорт-лист номинантов самой престижной польской литературной премии «Нике».

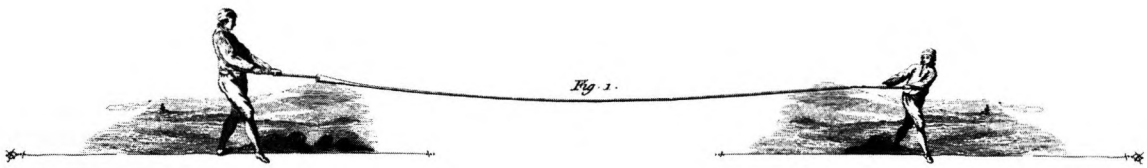
Кшиштоф Лисовский

Перевод Андрея Базилевского

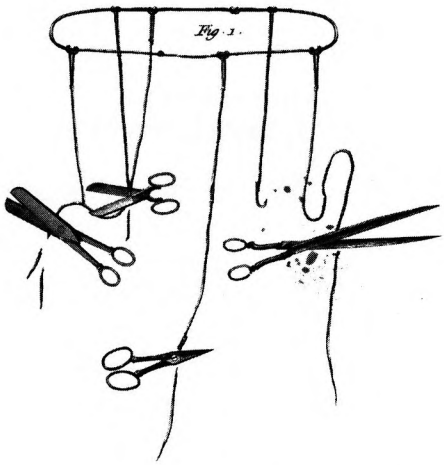
СТИХОТВОРЕНИЯ

* * *

Встреча тех кто верит с теми кто не верит.
Встреча тех кто верит во что-то
и тех кто верит в ничто.
Встреча тех кто ступил ногой
на вершину мира
и тех кто неожиданно оступился.
Встреча тех кто совершал открытия
и тех кто все что мог закрыл и уничтожил.
Встреча награжденных и осужденных
слепцов и певцов природы.
Встреча тех кто выбрал море и тех кто выбрал горы.
Ничуть не изменит положения вещей.



Paulina Zielona

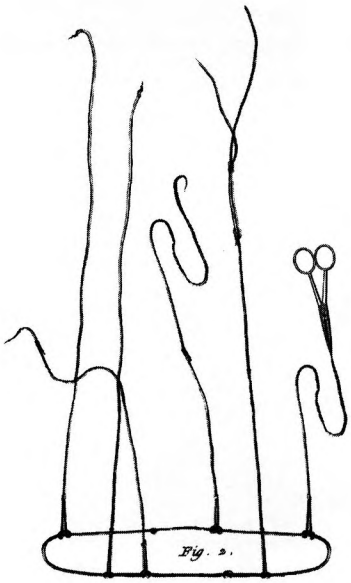


Граница

Сначала это пограничная славянская речка и мост, потом другой мост и река Ниагара. Длинные очереди, ожидание в автобусах, в автомобилях, выходишь и входишь в вагоны, в дома, предъявляешь документы, проверка виз, вскрытие чемоданов. Потом уже только здания аэропортов, застекленные будки с таможенниками, окошки, за ними люди в мундирах, иногда в фуражках. Досмотр, переход, переправа через реку, промежуточное состояние, своего рода *бардо*.

И граница иная — разделяющая твою полную шаткой гармонии, кое-как упорядоченную, в общем неплохую, довольно занятную жизнь и жизнь других: уход близких, чья-то близкая боль, от которой уже нет лекарства, старение, ночь чьей-то души, великий мрачный холод, прощания, утраты.

Однажды ты замечаешь, что эти два мира, два пространства с опасной скоростью приближаются к тебе. Между ними узкая тропка. А граница — ты.



Что за мелодия

Из опустевшей маминой квартиры
Я принёс хрустальную чашу сахарницу

Соединяю то что поделили сестры
После ухода моей бабки Хелены

Тарелка к тарелке
Блюдо плоская ваза для фруктов
Для пирожных

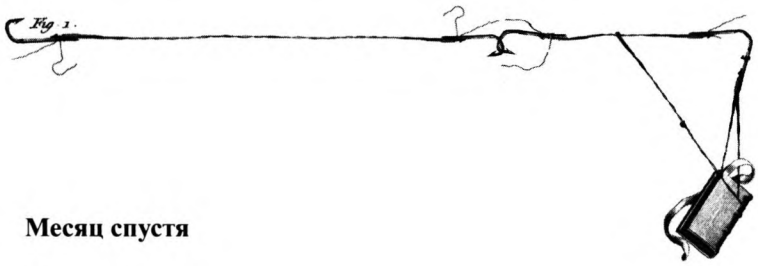
Для чего эта чаша
Для шоколадных конфет
Для орехов на праздник
Когда дядя играл свои три мелодии
На пианино марки *Petroff*

Где теперь это черное пианино

Я мог бы двумя пальцами повторить основную тему
Мелодию но
Мне не на чем сыграть

Одновременно должно начаться
Воскрешенье предметов

Ведь после вердикта Суда
Надо ж будет
Где-то присесть
Вместе с родными которых давно не видел
Выпить с друзьями
Накрыть стол
Послушать хорошую музыку



Месяц спустя

В том доме
куда я больше не приду

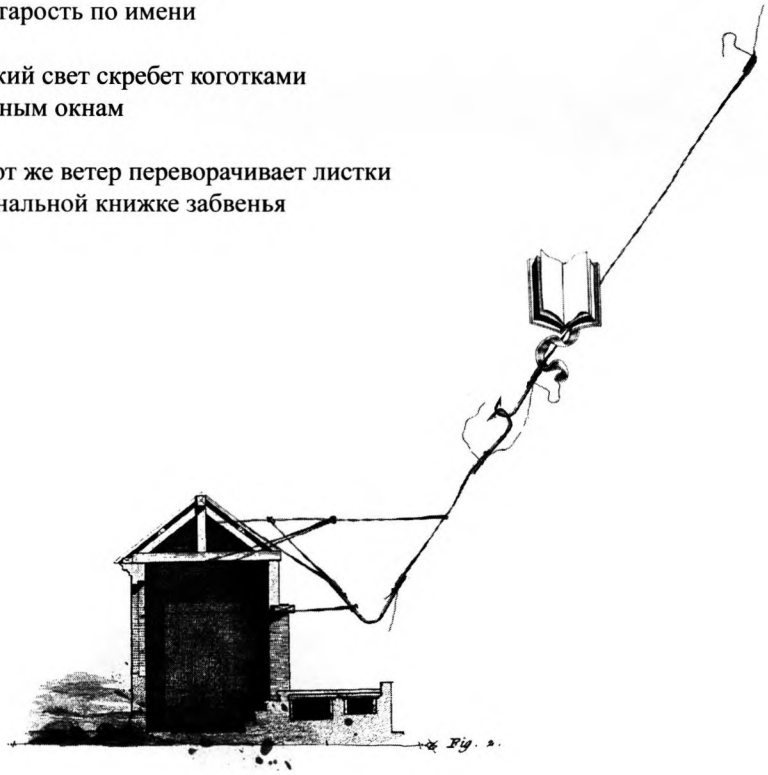
в двухместных комнатах
вся история мира

в кровати моей мамы
дремлет теперь чужое страдание

молодой санитар подпевает
зовёт старость по имени

январский свет скребет коготками
по грязным окнам

и все тот же ветер переворачивает листки
в поминальной книжке забвенья



После шторма

ни здесь ни где-то еще
тебя никогда уже больше не будет

смотрю на снимок залива
прошлого лета

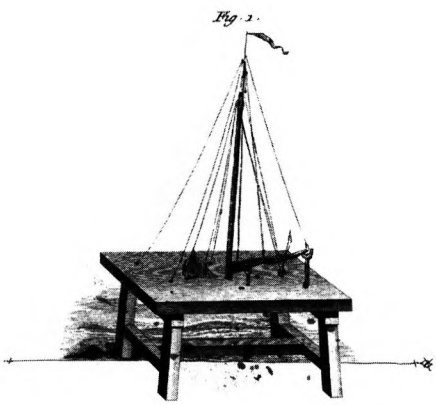
под темными тучами ждет
белый корабль

пустые столики в порту
видно дождь прошел

там у стены каменного дома
кто-то сидит заложив ногу на ногу

вот и все что сказала тень

больше ничего
нам уже не узнать



Вдруг полегчало

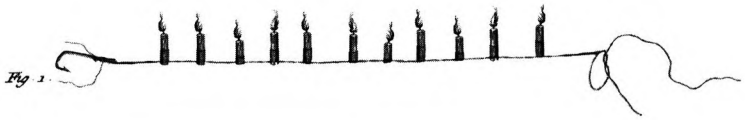
С пятницы а может
уже с четверга

Наяву бегаю с псом радуюсь
солнцу перевожу Даррелла греческие острова с английского на польский
феаки таскают того самого Одиссея туда-сюда кладут его
на берегу Итаки

Во сне девушка принимает мое предложение
на вопрос чем она занята
говорит немного работаю в саду

Осветляю яблони

Да куда там
сколько веток надо
обрезать чтоб добраться
до света



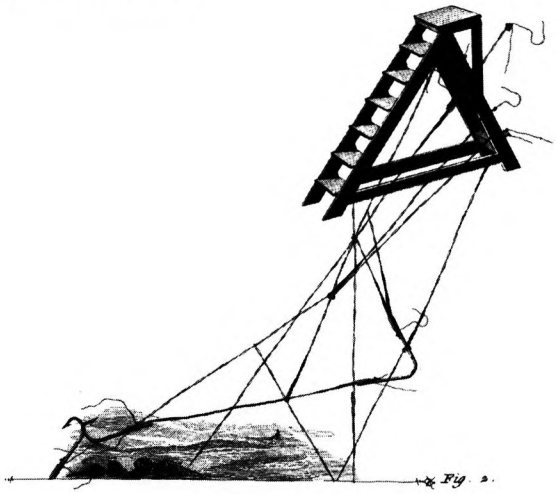
Старому Мастеру из Канады

ты дал мне дар писать
Боже
маленькое утешение среди
скальных изломов и топей
под бой часов

ты дал мне стих
когда я возвращался с кладбища
где жёг свечи
на могиле родителей бабушки деда
и Виславы

ты дал мне песню
между утратой и утратой
в ясный день
когда на моих морях
дремотный покой

дай же еще пару
капель света
крупицу радости



Лешек Шаруга

НА СТОРОНЕ МИЛОША

Много лет назад выдающийся критик, сопутствовавший переменам послевоенной польской литературы, Ян Блонский, опубликовал статью «Полюса поэзии». Речь в ней шла о польской поэзии, но звучала она как обобщение: с одной стороны, Блонский указывал на «полюс Милоша» как патрона поэзии дистанцированной и подчиненной классическим правилам, с другой — на «полюс Пшибося», притягивающий сторонников лингвистического эксперимента, тех, кто стремился открыть в пространстве языка новые, неизведанные области, дотоле неподвластные познанию и искусству. В самом общем смысле — учитывая все различия — можно сконструировать подобную интерпретационную схему для русской поэзии Серебряного века: с одной стороны, классицистический след акмеистов (Мандельштам, Ахматова), с другой — поиски кубофутуристов (Хлебников, Кручёных). Собственно говоря, спорить тут не о чем: как классицисты, так и авангардисты — каждый по своему — искали нечто, что можно определить как «образец лирики»; так что эта оппозиция как минимум дискуссионна. При этом обращает на себя внимание принципиальная разница в риторике: с одной стороны, мы имеем дело с высказыванием сдержанным и сосредоточенным, с другой — со стремлением достигнуть максимального экспрессивного эффекта.

Этот интерпретационный концепт Блонского важен как контекст поэтического творчества Кшиштофа Лисовского (р. 1954). Лисовский дебютировал в тени отчетливо экспериментально ориентированной поэзии предшественников из «поколения 68»: Бараньчака, Криницкого, Корнхаузера. Эта формация, в тот период доминировавшая, акцентировала общественно-политические проблемы. Первая книга Лисовского — «Попытка гражданства» (1975) — вышла в момент, когда цензура вынудила его старших братьев уйти с официальной сцены литературной жизни. «Гражданство» этих стихов было обращено к проблемам универсальным, общечеловеческим, автор выступал как «гражданин мира». Он четко вписывается в ту линию лирики, которая ознаменована именами Милоша и Херберта. Это не значит, что поэт отказывается от попытки постигнуть механизм грозной стихии — истории, однако он абстрагируется от сиюминутных проблем, что в тот период могло восприниматься как своего рода эскапизм. В стихотворении «Новые времена» он пишет:

После конца света
мы проснулись лучше чем были (...)
но потом
придут знакомые поколения
законостроителей учителей жизни
те кто являлся во сне обретут
абсолютное знание
предвосхитят
неизвестные способы причинения боли
укажут
кто молится против нас
и кто нас благословляет
чтоб был какой-то порядок
чтоб не забыть о симметрии
в новые трудные времена

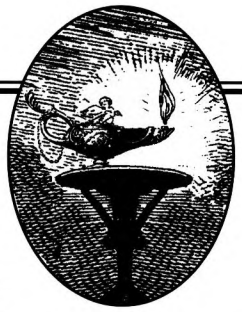
Оказывается, после «конца света» могут настать «новые трудные времена». Механизмы истории действуют, как всегда. И человек, как прежде, «узник обстоятельств»: не столько поляк в Истории, сколько человек в экзистенциальной ситуации. Для поэта важно сохранение преемственности — здесь, кстати, видно сопротивление тем (не всем) авангардным течениям, которые желают упразднить традицию и начать все с нуля. Независимо от того, как меняется мир, боль существования — все та же, что в стихотворении «Свобода», где чувство свободы ограничено сознанием порабощенности:

на самом деле ты еще чуть-чуть свободен
когда узлом затянет сердце страх великий

Однако свобода не тождественна своеволию или произволу. Герой поэзии Лисовского занимает позицию стоической дистанции, его важнейшая точка отсчета — система нравственных ценностей, опирающаяся на любовь. Сохранение верности ей — решающий фактор при получении «гражданства мира», которое никому не даётся раз навсегда. Гражданство мира — особенно для поэта — цель, которая возникает снова и снова, как в стихотворении «Редукция»:

я заново учусь
искусству смотреть ходить

Начало повторяется каждый миг.



Эльжбета Савицкая

КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

» Сегодня — много о театре.

Варшавские «Театральные встречи» — мероприятие с богатой, уже полувековой традицией — прошли в нынешнем году в 35-й раз. Фестиваль проводился с 21 марта по 3 апреля. Куратор «Встреч», журналист «Политики» Здислав Петрасик, отобрал наиболее интересные события минувшего сезона — 9 спектаклей для взрослых и 8 для детей. В программе — инсценировки классики польской литературы, обзор спектаклей «Театра телевидения» и самые громкие премьеры минувшего года. Варшавские зрители могли увидеть, в частности, две сценические версии «Дзядов» Адама Мицкевича: в постановке Радослава Рыхцика («Театр Новый» им. Тадеуша Ломницкого, Познань) и Михала Задары, инсценировавшего I, II, и IV части «Дзядов» («Театр Польский», Вроцлав). Три спектакля привезли из Кракова: «Небожественная комедия. Все скажу Богу!» режиссерско-драматургического дуэта Моники Стшемпки и Павла Демирского («Старый театр», по мотивам драмы Зигмунта Красинского), «Папа» Артура Палыги в постановке Малгожаты Богаевской (театр «Багатель») и «Путешествие» по Станиславу Выспянскому (режиссер Кшиштоф Яснинский, театр «STU»); а лодзинский театр им. Стефана Ярача показал «Ивонну, принцессу Бургундскую» Витольда Гомбровича в постановке Агаты Дуды-Грач.

На фестивале доминировал польский репертуар. Только один спектакль, «Лесоповал» в режиссуре Кристиана Люпы по роману австрийского писателя и драматурга Томаса Бернхарда, основывался на иноязычной литературе. Впечатление сильное! «Большой спектакль большого режиссера, — писала Мажена Рутковская, — это превосходящий все иное «Лесоповал» «Театра Польского» из Вроцлава. По просьбе зрителей спектакль давали три раза в зале на 500 мест с дополнительными 100 входными билетами. Успех труппы вроцлавского театра и краковского режиссера. Нечто необычайное для театра. Почти сомнамбулический нарратив подчинял себе зрителей с первых сцен. Этот спектакль очаровал и зачаровал публику. Почти пять часов в зрительном зале казались минутой».

Но не всегда было столь приятно. «Разочаровали, — пишет Томаш Милковский, — познанские «Дзяды» в постановке Радослава Рыхцика. Спектакль визуально привлекательный, с интересной актерской игрой, но не слишком умный. Превращение героев поэмы Мицкевича в борцов за освобождение чернокожего меньшинства в Америке кажется каким-то кривлянием. А если к этому прибавить Джокера, который здесь заменил Гусляра, получается иногда забавная, но по большей части лишенная серьезного смысла куча-мала. Густав-Конрад импровизирует на фоне группы обнаженных соузников (напоминающих заключенных Освенцима в пыточном застенке перед отправкой в газовую камеру), использует знаменитую речь пастора Кинга («У меня есть мечта»), а следствием этой «импровизации» оказывается находящаяся в противоречии с языком спектакля песня протеста «Месть врагу», стилизованная под госпел. Потом и того глупее: на бал к Сенатору прибывают куклуксклановцы, которые оплевывают друг друга остатками пищи, ксендз Петр предстает Стивеном Хокингом, а всем прислуживает черная рабыня из «Унесенных ветром», оказавшаяся госпожой Роллисон, которая в финале достает ружье и застилает сцену трупами…»

35-е «Варшавские театральные встречи» привлекли 9 тысяч зрителей.

» «Дибук» на основе драмы Семена Ан-ского открыл 17 апреля в Варшаве юбилейные мероприятия к 65-летию Еврейского театра — единственного действующего ныне еврейского театра в Польше и единственного в мире стационарного театра, где идут пьесы на языке идиш. Директором этой сцены,

после смерти в 2014 году Шимона Шурмея, стала его вдова Голда Тенцер. Театр ищет новую формулу, поскольку ранее его упрекали в эстетике народно-сувенирной продукции и анахроничности.

Пьеса Ан-ского — повествование об истории любви молодых людей, Леи и Хонона, обращенное к народной легенде: заглавный Дибук — это мертвец, душа которого вселилась в тело любимого человека. Классика литературы на идиш. Спектакль поставила известная своими провокационными театральными проектами Майя Клечевская, а литературная редакция выполнена Лукашем Хотковским.

В их версии драма Ан-ского осовременена, расширена историей обитателей Варшавского гетто. В 1939 году Варшава была в Европе городом с самым многочисленным еврейским населением. В 1941 году немцы заточили в Варшавском гетто 450 тысяч евреев, уготовав им ужасную судьбу. «Мы не можем забыть, сколько евреев жило в Польше до войны и сколько их осталось после войны. В нашей постановке мы все время балансируем между прошлым и будущим», — говорит Лукаш Хотковский.

Удался ли спектакль? По мнению рецензента «Газеты выборчей» Витольда Мрозека, это одна из лучших работ Клечевской. Петр Пазинский, автор «Пансиона» и «Птичьих улиц», книг, проникновенно описывающих закат еврейского мира, того же мнения. Как он отмечает, «Дибук» Клечевской черпает из фольклора и каббалы, еврейского богослужения и поп-культуры, говорит о Катастрофе, памяти, травме и трауре, творчески дискутирует с предыдущими постановками. Это интегральное произведение искусства: «Оно интригующе и прекрасно разыграно актерами Еврейского театра, которые, независимо от текста Ан-ского, привнесли от себя очень многое. И все это в Варшаве, полной духов прежних своих обитателей, которые просят уделить им минуту внимания».

К совершенно иным выводам пришла после премьеры Эва Ванат, журналистка, программный директор «Радио для тебя». Она написала в «Фейсбуке»: «Завязываю с театром. Безвозвратно. Сорри, конечно, но с меня хватит. Уже не хочу. После вчерашнего «Дибука» Майи Клечевской в Еврейском театре я полагаю, что польский театр безнадежен. Неаккуратно, абы как, без энергии, без темпа (неполных два часа для меня тянулись как восемь; когда посмотрела на часы, не могла поверить, что только час прошел). И этот сюжет о Холокосте — от фонаря, по случаю: потому что мероприятия, годовщина Восстания в гетто, надо охватить, — что-то жуткое. Только Магдалена Колесник мне понравилась. Голда Тенцер пытается обновить стиль своего театра, хочет порвать с сувенирным этнографизмом, в котором многие этот театр упрекали. Я никогда раньше не была в Еврейском театре, но, честно сказать, предпочла бы увидеть какое-то добротную поделку в национальном стиле, чем такой угнетающе слабый эксперимент».

Похоже, директор Голда Тенцер поставила перед собой задачу не из легких…

» «Черный сад», репортаж Малгожаты Шейнерт о двух районах Катовице, перенесен на сцену Силезского театра и стал частью юбилейных торжеств, посвященных 150-летию города. Премьера прошла 17 апреля, играла почти вся труппа, постановку осуществил Яцек Гломб.

— Спектакль для меня поразительный, — сказала журналистам агентства ПАП Малгожата Шейнерт, знаменитый репортер. — Я не была ни на одной репетиции, сознательно не ходила, я хотела сюрприза от просмотра спектакля. Постановка прекрасная, множество прекрасных картин, прекрасных, волнующих эпизодов. Спектакль поэтичен, чего нет в книге, — моя книга документальная.

Рецензент газеты «Дзенник заходни» хвалит спектакль: «В Силезском театре произошло невозможное: на язык театра переложен монументальный, почти 500-страничный исторический репортаж (о вошедших в состав Катовице поселках Гишовец и Никишовец) «Черный сад» пера Малгожаты Шейнерт. Невозможное, потому что книга охватывает период почти в 200 лет, изобилует датами, названиями местностей, фамилиями, точностью напоминает научный труд. В этом спектакле главную роль исполняют актеры — не сценография, свет, музыка или спецэффекты. И актеры этого театра работают с полной выкладкой».

Так что рекомендуем то и другое: и номинированную в 2008 году на литературную премию «Нике» книгу Малгожаты Шейнерт, и катовицкий спектакль по мотивам «Черного сада».

» Юзеф Хен (р. 1923) стал в нынешнем году лауреатом премии вроцлавского ежемесячного

журнала «Одра». Писатель отмечен за изданную в прошлом году книгу «Продолжение дневника». Этот проницательный диагноз состояния сознания польского общества является продолжением предыдущей книги — «Дневника на новый век». «Дневники — это одновременно венец масштабной творческой работы корифея польской литературы. Его перу принадлежат выдающиеся романы, такие как «Никто не хочет», эпические воспоминания, например, «Новолипье», биографические эссе «Я, Мишель из Монтень», «Шут — великий муж» (1998) — роман о Тадеуше Бой-Желенском и книга «Мой друг король» о Станиславе Августе Понятовском, а также сценарии многих известных фильмов и сериалов», — напоминает редакция «Одры».

» Премию имени профессора Юзефа Тишнера в области публицистики и эссеистики на социальные темы, учащей поляков принимать «несчастный дар свободы», получил Антоний Крох, этнограф, публицист и переводчик. Так отмечена совокупность его творчества, с особым учетом последней книги «Веселой аллилуйи тебе, Народная Польша, или о запутанной истории крестьянской художественной культуры на польских землях» (издательство «Искры», 2014). Это собрание ярко и с юмором написанных рассказов, в которых автор возвращается в 70-е и 80-е годы XX века, во времена неведомого ранее бума на творчество народных художников.

» Во время литературного фестиваля «Обнаружено в переводе» в первый раз присуждалась премия президента города Гданьска им. Тадеуша Бой-Желенского за переводческое творчество. Ее получила 10 апреля в гданьском «Шекспировском театре» Марина Охаб, переводчица с французского.

» Кандидат на Нобелевскую премию по литературе из Белоруссии, шведский журналист, отмеченный «Премией Августа», бразильский врач и два польских репортера — вот авторы пяти книг (изданных в Польше в 2014 году), выше других оцененных жюри премии им. Рышарда Капустинского за литературный репортаж. В апреле жюри назвало финальную пятерку: Светлана Алексиевич, «Время secondhand. Конец красного человека» (перевод с русского Ежи Чеха); Иза Михалевич, «Жить — этого мало. Заметки об утрате и поиски надежды»; Михал Ольшевский, «Лучшие ботинки в мире»; Горан Розенберг, «Короткая остановка по дороге из Освенцима» (перевод со шведского Мариуша Калиновского); Драузьо Варелла, «Последний круг. Самая опасная тюрьма Бразилии» (перевод с португальского Михала Липшица).

Имена лауреатов — автора лучшего репортажа 2014 года и лучшего переводчика — будут объявлены во время торжественной церемонии 14 мая 2015 года.

Жюри также приняло решение наградить в связи с 35-летием польского Сентября книгу «Пером свободы» Мартина Поллака, известного в Польше австрийского писателя, журналиста и эссеиста. Друга Рышарда Капустинского (и переводчика 13 его книг), которого в 1980 году власти ПНР объявили персоной non grata, в каковом статусе он пребывал вплоть до 1989 года. Европейского гуманиста и хранителя памяти, который смело высказывается по существенным, пускай даже самым щекотливым и не делающим чести современной Европе вопросам.

» Войцех Фангор (р. 1922) отмечен премией имени Яна Цыбиса за совокупность художественного творчества. Это старейшая польская премия в области визуальных искусств. За 2014 год она присуждена автору знаменитых оптических картин и графики на станциях второй ветки варшавского метро. На сентябрь в столице запланирована выставка, где будут представлены связанные с оп-артом пространственные картины Фангора 1958–1970 годов.
Войцех Фангор — одна из крупнейших фигур в истории польского изобразительного искусства второй половины XX века, выдающийся художник пространства и движения.

» 30 апреля начал осуществляться проект «Культура, доступная в кино». Билеты на польские фильмы в некоторых кинотеатрах будут стоить 10 злотых, благодаря чему с польским киноискусством познакомится более широкий круг зрителей. Специальные сеансы (за 10 злотых) будут проводиться в 35 кинозалах на территории всей Польши каждый четверг в 18.00. До конца года запланировано более

30 сеансов. Публика сможет посмотреть получившие признание фильмы польского производства, такие, в частности, как «Ида», «Джек Стронг», «Гражданин», «Боги», «Карт-бланш», «Город 44» или «Рейс».

Прощания

» 24 марта в Варшаве в возрасте 81 года умер Ежи Тимошевич, историк театра, издатель, наставник для многих поколений. «Каждый, кто интересуется театром, знает доктора Ежи Тимошевича, даже если не читал его работ», — писала Эльжбета Баневич в связи с 75-летием выдающегося издателя. Статьи и рецензии на книги о театре он публиковал, в частности, в журналах «Театр» и «Паментник театральны». Издал произведения Леона Шиллера, Анджея Пронашко, Ежи Стемповского. В 1974–1975 годах был литературным консультантом варшавского Драматического театра, затем до 1979 года читал лекции на факультете театроведения Варшавской государственной высшей театральной школы. Войцех Майхерек написал в своем блоге: «Ежи Тимошевич был уникальным преподавателем. Его фамилии нет у меня в зачетке, однако его знаниями, мудростью, умением проницательно смотреть на очень сложную историю театра я не раз пользовался. Наверное, не только я ощущал радость, когда он звонил, чтобы похвалить за что-то написанное. Это не были пустые комплименты. Отзыв он часто приправлял шуткой, а шутки у него бывали колкими». Ежи Тимошевич оставил нас тихо и скромно. «По желанию покойного похороны прошли в кругу близких». Некрологи появились неделей позже.

» 2 апреля в Варшаве умерла режиссер и сценарист Барбара Сасс. Ее называли мастером женского портрета. В 80-е годы Барбара Сасс поставила такие фильмы как «Без любви», за который получила премии фестивалей в Гданьске и в Мюнхене, «Крик» (в котором главную роль Марианны, молодой уголовницы из варшавской Праги, сыграла Дорота Сталинская, в течение многих лет любимая актриса Сасс), также получивший ряд премий. В 1985 году Сасс экранизировала роман Поли Гоявичинской «Девчата из Новолипок». В режиссерском наследии Сасс — фильмы «В камере» (1988), «Мемориальная история» (1990), «Паучихи» (1993), «Как наркотик» (1999). Последний ее фильм, озаглавленный «Во имя дьявола» (2011), — это триллер, в основе которого лежат реальные события: судьбы взбунтовавшихся монахинь ордена сестер семейства Вифании в Казимеже Дольном. Барбаре Сасс было 78 лет.

» 7 апреля в Неаполе в возрасте 93 лет умерла Лидия Кроче — вдова писателя Густава Герлинга-Грудзинского. Она была дочерью выдающегося итальянского философа и интеллектуала Бенедетто Кроче. В течение многих лет занималась исследованием архива отца. После смерти Густава Герлинга-Грудзинского в 2000 году Лидия Кроче начала упорядочивать и каталогизировать его библиотеку и архив, способствовала изданию произведений автора «Другого мира» в Польше, Италии и других странах. 26 апреля 2014 года президент Бронислав Коморовский наградил Лидию Кроче Командорским крестом со звездой ордена Заслуги Республики Польша за значительную роль в укреплении культурных связей между Италией и Польшей.

Воздал честь Лидии Кроче еще в 2008 году Войцех Карпинский, который в своей книге «Лица» напомнил, что она создала писателю дом: «Вот этот частный дом был пожертвован Густаву госпожой Лидией Кроче. Это она вытащила его из мюнхенской депрессии, она дала ему семью, квартиру в Неаполе, окружала заботой его творчество, понимала необходимость для него «польского воздуха», ежеквартальных, длившихся по месяцу, выездов в Мезон-Лаффит, в резиденцию «Культуры», это она помогала ему пройти через время, иногда долгое, *umore nero*, меланхолии, она терпела его трудные периоды (скажем деликатно: даже он сам не утверждал, что у него легкий характер), наконец, она убедила его сохранить архив (я несколько раз, в течение многих лет, слышал от Густава, что он намеревается свой архив уничтожить) и назначить Марту, их дочь, попечителем его наследия.

Сегодня я бы хотел публично и официально сформулировать то, что для меня давно уже было очевидно: каждый читатель Густава Герлинга-Грудзинского — должник госпожи Лидии Кроче-Герлинг. Если Густав сумел пройти свой Путь, если смог создать тот Дом, каковым является его творчество, то в значительной степени благодаря ей».

АДРЕСАТ: АДАМ МИЦКЕВИЧ

С Марией Пруссак, издателем «Писем Адаму Мицкевичу», беседует Павел Бем

— Может быть, начнем с того, что ваше издание — это не первое собрание писем к Адаму Мицкевичу. Скажите, пожалуйста, чем оно отличается от прежних?

— Первым, кто стал собирать письма и создавать архив Мицкевича, был его сын Владислав. Он также несколько раз издавал переписку отца. Объединял письма Мицкевича с письмами к поэту, но при этом особым образом их подбирал и иногда дорабатывал: что-то опускал, что-то исправлял. Это издание далеко от тех издательских стандартов, к которым мы сегодня привыкли, то есть от достоверного воспроизведения текста документа. Потом было еще много новых открытий, и отдельные исследователи публиковали свои разрозненные находки в разных местах. Наконец, что важно для этой истории, Януш Одровонж-Пенёнжек[1] опубликовал перечень всех известных нам сохранившихся писем Мицкевичу вместе с местами их хранения в несуществующей ныне серии, которая называлась «Литературный архив».

— Несомненно, ваше издание представляет собой монументальный труд: пять томов, содержащих совокупно более 1300 писем от более чем трехсот отправителей. Сколько человек трудилось над этим изданием, и сколько времени продолжалась работа над комплектацией и обработкой писем?

— Непосредственно над изданием работали вначале четыре человека, которые участвовали в проекте в рамках гранта под названием «Письма Адаму Мицкевичу». Идя по следам того, что уже было известно прежде, они добирались до архивов, где должны были находиться письма, а одновременно вели дальнейшие поиски. Так нашлось сто неизвестных ранее писем. Эти люди разделили свою работу, каждый из них занимался каким-то конкретным кругом: один — филоматами[2], второй — письмами из круга Товянского[3], третий — письмами, написанными иностранцами на иностранных языках, четвертый — письмами из круга легионеров[4], то есть, периода «Весны народов». Это позволяло им лучше понимать, о чем идет речь в отдельных письмах, ориентироваться в ситуации, которой касались письма. Работа над сбором и обработкой всех этих писем началась восемнадцать лет назад, после чего — когда основной корпус был уже собран — еще два человека, выдающиеся знатоки Мицкевича, Зофья Троянович и Зофья Стефановская, прочитали этот материал и высказали свои замечания. Только тогда в работу включилась я, то есть, уже на этапе редакционной правки, объединения разных способов обработки текста, а также поиска дополнительных комментариев, описаний, пояснений.

— Каково происхождение собранных в этом издании писем?

— Одно для меня удивительно в этой истории. В значительной степени источником писем является Музей Мицкевича в Париже, то есть собрания самого Мицкевича либо его сына Владислава, но из этого следовало бы, что Мицкевич, путешествуя по миру как эмигрант, возил с собой свой архив,

---

[1] Януш Одровонж-Пенёнжек (р. 1931) — польский историк литературы, с 1972 по 2009 г. директор Музея литературы им. Адама Мицкевича в Варшаве. Здесь и далее прим. пер.

[2] Филоматы (от греч. «стремящийся к знанию») — тайное патриотическое и просветительское объединение студентов Виленского университета, действовавшее в 1817–1823 годах.

[3] Анджей Товянский (1799–1878) — польский религиозный философ, создатель мистической секты «Круг Божьего дела», членами которой, в частности, были А. Мицкевич и Ю. Словацкий.

[4] Легионеры — члены польских легионов, сражавшихся на стороне итальянских и венгерских освободительных армий против Австрии в 1848–1849 годах.

меняя квартиры и места проживания, он хранил их и имел важнейшие письма при себе. Второй крупный блок, не знаю, можно ли уже говорить об этом свободно, хранился в Архиве филоматов. Ясно, что письма первого периода жизни Мицкевича не отправились вместе с ним в ссылку, а остались в Вильно.

— Почему вы не уверены, что можно открыто говорить об Архиве филоматов?

— Потому что письма были изъяты оттуда после Второй мировой войны и контрабандой переправлены из Литвы. Онуфрий Петрашкевич[5], уже вернувшись из ссылки, решил сохранить память о филоматах. Все, что относилось к филоматам и сохранилось в Литве, он собирал в одном месте. В его собрании была большая пачка писем, написанных как самим Мицкевичем, так и ему, а также много других дополнительных материалов. Эти документы были частной собственностью, потом они принадлежали наследникам Петрашкевича. Большая часть из них опубликована в 1913 г., но там еще были кое-какие разрозненные документы.

— Относятся ли собранные письма к некоему конкретному периоду или это корреспонденция, которую Мицкевич получал в течение всей жизни?

— Это то, что он получал всю свою жизнь: первое письмо датировано 1818 г., последнее написано в 1855 г., то есть в самом конце его жизни. Это исключительно письма, адресованные Мицкевичу. Мы включили в собрание также «адреса», то есть, коллективные письма; есть и одно письмо, которое было опубликовано г-жой Мари д'Агу[6] в период «Весны народов». Она написала Мицкевичу лично, но одновременно опубликовала письмо во французской прессе: это такое полуофициальное письмо о том, какие, по ее мнению, задачи стояли перед Мицкевичем в тот революционный момент. Есть в этом издании и никогда до сих пор не публиковавшиеся стихи, которые Мицкевичу направляли в качестве стихотворных приветствий. Одно из них имеет особое значение — стихотворение Федора Тютчева[7], присланное им в 1841 г. после прочтения отрывка из первого курса парижских лекций Мицкевича. Русский поэт рассматривал Мицкевича как объединителя для славянской идеи, очень важной тогда для Тютчева. Это стихотворение было впервые напечатано в России в конце XX века, но поскольку это письмо, оно никогда не входило в сборники стихотворений Тютчева при его жизни. В этом издании есть и несколько официальных посланий, которые мы тоже рассматривали как письма, например, от учреждений, где работал Мицкевич. В одном из них говорится о грозящем ему наказании, так как некая дама, сдававшая ему квартиру, пожаловалась, что он ей что-то испортил.

— Однако я видел в этом издании и письма, написанные Мицкевичем.

— Есть два его письма, которые обнаружились уже после выхода «Собрания сочинений» Мицкевича. Оказалось, что еще три письма были выставлены на аукционе: два попали в государственные коллекции, так что у нас есть к ним доступ, а одно купил частный коллекционер и никого к нему не допускает.

— В своем издании вы посвятили отправителям писем развернутые биографические заметки. Удалось ли установить имена их всех и пересматривались ли при этом выводы предыдущих издателей относительно атрибуции писем?

— Всех отправителей установить не удалось, иногда появляются, к примеру, какие-то письма с просьбой о помощи, и мы не знаем, кем был несчастный, искавший поддержки у Мицкевича. Есть еще, особенно среди коллективных писем периода «Весны народов», адреса от революционной молодежи из разных стран, а также от каких-то немцев, итальянцев, славян, подписавшихся под этими письмами. Нам не удалось их идентифицировать, хотя имена многих людей, до этого считавшихся анонимами, нам удалось расшифровать. Один из них интересен и достоин упоминания. Когда Мицкевича лишили кафедры в Коллеж де Франс, он получал от студентов письма со словами восхищения,

---

[5] Онуфрий Петрашкевич (1793–1863) — польский поэт, архивист, соратник А. Мицкевича по обществу филоматов.

[6] Мари Катрин Софи де Флавиньи, графиня д'Агу (1805–1876) — французская писательница, известная под псевдонимом Даниэль Стерн.

[7] Речь идет о стихотворении Ф. Тютчева «От русского, по прочтении отрывков из лекций г-на Мицкевича».

уважения, благодарности. Один отправитель подписался фамилией и добавил «студент медицины», как оказалось, в будущем он стал выдающимся французским ученым, создателем французской антропологии — его звали Луи Адольф Бертильон, и он был инициатором выпуска медали в честь троих исключенных из Коллеж де Франс профессоров, а именно Мицкевича, Мишле и Кине[8]. Так что это была важная фигура к общественной жизни Франции. Среди лиц, идентифицированных в рамках работ над этим изданием, есть и русская, которую нам удалось опознать. Отправительницей одного из писем в списке Пенёнжека значилась г-жа Козлова, но кем была эта дама, оставалось тайной. Мы сумели выяснить всю историю ее контактов с Мицкевичем. Ее звали Елизавета Карлгоф, она была публицистом и писала воспоминания.

— Необычный характер имеют письма от Товянского. В чем их специфика?

— Все, что Товянский писал Мицкевичу, имело двоякий характер: с одной стороны, частный, хоть и в малой степени, так как — с другой стороны — Товянский в этих текстах во многом формулировал инструкции о том, как Мицкевичу руководить «Кругом Божьего дела» и как ему самосовершенствоваться, так что это были директивы и рекомендации, превратившие то, что мы назвали бы письмом, то есть личным разговором двух людей, в официальное сообщение магистра своему заместителю по «Кругу». Товянский был очень скоро выслан из Франции и жил в Бельгии, так что все его влияние на парижский «Круг» состояло в том, что он пользовался эпистолярным жанром. Что из этих посланий, адресованных Мицкевичу и «Кругу», касалось, во-первых, только Мицкевича, что, во-вторых, в них относилось к «Кругу», а значит, не к Мицкевичу, в-третьих, что там является формальным перечнем рекомендаций и указаний, а что можно считать письмом, — все это невероятно сложно. Впрочем, то же самое относится к двум письмам Юлиуша Словацкого, написанным в период его увлечения идеями Товянского, которые мы, в конце концов, включили в наш том, хотя и с большими колебаниями, потому что знаем их содержание не из оригиналов, а лишь из черновой версии, записанной Словацким в дневнике; и тоже нельзя окончательно сказать, что это письмо Мицкевичу, так как это, скорее, адресованное «Кругу» заявление.

— А возможно ли, что существуют еще какие-то письма к Мицкевичу, не вошедшие в это издание? Часть переписки сгорела и безвозвратно утрачена, однако, есть ли вероятность того, что сохранились другие письма, что означало бы, что собранный вами корпус не полон?

— Это конечно же не полный корпус. Из разных писем нам известно, что кто-то говорит, что отправил что-то. В различных публикациях корреспондентов Мицкевича мы читаем, как кто-то пишет кому-то: «Получил письмо от Мицкевича» или «Пишу письмо Мицкевичу», а этого письма нет. То, что сгорело, — это наименьшая потеря, так как многое из этого было ранее, до войны, опубликовано. Хуже с теми материалами, которые появляются, как сигнал: вся переписка с Марией Шимановской[9], письма к Хелене Малевской[10] в Петербург, которых было, видимо, три, и т. д. Известно, например, что брат Мицкевича Александр, профессор харьковского университета — а Мицкевич был с 1834 г. под абсолютным запретом цензуры — написал ему письмо, которое надеялся отправить с оказией, так как кто-то сообщил ему, что выезжает за границу. Посредник взял у него деньги в качестве помощи для Мицкевича, после чего украл эти деньги и пригрозил Александру, что выдаст его намерение отправить Мицкевичу письмо, если тот не заплатит ему столько же сверху. Сколько таких случаев было еще?

— Заметны ли в собранных вами письмах более или менее непосредственные действия цензуры?

— После ноябрьского восстания переписка Мицкевича с друзьями, оставшимися в России, полностью прервалась, это драматичный момент его биографии. Все друзья-филоматы были отрезаны от общения с Мицкевичем. Вести о том, что происходит у самых близких ему с юности людей, Мицкевич

---

[8] В 1852 г. Мицкевич, а также Жюль Мишле и Эдгар Кине были уволены из Коллеж де Франс за неблагонадежность.

[9] Мария Шимановская (1789–1831) — польская пианистка и композитор, мать жены А. Мицкевича.

[10] Хелена Малевская (1811-1861) — польская пианистка, дочь Марии Шимановской, сестра жены А. Мицкевича. Опубликованы ее дневники 1827–1857 годов.

получал из третьих рук, спустя годы. Здесь видны следы трагедии: Мицкевич пишет Томашу Зану[11], когда того нет в живых уже несколько месяцев, так как никто не знает о его смерти. Новости не приходили напрямую. Второй пример, для меня не проясненный, связан с Францишеком Малевским[12], который десять лет спустя выехал из Петербурга на лечение в Карлсбад. Оттуда он писал Мицкевичу письмо, в котором есть фраза, что он не высылает письмо из Карлсбада, а отправит только тогда, когда пересечет мост через Рейн и сможет бросить его в почтовый ящик во Франции, так как в Германии почта цензурирует письма по требованию русских властей. Если бы письмо из Карлсбада шло через Франкфурт, то проходило бы через руки русского цензора, который проверял на тамошней почте письма российских подданных.

— Стало быть, на письмах нет никаких материальных следов цензуры: замазывания, печатей и т. п.?

— Нет, ведь цензура писем была негласной, это было незаконно. Но она существовала: например, письмо брата, Францишека Мицкевича, до Мицкевича не дошло — оно обнаружилось в архиве прусской цензуры, а не в доме адресата.

— Письма расположены в книге в алфавитном порядке относительно отправителей: не было ли искушения поместить их в хронологическом порядке, без деления на адресатов? Тогда бы получилось что-то вроде эпистолярного календаря, который косвенным образом стал бы хроникой жизни самого Мицкевича?

— У меня было бы другое искушение: разместить материал по группам лиц, т.е. в соответствии с кругом, средой, а значит, более тематически. При чтении в алфавитном порядке порой теряется связность рассказа о каком-либо событии. Это особенно касается филоматов, товианцев и легионеров. Там все объединено переплетением событий, которые при алфавитном порядке попадают в разные тома. Ответом на ваш вопрос является существование «Хроники жизни и творчества Адама Мицкевича», которая в значительной мере основана на письмах, а вскоре картина станет еще полнее, так как, благодаря этому изданию писем, мы ее дополним. Так что хронология событий в жизни Мицкевича установлена.

— Пришлось ли вам подвергать собранные письма какой-либо модернизации, чтобы они стали понятнее для сегодняшнего читателя?

— Мы выполнили модернизацию орфографии, это в Польше уже норма. Было бы странно выпустить эти письма в старой орфографии. Зато мы оставили оригинальный французский язык корреспондентов Мицкевича, которые были разных национальностей и писали по-французски на разном уровне. Иногда мы оставляли и языковые неправильности различных его корреспондентов, если те писали не на литературном польском языке.

— Вы упомянули, что часть писем Мицкевичу написана не по-польски. Ваше издание не отдает предпочтения польскому переводу: в основном тексте приведены как оригиналы, так и переводы, что является необычным решением.

— Это издание должно документировать то, с кем Мицкевич общался и на каком уровне вел эпистолярный диалог, в связи с чем понятно, что, прежде всего, если кто-то писал ему на другом языке, то этот язык должен быть сохранен. Данный принцип очевиден и в мицкевичевской хронике, где цитаты из документов приводятся на языке оригинала. Так что хроника столь же многоязычна, сколь и письма к Мицкевичу. Необыкновенно важно для той эпохи, что языком, на котором Мицкевич объяснялся с русскими, был французский. Если опубликовать письма от русских в польском переводе, то было бы непонятно, что они разговаривали не по-русски. Есть одно или два письма, написанных по-русски, так как они адресованы двум лицам: Мицкевичу и его русскому другу, вот Сергей Соболевский и написал их по-русски. Языком той русской среды, в которой вращался Мицкевич, был, главным образом, французский. Об этом мы тоже узнаём из нашего издания.

---

[11] Томаш Зан (1796–1851) — поэт, член общества филоматов, друг А. Мицкевича.

[12] Францишек Иероним Малевский (1800–1870) — польский юрист, один из основателей общества филоматов, друг Адама Мицкевича и его товарищ по ссылке.

— А на скольких языках переписывался Мицкевич?

— Он получал корреспонденцию на очень многих языках: есть польский, обрывки латыни, понятно, что есть французский, немецкий, есть, конечно, и итальянский.

— Он читал на всех этих языках?

— Да, совершенно точно, что он без труда читал на французском, немецком, английском, итальянском, греческом, латыни. Есть пример с его корреспондентом-словенцем, увлеченным славистом, который начал свое письмо по-немецки, потом перешел на латынь со вставками из греческого, старославянского и еще немного из русского. Этот орешек почти невозможно было разгрызть, так как не было человека, овладевшего бы структурой данного письма на уровне знания всех этих языков, так что потребовался целый консилиум, чтобы сложить из понимания отдельных фраз цельные предложения.

— Хотя мы говорим здесь о письмах к Мицкевичу, а не о написанных им самим, не раскрывают ли эти тексты в его образе что-то доныне неизвестное? Возникает ли из этой переписки такого рода откровение?

— По моему мнению, да. Во-первых, все это, собранное в одно целое, показывает, в сколь многих областях светской, политической и общественной жизни принимал участие Мицкевич, в скольких измерениях он действовал. Это очень заметно, если смотреть на все это в целом. Во-вторых, когда мы уже установили многих отправителей и многие контексты, о которых идет речь в этих письмах, выявилось, в какое количество прогрессивных направлений тогдашней жизни был вовлечен Мицкевич. Там вдруг появляются фигуры, о которых мы до сих пор не знали, и которые теперь мы рассматриваем в качестве основателей различных движений. В их числе две дамы, о которых я думаю с волнением — они создали первую во Франции школу с программой обучения для девочек, идентичной программе для мальчиков. Они обратились к Мицкевичу с предложением, чтобы его дочери ходили в эту школу. Впрочем, одна из них оказалась в ссылке в Алжире, где вскоре умерла от какой-то тропической болезни.

— А какие письма, с вашей точки зрения, наиболее интересны?

— Для меня самое интересное — письмо упомянутого уже словенского слависта, который отреагировал на первый курс парижских лекций, как профессионал, предложив Мицкевичу другую концепцию славянской традиции. Впрочем, он был одним из первых, кто поставил под сомнение подлинность опубликованных тогда чешских исторических памятников, в которые поверил Мицкевич — речь идет о Краледворской рукописи, которую Вацлав Ганка[13] пропагандировал в Европе как памятник старочешского языка, и которая оказалась фальшивкой. Тот же словенский славист, служивший библиотекарем императорской библиотеки в Вене, сразу же обратил внимание Мицкевича, что языковая форма этой рукописи свидетельствует не в пользу ее подлинности, не согласуется с его знаниями о древнеславянском языке. Этот славист прекрасно ориентировался в языке старочешских памятников, поэтому единственное сохранившееся его письмо весьма интересно: оно показывает, насколько вдумчиво он вчитывался в эти лекции (сам он их не слышал). Оно демонстрирует также, что он рассматривал Мицкевича не как идеолога за кафедрой, а как коллегу-ученого, профессионала в исследованиях литературных традиций.

— При обработке писем вы пользовались результатами исследований только польских литературоведов?

— Нет, мы не работаем в отрыве от российской научной среды, так что некоторыми вещами, оказавшимися здесь, мы обязаны либо непосредственно тому, что русские обрабатывают архивы, к которым имеют прямой доступ (к примеру, так мы получили письмо учителя русского языка из Вильно, Ивана Лобойко, до сих пор неизвестное и всплывшее благодаря публикации Абрама Рейтблата), либо появлению того, что полякам было недоступно, так как этого не было в Польше. Теперь, поскольку у русских в интернете размещены очень обширные ресурсы, нам многое становится

[13] Вацлав Ганка (1791–1861) — чешский филолог и поэт, деятель национального возрождения, автор и изготовитель фальшивых Краледворской и Зеленогорской рукописей.

доступным, например, выложенные в свободный доступ русские журналы XIX века можно читать прямо из Варшавы. Кроме того, работы русских ученых, касающиеся окружения Мицкевича, в особенности Зинаиды Волконской и ее среды, позволили нам очень многое прокомментировать. Работы русских по архивным материалам нам весьма пригодились, например, большая книга А.И. Рейтблата о Булгарине прояснила тысячи вопросов.

— Не выявляют ли эти письма какие-то контексты, важные для русских литературоведов?

— Нам уже известно о реакции, свидетельствующей о ценности этих писем для российских исследователей. Те, кто уже держал в руках эти тома, а также письма Мицкевича, опубликованные в рамках юбилейного издания, подтверждают, что им многое удалось проверить благодаря этим письмам.

— Наверное, можно сказать, что ваше издание стало дополнением к юбилейному изданию произведений Адама Мицкевича — эти письма, как часть переписки поэта, тоже принадлежат к его наследию. Означает ли выход этого издания, что работы над наследием Мицкевича в Польше окончены?

— Конечно, нет — весь французский Мицкевич ждет, когда им займутся. Мицкевич, вопреки нашим представлениям, хотя и был крупнейшим польским поэтом, треть своих произведений написал по-французски, из чего им была опубликована лишь небольшая часть, остальное обнародовал его сын Владислав, считавший, что знает французский лучше, чем отец, поэтому немного отредактировавший то, что сохранилось в рукописях. Но все это происходило в середине или в конце XIX века. Не менее 130 лет мы лишены франкоязычных трудов Мицкевича. В собраниях сочинений все появляется только в переводах, из-за чего встречаются такие поколения полонистов, которые считают, что, например, лекции о славянской литературе — это польский текст, и что это текст Мицкевича, в то время как это французский текст. Мало того, что лекции не переиздают, у нас есть еще такая проблема, что они существуют в двух вариантах: имеется запись того, что Мицкевич с помощью разных французских редакторов готовил к печати, редактируя устный текст, и есть запись устного текста, то есть стенограммы этих лекций, которые все же представляют собой нечто иное — это никогда не публиковавшийся Мицкевич, что пахнет скандалом.

*

Письма Адаму Мицкевичу: в 5 т. – Варшава: Чительник, 2014. Коллектив, готовивший это издание, получил Издательскую премию польского ПЕН-Клуба.

Постемп Встечны

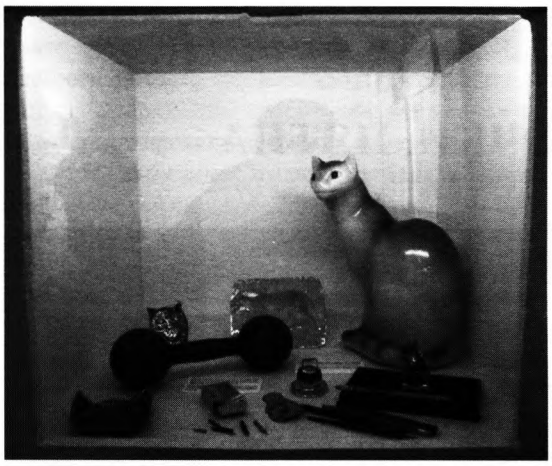
МАГ ЛИНИИ, ТОЧКИ, ПЯТНА

Прошло много лет с тех пор, как я со свойственной молодости самонадеянностью вошел в редакцию культового еженедельника «Пшекруй». Секретарше я сообщил, что без моих рисунков журнал не может существовать. «Тогда вам туда», — и она показала на дверь кабинета. Я вошел и подо мной подогнулись колени. За большим столом сидел мой кумир, человек невероятно деликатный, гениальный рисовальщик и создатель неповторимого стиля. Даниэль Мруз.

Работу я получил и с паном Даниэлем встречался часто. Но пиетета к нему не потерял. В 1993 году художник умер, а в 2013 перестал выходить «Пшекруй». И грустно было смотреть, как уходит в забвение имя пана Даниэля. И вот праздник — возвращение Мастера.

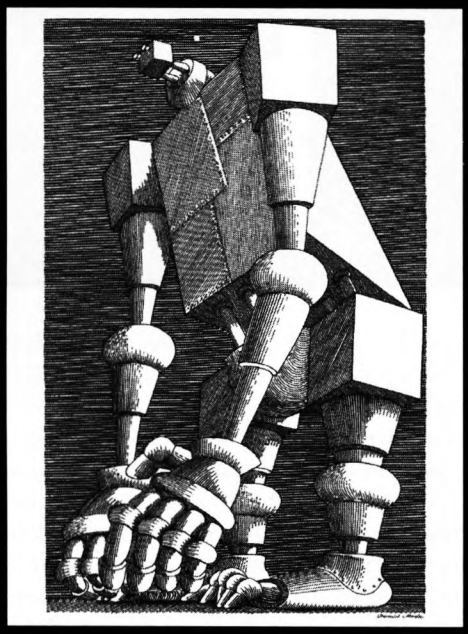
С 26 февраля во дворце Хиполитов, одном из филиалов Исторического музея Кракова, открылась выставка художника Даниэля Мруза. Куратор выставки решил показать художника как человека — сына, мужа, отца, а одновременно — как одного из лучших польских графиков XX века.

На выставке показаны увлечения молодого Даниэля Мруза, которые, как он признался, были для него главным вдохновением — самолеты, автомобили, локомотивы, старинные книги... Семейные фотографии показывают его окружение — родителей, брата, жену, дочь и его самого в разные периоды жизни.



Все, что окружало Даниэля Мруза, было предметом его вдохновения, поэтому на выставке мы увидим предметы из его мастерской — чернильницу, перо и другие инструменты рисовальщика.

Ну и конечно же показаны работы Даниэля Мруза, которые принесли ему всемирную известность. Посетители смогут проследить, как протекал творческий процесс художника — весь путь от эскизов и идей к конечному результату. Основа этой части выставки — оригинальные эскизы и рисунки Мруза, которые представлены рядом с экземплярами иллюстрированных Мастером



журналов и книг. Отдельную группу работ представляют проекты обложек и иллюстраций, определивших неповторимый облик краковского журнала «Пшекруй». Это рисунки, выполненные тушью, в том числе рапидографом, и коллажи. В этой части выставки также можно ознакомится с книжным дизайном художника, который оформлял книги таких авторов, как Станислав Лем, Славомир Мрожек, Людвиг Ежи Керн, Александр Грин, Жюль Верн. Выбор иллюстраций к произведениям этих писателей показывает, как богата и разнообразна была творческая работа Мруза.

Это разнообразие проявляется также в другом виде творческой деятельности, которой он занимался, — в сценографии. В этой части экспозиции можно увидеть театральные костюмы, проекты декораций, плакаты и театральные программы. Здесь же мы можем изучить документацию спектакля «Смерть под грушей» Витольда Вандурского. Мруз получил за эту работу первую премию на V Фестивале современного польского искусства во Вроцлаве в 1964 году.

Эта выставка не состоялась бы, если бы не огромная работа, проделанная дочерью художника, г-жой Люси Мруз-Райнох.

Ян Экер

ЭТО ПРИГОДИТСЯ

В прошлом году в возрасте 101 года скончался Ян Экер (1913-2014) — пианист, композитор, педагог, издатель произведений Фредерика Шопена. Мы публикуем фрагменты его воспоминаний.

В старости, когда достигаешь определенного возраста, охотно возвращаешься к источникам. Для меня таким источником был, если ограничиться одним словом, Краков. В каждом смысле этого слова — в смысле запомнившихся улиц, видов и перспектив, в смысле атмосферы города, патриотических празднеств и самых разных иных явлений, которые сопутствовали человеку вроде меня и формировали его.

Город этот был для меня чем-то огромным и чем-то необыкновенным. Мы жили на улице Гродской — стало быть, в полуминуте ходьбы от Главного рынка. Помню, как в 1918 г. отец взял меня посмотреть смену караула уже польской армии в так называемой гауптвахте — караульном помещении, которое в ту пору было пристроено к ратушной башне. Когда происходила сама смена караула, он снял шляпу. Отец всегда был очень эмоционален и очень чувствителен к любым вещам патриотического характера. Я не очень внятно уяснял себе происходящее, но знал, что имею дело с чем-то важным. Такими были мои первые воспоминания о городе. Потом я ходил в Кракове в школу, в гимназию и, наконец, посещал Ягеллонский университет, слушал лекции проф. Здислава Яхимецкого по музыковедению, которые были для меня очень ценными и уже в тот момент послужили каким-то предвестником моих последующих интересов, хотя сам я тогда не отдавал себе в этом отчета. Как раз проф. Яхимецкий целый семестр читал лекции, посвященные ранним полонезам Шопена. И я бы никогда не предположил в ту пору, что его замечания окажутся позднее в моем комментарии к «Полному собранию сочинений» Шопена. Так что, это был целый период, который охватывает Краков в качестве моего города.

Разумеется, в нем происходило и множество других вещей. Дружеские отношения с товарищами и однокашниками, горные экскурсии во время каникул, когда мы собирались в разных городках Подгалья. Так что Краков стал, кроме всего, еще и своего рода базой моего отношения к природе. Помню

— это было уже в средней школе — так называемые детские лагеря отдыха и посещение гористой гряды под названием Горце с ее главной вершиной — горой Турбач. Это произвело на меня огромное впечатление. По сей день достаточно мне воспроизвести в памяти фрагмент горного ландшафта близ Турбача, чтобы сразу вспомнить писателя Владислава Оркана, на вилле у которого мы, уже будучи студентами, иногда гостили, чтобы вновь оказаться в атмосфере тамошней природы — подлинной, дикой, прекрасной и величественной.

Мой отец был музыкантом-самоучкой. Играл на всех доступных ему инструментах, у него был даже собственный оркестр мандолинистов, который он сам же и основал. Отец писал много музыкальных произведений, скорее, из области легкой музыки. Помимо этого, он обладал огромным чувством юмора и замечательными актерскими способностями, так что его монологи были хорошо известны в светских кругах и пользовались успехом.

Отец с необыкновенной проницательностью следил за нашими наклонностями — моими и сестры, которая была на два года младше меня. Помню его рассказ о том, как он заметил, что мы, едва услышав его игру на рояле, подбегали к инструменту и нажимали ту клавишу, на которой он окончил музыкальную фразу. Эта закономерность настолько бросилась ему в глаза, что однажды он сказал: «А ну-ка ступайте в другую комнату». Мы отправились в соседнюю комнату. Отец извлек один звук, позвал нас и говорит: «Янек, ударь-ка по этому звуку». Я безошибочно нажал нужную клавишу. Точно такой же эксперимент с сестрой — и тот же самый результат. Таким вот способом, совершенно примитивным — но в хорошем значении этого слова, — отец очень просто открыл наш абсолютный слух. Мне было тогда приблизительно пять лет, а сестричке — три.

Отец сам, по своему разумению, начал нас учить, но вскоре сориентировался, что способен помочь нам в этом деле только до известной степени. И вот как-то раз он встретил своего знакомого — некоего г-на Минца. Тот был адвокатом, но его сын сделал великолепную мировую карьеру в качестве пианиста. Итак, отец встретил его и спрашивает: «Скажи мне, что я должен делать, если у меня музыкально одаренные дети? К кому бы их отдать?» На это г-н Минц говорит: «И думать тут не о чем, иди к Стольфовой; это самая лучшая преподавательница в Кракове, она учила моего Мечислава». И действительно, мы обратились к ней, и г-жа Стольфова бескорыстно обучала нас на протяжении 13 лет. Ее уроки сначала были частными, позже они проходили в музыкальной школе им. В. Желенского, которую держал ее деверь — Казимеж Кшиштофович. И даже в тот непростой период, когда после смерти отца мы были вынуждены продать рояль, потому что перебрались в меньшую квартиру, г-жа Стольфова помогла нам взять напрокат пианино — хорошее пианино, которым мы пользовались еще несколько лет. Отец умер, когда мне исполнилось 16 лет. Его смерть была для меня большим ударом.

Г-жа Стольфова дала нам не только основы музыкального образования, но и привила некую линию поведения. Она была человеком, который оказывал влияние на всю личность своего ученика. Помню, моя мама заботилась о том, чтобы несколько раз в году мы попали в театр им. Словацкого на какие-нибудь значимые представления, а г-жа Ольга Стольфова брала нас с собой на концерты, где дирижировал Юзеф Сливинский, известный в первую очередь как пианист, и не все, возможно, знают, что он был также дирижером. В его репертуар входили все симфонии Бетховена, которые мы с сестрой слушали, еще будучи совсем маленькими. У г-жи Стольфовой было чутье, и она осознавала, что мы можем не понимать, в чем состоит форма симфонии, можем не понимать, каково участие отдельных инструментов в построении всего произведения, но что все это где-то внутри нас кодируется, — и она, занимаясь нашим обучением, подходила к нам по-настоящему всесторонне. Быть может, сейчас бы сказали, что это была в каком-то смысле интегральная педагогика.

Непременно следует добавить, что, кроме этого, я еще учился у монаха-францисканца, весьма

* Во второй половине XIX века возникло цецилианское движение ревнителей «подлинной духовной музыки», ратующих за возрождение грегорианского хорала и стиля великого итальянского полифониста Палестрины (ок. 1525–1594), который основал в Риме общество для развития духовной музыки под названием «братство святой Цецилии». Последняя считается покровительницей духовной музыки. Здесь и далее прим. пер.

любопытной личности — отца Бернардино Рицци, который жил в сотне метров от нас, в монастыре францисканцев. Он превосходно овладел польским языком — помню, когда-то я написал некое контрапунктическое упражнение и в какой-то момент дал там паузу во всех голосах; отец Рицци взял блокнот, в котором я выполнял это упражнение, и написал команду, по которой собака притворяется мертвой. У него было замечательное чувство языка, с ним действительно можно было поддерживать контакт. Я пел в основанном им Цецилианском хоре*. Это был смешанный хор, состоявший из мальчиков и мужчин; мне доводилось слышать и грегорианский хор, куда входили только мужчины. В свое время, уже после войны, я написал композицию под названием «Цветные мелодии» — обработку, основанную на польской народной музыке. Сначала это была фортепианная версия, а впоследствии я переделал ее для оркестра и хора, однако испытывал легкое чувство нерешительности, хорошо ли мною написаны хоровые партии. Но поскольку в Кракове у меня имелась масса знакомств, я обратился к выдающемуся знатоку и превосходному композитору хоровой музыки — проф. Станиславу Веховичу. Принял он меня, разумеется, весьма любезно — я уже на тот момент пользовался репутацией способного молодого человека, — после чего чрезвычайно внимательно, такт за тактом просмотрел мое сочинение, закрыл нотную тетрадь и спросил: «Ян, где вы научились так превосходно писать для хора?» Я задумался на мгновение и говорю: «Пожалуй, это влияние отца Рицци, у которого я пел в хоре». — «Ну да, вы во все это вслушивались, вот и умеете все это записать». Словом, он не исправил мне ни единой ноты, и после многочисленных последующих исполнений указанного произведения отечественными и зарубежными коллективами я всегда был доволен тем звучанием, которого мне удалось достигнуть в данной композиции, записанной позднее в виде партитуры и опубликованной в «Польском музыкальном издательстве».

Я уже упомянул о своем коротком обучении у проф. Яхимецкого, которое было таким недолгим из-за того, что по истечении двух лет я переселился на постоянное жительство в Варшаву, и совмещать занятия в университете с моим двойным музыкальным обучением — фортепианным и композиторским — стало уже невозможным.

Первым сигналом моих будущих увлечений, то есть того, что я займусь изданием сочинений Шопена, было событие, которое я помню не только лично, но и по рассказам своего отца. Играя (еще под его руководством, следовательно, где-то в первый год нашей совместной работы) Шопена под редакцией Байера — а это была такая обязательная школьная версия для начинающих детей, — я заметил ни больше, ни меньше, как типографскую ошибку. Моя реакция, которую я помню в точности, а отец подтвердил мне этот эпизод, состояла в том, что я начал бить кулаками по клавиатуре. Отец обеспокоился, что случилось, а я показал ему эту ошибку — совершенно очевидную. Не знаю, не преувеличиваю ли я, но этот эпизод у меня ассоциируется с тем, чем я впоследствии занимался на протяжении 55 лет и что лишь недавно — в основной своей массе — завершил. Речь идет об издании «Полного собрания сочинений» Шопена. Так вот, в этом состоит, позволю себе сказать, не только уважение к нотной записи, но и отношение к ней как к фиксации той великой вещи, каковой является человеческий гений. Здесь нет места для ошибки. Она невозможна. Для меня это было как переворот в природе. Такое уважение осталось во мне вплоть до сегодняшнего дня, когда иной раз над одним шопеновским значком, то ли неотчетливо проставленным, то ли дважды исправленным, необходимо дискутировать с моими сотрудниками и решать, какую версию выбрать и как ее внести в партитуру, принимая во внимание контекст, каковым является подготовка аутентичного издания произведений Шопена.

Вторая ассоциация с моей работой состоит в том, что в Кракове у меня уже имелась возможность наблюдать первые шопеновские конкурсы. Припоминаю, что их трансляция началась только

** Витольд Малцужинский (1914-1977) — один из самых известных польских пианистов своего времени, лауреат 3-й премии указанного конкурса (первые две получили советские участники Яков Зак и Роза Тамаркина).

*** Збигнев Джевецкий (1890–1971) — видный пианист, знаменитый педагог; многолетний профессор и ректор высших музыкальных учебных заведений Кракова и Варшавы, воспитатель выдающихся пианистов (Г. Черны-Стефанской, А. Харасевича и др.); постоянный член жюри конкурсов им. Ф. Шопена.

с третьего конкурса, в котором я принимал участие. Впрочем, транслировали не меня, а лишь моего коллегу и друга — Витольда Малцужинского**. Перед этим можно было слушать лауреатов, которые по двое или по трое объезжали нашу страну, и каждый давал по половине сольного концерта, причем исполняли они какую-то часть обязательной программы конкурса. Вот и получается, что зародыши того, что ждет меня в будущем, такие, как этот конкурс, который сыграл столь большую роль в моей жизни, или как издание «Полного собрания сочинений» Шопена, — все они уже обнаруживаются в краковском периоде моей музыкальной молодости.

Как я упоминал, мой интерес к шопеновскому конкурсу начался уже в Кракове, когда туда приезжали лауреаты первого и второго конкурсов, и когда я мог познакомиться с этой ведущей группой, прослушав их исполнение. Мое деятельное отношение к нему начинается с третьего конкурса, проходившего в 1937 г. Решение поучаствовать в нем выглядело очень забавным. В классе профессора Збигнева Джевецкого***, у которого я тогда уже занимался, мне доводилось играть либо исключительно произведения Шопена, либо какие-нибудь смешанные программы. Однажды я по винтовой лестнице спускался со второго этажа нашего учебного заведения вместе с проф. Джевецким и проф. Ежи Лефельдом — известным концертмейстером, аккомпаниатором и композитором. В какой-то момент проф. Лефельд говорит Джевецкому: «Збышек, а может, Яну надо бы показать себя на шопеновском конкурсе?» В ответ на это проф. Джевецкий обращается ко мне: «Янек, хочешь принять участие в шопеновском конкурсе?» Я говорю: «Пожалуйста. Охотно». Это происходило, вероятно, в декабре 1936 г., то есть за пару месяцев до открытия конкурса. Безумно короткое время, если принять во внимание, что теперь наши группы участников приступают к подготовке за годы перед конкурсом и что для них существуют отборочные состязания, облегчения в концертной деятельности, облегчения в работе с оркестром и т. д., — но для чего же тогда молодость, для чего ощущение фантазии!? Само собой, я выбрал для себя как можно более трудную программу, совершенно не осознавая, сколько времени требует освоение этих пьес, — ну, и все-таки подготовился! Должен сказать, что я применил определенные способы, причем отнюдь не такие неразумные, как могло бы показаться, — способы, которыми я пользовался впоследствии, уже в качестве педагога, а именно: я сообразил, что, если приступлю к этому конкурсу с чувством какой-то нерешительности, какого-то беспокойства, попросту говоря, с волнением, то по существу у меня не будет ни малейших шансов. Требовалось каким-то образом ликвидировать это предстартовое волнение. И здесь, быть может, моя интуиция — которая, надо сказать, не раз помогала мне позднее в педагогической деятельности — продиктовала мне следующую формулу: «Волнение — вовсе не та вещь, которую надо победить; волнение — это вещь, которую необходимо исчерпать». А это означало следующее: когда я шел к себе в учебное заведение из моей съемной комнатки на улице Розбрат, то по дороге воображал, будто выступаю на конкурсе, и до такой степени вживался в данную ситуацию, что иногда у меня зубы стучали от волнения. В итоге я заметил, что мало-помалу мое волнение начало иссякать, и должен сказать, что никогда, пожалуй, я не был таким спокойным, как в период, когда выступал на шопеновском конкурсе. Разумеется, я не взял первую премию, а взял восьмую — так называемую премию публики, — но, учитывая мои возможности, я несомненно добился тогда максимума, причем в весьма трудных условиях.

Чтобы малость подзаработать, я был в те месяцы аккомпаниатором на уроках танца в драматической школе. Освободили меня от работы только на один день перед конкурсом и еще на день выступления — впрочем, меня там заменила сестра. Мне назначили прийти на конкурсное выступление к шести часам вечера. Не буду рассказывать все подробности, скажу только, что играл я, пожалуй, где-то в 2 часа ночи. Тогда еще не было и речи о той фантастической организации, которой мы достигли теперь.

В августе 1939 г. в Польше уже царила — а в Варшаве особенно, да и в Кракове тоже — атмосфера беспокойства, но жизнь так или иначе шла вперед, и мы были вынуждены стараться каким-то образом включиться в ее нормальное течение. Сложилось так, что я купил себе билет в Варшаву, где снимал комнату, на ночь с 31 августа на 1 сентября. Доехал, лег спать, а в 7 утра меня разбудили

сирены — разразилась мировая война.

Для моего поколения это время невозможно сравнить ни с чем. Тогда изменилось всё: способ мышления, образ жизни, возможность заработка. Вместо отъезда за границу, который должен был открыть мне дорогу к дальнейшей учебе, встал вопрос о том, за что купить хлеб. Это вещи, общие для всех, и я не стану их здесь драматизировать; достаточно сказать, что в Варшаве надо было каким-то образом выживать. Первые мои испытания состояли в том, что начались обстрелы Варшавы, и вскоре после этого квартира, в которой я находился, оказалась уничтоженной, пришлось искать какие-то случайные места для проживания. Мне кое-как удалось это сделать, но помню, что отопления не было, иными словами, на фортепиано я играл в пальто и шляпе; вот только в те моменты, когда возникала необходимость работать на клавиатуре, приходилось снимать перчатки.

Разумеется, кафе остались. Там игрались какие-то, скажем, легкие вещи, иной раз — из репертуара немножко концертного, но популярного. Были и какие-то частные уроки — грошовые дела. Ну, и таким вот образом эта жизнь начала формироваться, начали появляться определенные кафе, в которых исполнялась серьезная музыка. Вскоре возникло кафе проф. Войтовича, которое уже принадлежит истории. Оно было «домом искусства», поскольку там действительно продавались старые картины, старый фарфор и прочее, но по сути дела подобная торговля была всего лишь предлогом, потому что функционировало это заведение только по воскресеньям, когда проходили концерты, и в такие моменты подавали хороший кофе и какие-нибудь торты. Кафе это продержалось несколько лет и может гордиться большими достижениями в области популяризации музыки — разумеется, за исключением музыки Шопена, которая была запрещена. Помню, какую шутку — если можно так выразиться — проделал на рояле проф. Джевецкий, который обвел немцев вокруг пальца, а польским слушателям доставил массу удовлетворения. Немцы тоже имели право ходить в такие кафе. А именно, проф. Джевецкий сыграл на бис тот фрагмент из «Карнавала» Шумана, который носит название «Шопен». Разумеется, эта пьеса представляет собою некий пастиш на темы шопеновской музыки — очень ловкий, очень красивый, но, поскольку автором был Шуман, то в итоге никто не мог обвинить проф. Джевецкого, что он нарушил действующие правила.

Скажем также, что в этом кафе имели место первые исполнения современной музыки и что там превосходно исполнялась всякая музыка — камерная, вокальная, ну и естественно, фортепианная.

Разнообразные бывали приключения. Расскажу кое-что из тогдашних моих переживаний. Концерты проходили по воскресеньям, пожалуй, где-то около полудня; я начинал сольные выступления с фуги Баха. Однажды играю прелюдию, и в тот момент, когда должен вступить с темой фуги, вдруг по улице Новы Свят, прямо под окнами кафе проф. Войтовича проходит военный оркестр и начинает, понятное дело, играть фортиссимо. Я приостановил — если можно так сказать — свою деятельность, целиком. Мы пересидели все это; никто не вздрогнул, не произнес ни единого слова, и в результате тот перерыв между прелюдией и фугой, который обычно длится, если смотреть практически, несколько секунд, растянулся на добрых пять или десять минут, после которых я вступил непосредственно в тему фуги и закончил ее так, как если бы этой паузы не было вообще. Это были такие вроде бы мелочи, но связанные с нашей работой.

Варшавское восстание оставило, пожалуй, самый заметный след в моей жизни. Думаю, что в минуту окончательного расчета с жизнью у меня перед глазами будут чередой проходить картины того периода. Случались моменты нечеловеческого ужаса, моменты какого-то необыкновенного воодушевления, случались и печальные моменты. Одна из таких картин показывает, чем была музыка для повстанцев. Так вот, во время восстания я с женой и годовалым ребенком жил на углу ул. Вильчей и Познанской, у моих друзей. У них был прекрасный рояль, но в какой-то момент все окна уже оказались выбитыми, и мы жили в подвале. Мне, однако, сильно повезло, я нашел там где-то в углу гладильную доску и, уложив ее на парочку кирпичей, сделал себе нечто вроде кровати. Возможность провести ночь в лежачем положении, правда, слегка наискось, была своего рода роскошью. Однако меня все время волновало, что ведь там, на втором этаже стоит тот хороший рояль. Я сориентировался, что во время обстрела, который немцы вели тогда со стороны бывшего главного вокзала, находившегося напротив улицы Эмилии Плятер, они делали перерыв на обед для немецких солдат, продол-

жающийся целый час или, может, три четверти часа. Проверив несколько раз подряд, что это была закономерность, я подумал: «Вот и ладно, пойду поиграю». И действительно, отправился на второй этаж… Должен сказать, чтобы дойти до второго этажа, мне пришлось останавливаться и отдыхать, хотя раньше я и на пятый входил через две ступеньки. Просто от голода, истощения у меня не было сил, но я все-таки дошел, смотрю — рояль есть, хотя ни одного стекла в окнах нет; потом взглянул на какие-то симпатичные пейзажи и акварели на стенах, а тут кругом дым, гарь, руины, огонь, смерть… и начал играть — помнится, парочку произведений Баха, разумеется, несколько вещей Шопена, ну, и где-то минут через сорок подумал, что пора уже заканчивать. Подхожу к окну, смотрю, а прямо под ним стоит целая группа людей, там было около сорока или пятидесяти человек. Мне достаются щедрые аплодисменты, выкрики «браво». Я смущенно поклонился, приветственно помахал им рукой и говорю: «Расходитесь, потому что через минуту-другую — обстрел». Все они были жителями окрестных домов, так что хорошо знали тогдашние обычаи, и потому разбрелись — с какой-то словно бы неохотой и медлительностью. А я подумал, до какой же степени этим людям нужна была музыка, если они собрались здесь, зная, что в каждый момент рискуют: ведь стоило только кому-то изменить приказ — «начните стрелять на двадцать минут раньше», — и от них ничего бы не осталось. Да, это был пример (кстати говоря, далеко не единственный) необходимости музыки, которая — как я всегда любил подводить итог — наряду с водой и куском хлеба была для людей во время Варшавского восстания одной из первых жизненных потребностей.

Это восстание было территорией экстремальных переживаний, но подобные волнения не были однородными. Несомненно, доминировало постоянное чувство тесного соприкосновения со смертью. Оно выступало в качестве какой-то внутренней путеводной нити, но к нему присовокуплялись всевозможные сопутствующие обстоятельства, так что шкала этих переживаний была огромной: от чувства голода и неуверенности, когда приходилось выходить из укрытия, хотя бы для того, чтобы из действующего колодца набрать воды для тех, вместе с кем ты жил (ведь из подобных походов зачастую не возвращалось, поскольку бывало, что в очереди кого-то убило), и вплоть до таких вещей, носивших забавный, юмористический характер. Хочется привести несколько маленьких зарисовок. Получилось так, что некое учреждение — как бы это сказать — занимавшееся организацией культурных мероприятий для населения, солдат или раненых, формировало нашу «концертную жизнь», таким образом, что с опережением в несколько часов давало нам распоряжение: явиться под такой-то адрес, программа — такая-то, иногда — с таким-то партнером. Ну и мне поступило указание явиться в такое-то время на Мокотовскую улицу. Жил я на углу Вильчей и Познанской, и при нормальных условиях, то есть в мирные времена, чтобы преодолеть это расстояние мне надо было от трех до пяти минут. Но чтобы теперь добраться до указанного места, мне пришлось посвятить этому полчаса, а может, и сорок минут, потому что идти приходилось через подвалы, через дыры, пробитые между каменными заборами, которые разделяли отдельные участки и т. д. Иногда на пути встречались особые караулы из молодых людей, которые направляли в нужную сторону и информировали об обстрелах. В конечном итоге я добрался до Мокотовской и, будучи уверенным, что нужный мне адрес находится на противоположной стороне, хотел перебежать через улицу и очутиться там, где надо. Но на всякий случай спрашиваю у молодого солдата Армии Крайовой: «Простите, пожалуйста, как там дела? Обстрел есть или нету?» — «Есть, довольно редкий». Получив такой ответ, я уже собираюсь оттолкнуться ногой от невысокой стеночки, чтобы побыстрее перебежать на другую сторону, но в эту минуту он у меня спрашивает: «А вам какой номер нужен?» Я называю соответствующий номер, скажем, 54. «Простите, но вы перепутали четные с нечетными. Вы сейчас как раз на нужной стороне, вам не надо никуда перебегать». Я остановился, и в эту самую секунду небольшой снаряд ударил в то место, куда я собирался попасть. Убило только одного человека. Выходит, единственный вопрос этого разумного молодого человека: «А вам какой номер нужен?» — спас мне жизнь.

Случались и другие вещи. К примеру, как-то мы с друзьями потеряли терпение и решили поиграть в бридж. Это было своеобразной реакцией на происходящее, имеющей целью противостоять тому ужасу, который по-прежнему висел над нами. Помню, как сегодня, мы собрали четверку игроков, к ко-

торой принадлежал и я — в компании превосходного актера Яна Цецерского, литератора Александра Малишевского и Збигнева Турского, композитора и моего друга. Договорились встретиться у кого-то из них, на четвертом этаже одного из домов на улице Польной, совсем рядом с Политехническим институтом. И тут мы понимаем, что район, который до недавнего времени был спокойным, вдруг начинает становиться целью обстрелов, причем как с воздуха, так и с земли. Оказывается, идет атака на расположенную по соседству Политехнику, которая отстоит от нас буквально на ширину улицы. Разгорается дискуссия: «Господа, так что же нам делать? Играть в бридж или нет?» По истечении нескольких минут мы приходим к согласию, что надо играть, несмотря ни на что. Это выглядело как некая юношеская буффонада, так как все мы были относительно молоды, — вот мы и сели играть. В первый и единственный раз я заказал большой шлем и взял его. Позже мы узнали, что, если бы мы решили спуститься в убежище, то еще большой вопрос, вышли бы мы оттуда. Из числа тех, кто там укрылся, одного человека смертельно ранило шальным осколком какого-то снаряда, второй получил менее серьезное ранение. Вот вам и сочетание: мнимая беззаботность игры в бридж и соприкосновение со смертью.

Есть у меня еще одно воспоминание, которое хочется осветить под другим углом, — что временами могут случиться вещи невероятные, или, как бы это сказать, противоположные и контрастирующие между собой. Так вот, мне требовалось решить на северном конце города какой-то вопрос. Я без проблем добрался туда, а на обратном пути — поскольку у меня на рукаве была бело-красная повязка, а значит, я подчинялся АК — какой-то офицер дал мне указание: «Уважаемый, здесь у нас есть раненый, который ничего не видит; прошу отвести его к филармонии. Там расположен перевязочный пункт, и там есть госпиталь». Разумеется, я никак не возражал против такого распоряжения. Человек этот получил ожог и полностью потерял зрение, был только обернут в простыню. Я взял его под руку, мы дошли до филармонии. Действительно — там был госпиталь, где-то со стороны входа в Камерный зал. Я отвел его по ступенькам вниз, передал врачу и, сориентировавшись, что мой подопечный попал в нужные руки, ушел. Поднялся на улицу, посмотрел налево — и такого красивого вида я, пожалуй, никогда не видел: пригорки, образованные разрушенными домами, луна, словно театральная декорация, с одной стороны — разбитый танк, с другой — мертвая лошадь, люди ходят по тропинкам, которые сами себе проложили, чтобы добираться до своих домов, — одним словом, зрелище, которое не позволило мне двинуться с места. Я уже вроде и хотел уйти, но не мог. Спустя несколько минут я как-то оторвался от этой картины и благополучно возвратился к себе, но испытанное мною ощущение какой-то невероятной красоты, ужаса и одновременно опасности и смерти, которая была совсем рядом, — это было нечто такое, чего мне никогда в жизни не забыть. Каждый раз, возвращаясь из филармонии, я останавливаюсь в том самом месте и любуюсь красотой восстановленной Варшавы.

На мою долю выпало невообразимое счастье, потому что во время восстания я не потерял никого из близких, точнее, из родных. Друзей-то я растерял — они были в моем возрасте и по большей части все оказались вовлеченными в происходившее.

После Варшавского восстания случилась еще своего рода интерлюдия, потому что мне удалось добраться до Кракова, — нас вывозили, но я сбежал из эшелона и попал к родственникам, где жили моя мать и сестра… Ну а после восстания было еще некое варшавское эхо. Мерилом нашего, быть может, мужества, а может, недостатка воображения было то, что мы организовали поездку в уже выгоревшую Варшаву. У меня был друг, который фантастически говорил по-немецки, он сумел организовать автомобиль. Мы поехали в Варшаву с фальшивыми документами в карманах — я был якобы секретарем какой-то фирмы. Он хотел в первую очередь возвратить себе свой утраченный рояль, инструмент высочайшего класса, тогда как я больше всего надеялся попасть в тот дом на углу Познанской и Вильчей, где у меня остался целый чемодан моих композиций. Итак, мы поехали в то место; смотрю — дом разрушен, сгорел, но дверь в подвал цела. Я вошел, чувствую, что ступаю по чему-то мягкому, — оказывается, это пепел, еще теплый, но не настолько, чтобы обжигать. Иду вглубь подвала, и после нескольких минут поисков вижу свой чемодан — и этот чемодан цел. Я взял

его и спас мои сочинения. А вот стоили ли они того, чтобы рисковать жизнью, — этого я уж не знаю, но в качестве сувенира мне достались некоторые страницы, сделавшиеся коричневатыми от высокой температуры, которая могла в скором времени превратить их в пепел.

Если говорить о так называемом освобождении, то оно застало меня в Кракове. Это было особенное время — двумя словами его можно было бы описать как «период энтузиазма» — энтузиазма, что мы выжили, что не потеряли определенных людей из числа наших близких или друзей, что встретили тех, кого считали пропавшими без вести либо погибшими. Нередко в том съемном частном помещении, где располагалось и начинало функционировать Польское музыкальное издательство, мы встречались и падали друг другу в объятия — порой со слезами на глазах. То был период, когда мы наново учреждали и реанимировали свои профессиональные союзы, филармонию, высшие музыкальные учебные заведения — ну и этим энтузиазмом мы сверх всякой меры наполняли наши работы.

Не раз случались смешные ситуации, связанные с тем, как происходило тогда сообщение и общение, поскольку в Варшаве не было гостиниц, а если и были, то с такими кошмарными ценами в валюте для заграничных гостей, что все ехали ко мне. Часть моей квартиры уцелела, поэтому друзья, товарищи и коллеги приезжали ко мне и, стараясь хоть чем-нибудь отплатить мне, один привозил вязанку дров, чтобы можно было протопить, другие — поллитра водки, еще кто-нибудь — две буханки хлеба, и я сожалею, что не вел какую-нибудь памятную книгу с записями. Но каким образом человеку могла тогда прийти в голову подобная мысль? Если речь идет о людях из музыкального мира, мне было бы легче перечислить тех, кто не прошел через мою квартиру, нежели тех, кто ею воспользовался, причем в самых примитивных условиях — без освещения, потому что электростанции не действовали, без воды, без канализации, без самого простого оборудования, необходимого в повседневной жизни.

Министерство культуры и искусства направило меня в Сопот исполняющим обязанности ректора музыкальной академии. У меня в то время еще не хватало опыта, но как-то я все же с этим справлялся. Провел я таким образом год или полтора. Потом начал наведываться в Люблин как преподаватель, в результате чего началась моя педагогичная работа. Таким образом, был Сопот, был Люблин, а в Варшаву меня звал тогдашний ректор возобновившей свою деятельность Высшей музыкальной школы, проф. Станислав Казуро. Я не хотел соглашаться, не хотел порывать с пианистической карьерой, которая полностью меня поглощала. Наконец, когда ректором в Варшаве стал Станислав Шпинальский, он уговорил меня переехать, после чего я уже окончательно связал свою судьбу с этой школой. В результате я вел жизнь и пианиста — кстати говоря, очень активную, — и педагога, и композитора.

У преподавательской работы были свои, очень привлекательные, аспекты, поскольку, если немного вернуться назад, в прошлые времена, то надо сказать, что в начале войны я самостоятельно внес коррективы в собственную игру. Просто я сообразил, что у меня выходит далеко не все, что должно было бы выходить пропорционально вкладываемому мною труду, и начал искать, как с этим справится. Тут привлекались и коллеги, и разговоры с ними, и собственный, и чужой опыт — все это стало базой для десятков лет моей педагогической работы. Естественно, я делился с учениками, устраняя все, что было не более чем экспериментом, передавая им только то, что проверил на самом себе и в полезности чего не сомневался, что позволяло решать проблемы игры на фортепьяно самым лучшим образом.

Послевоенный период был для меня периодом интенсивной пианистической активности. Я принадлежал к числу тех, кто легко учит новые сочинения и легко извлекает из памяти давно не игранные произведения; кроме того, я был относительно молод, так что здоровье не подводило. У меня, разумеется, сохранилось несколько ярких воспоминаний с этого периода. Например, первое выступление с оркестром под управлением Станислава Вислоцкого — это был концерт ми минор Шопена в зале Молодежной христианской организации (YMCA). Незабываемое впечатление! Наконец-то можно играть Шопена, наконец, людям нет нужды бояться, что они сидят в зале, где играют и слушают такую музыку. Превосходный дирижер, мой будущий друг, я — в неплохой форме. Должен сказать, что мы оба были тронуты до слез. Похожих переживаний у меня случалось, конечно же, много. Например, такие концерты проходили в связи с тем, что в Варшаву доставили сердце Шопена (которое прятали в Милянувеке под Варшавой). Я тогда играл — если не ошибаюсь — с Зофьей Рабцевич,

нашей великолепной пианисткой. У меня тогда было одно преимущество, я был одним из немногих музыкантов, имевших в репертуаре оба концерта Шопена; иначе говоря, если меня приглашали играть в одном филармоническом вечере, к примеру, со Шпинальским, то я исполнял тот концерт, которого он не играл. Благодаря этому я выступал очень часто. В этой работе действительно было много энтузиазма, много разных приключений.

Случались и зарубежные концерты. В Польше было такое концертное агентство «Пагарт», еще немножко любительское, но однако же какой-то кусок мира я так или иначе посетил. Иногда это было связано с членством в жюри международных конкурсов, куда я входил во многих странах, включая Японию, Китай и Соединенные Штаты. Так что моя артистическая жизнь была тогда очень богатой и изобиловала самым разным опытом — надо сказать, позитивным. Мне нигде и никогда не попалось ни единой рецензии, где меня смешивали бы с грязью, зато положительных рецензий было много.

Среди прочих мест побывал я и в Монтевидео — на концертах и, кажется, на каком-то конкурсе. Помню, меня поселили в старом многоэтажном отеле, где использовался лифт очень древней конструкции — такой, что его должен был обслуживать лифтер. Молодой разговорчивый парень несколько раз перевозил меня то вверх, то вниз. Я заметил у него учебник французского языка, который хорошо знаю, у нас завязался разговор, и он спрашивает: «Из какой вы страны?» Отвечаю: «А вы угадайте». Ему это не удалось, поэтому пришлось сказать, что я из Польши. А он на это: «А-а-а-а, Польша… Шопен». Меня поразило, что именно такой была его первая ассоциация с Польшей.

Шопена я играл очень часто, иногда случались и чисто шопеновские сольные концерты, потому что этого ожидали от меня как от поляка и лауреата довоенного шопеновского конкурса. Шопен составлял такой как бы костяк моих концертных программ, но, естественно, я включал туда и более позднюю польскую музыку во главе с Шимановским, и русскую музыку с Прокофьевым, большим поклонником которого я был, и разумеется, классическую музыку, произведения которой прекрасно сочетались друг с другом в смешанных программах. Например, мне вспоминается компоновка одного из выступлений, которого я на самом деле не стыжусь, — сольный концерт в Варшавской филармонии, составленный из композиций Баха и Прокофьева, с переходом от хроматической фантазии и фуги Баха, которой я заканчивал первое отделение, к циклу Прокофьева «Мимолетности», причем создавалось впечатление, словно последний был младшим современником великого немца. В первую очередь это было заслугой великого Прокофьева, но вместе с тем и своеобразного подхода к однородности исполнявшейся музыки, которую можно было слушать совершенно без всяких заторможенностей, без какого-либо ощущения контраста, без такого чувства, что существует некое противостояние между одной и другой музыкой, — а ведь их структура настолько разнится. В любом случае это было для меня огромным стимулом к дальнейшей работе, а также важным опытом, который я мог передать ученикам. Я всегда передавал им то, что проверил сам, и это приносило хорошие результаты, хотя зачастую я затрагивал в ученике очень тонкие, деликатные и такие, я бы сказал, внутренне-психологические аспекты, как, например, проблему памяти или проблему волнения перед выступлением, — подобные вещи мне иногда удавалось решать безошибочно, и это происходило благодаря тому, что они имели возможность наблюдать за мной вживую.

Надо сказать, что среди польских дирижеров у меня есть обширная когорта друзей: Станислав Вислоцкий, Витольд Ровицкий — это примерно мое поколение. Или Генрик Чиж — у него я тоже кое-чему научился. Как-то, когда я уже закончил свой номер — если можно так выразиться — в первом отделении, а он готовился ко второму, я спросил у него о чем-то, связанном с тем, как трактовать одну ритмически очень трудную разновидность музыки, как упорядочить ее, чтобы она стала абсолютно понятной слушателям. Да, но это были мои польские друзья-музыканты, с которыми у меня был непосредственный контакт. А иностранные? — не забуду концерт с Игорем Маркевичем, дирижером

**** В 1934 г. институт им. Фредерика Шопена предпринял новое издание сочинений композитора. Редакционную коллегию в 1936 г. возглавил выдающийся пианист Игнацы Падеревский (1860-1941), в ней состояли также музыковед Людвиг Бронарский и пианист, проф. Юзеф Турчинский. Издание выходило в 1949-1960 гг. и включало 21 том.

с мировой славой; мы играли Прокофьева в Софии. Очень хорошее исполнение и, пожалуй, очень хорошая звукозапись, которая существует до сих пор.

Во время выборов нового правления Общества им. Фридерика Шопена меня включили в круг людей, которым предстояло руководить этим обществом. На тот момент председателям правления был Станислав Шпинальский, и когда счетная комиссия занялась подсчетом голосов, я уже не стал ждать, выбрали меня туда или нет. Сразу отправился в архив, в библиотеку и спросил: «Какие у вас здесь есть источники?» Затем сориентировался, что кое-какие из нужных источников существуют, но издание Падеревского****, которое тогда начало выходить, некоторые из них не принимало во внимание, а у других источников были какие-то недостатки. Лишь спустя много лет я понял, что в этом не было абсолютно никакой вины редакторов; тогда были совсем другие времена. Мы, у которых сейчас на письменных столах стоят компьютеры, имеем возможность добраться до первых изданий Шопена во всем мире с такой точностью и обстоятельностью, что способны расшифровать даже поправки на партитурах, а им тогда приходилось ездить по всему миру и доставать фотографии. Так что я всегда признаю за издателями «Полного собрания сочинений» большую первопроходческую заслугу, но мне казалось, что все-таки Шопен заслуживает большего. Ну и таким вот образом в «Польском музыкальном издательстве», находящемся на ул. Баштовой в Кракове, постепенно разворачивался этот издательский проект.

Начиналось все это очень скромно. Директор Тадеуш Охлевский собрал некоторый круг специалистов в данной области и создал так называемые «Педагогические библиотеки». Меня пригласили в «Педагогическую библиотеку», в первый состав которой входили тогда проф. Джевецкий, проф. Хоффман, проф. Войтович и я, — это была очень тщательно подобранная группа. Мы приступили к работе над произведениями, предназначенными прежде всего для дидактических целей, для молодежи: ведь мы были отрезаны от мира. Вопросы покупки и доставки нот — это были очень сложные и очень дорогостоящие проблемы, а директор «Польского музыкального издательства» Тадеуш Охлевский понял, что располагает очень хорошим составом педагогов, которые способны этим заняться. Так возникла фортепианная библиотека, скрипичная библиотека, вокальная библиотека и т. д., причем должен сказать, что некоторые из тогдашних наработок — в пятнадцатом, шестнадцатом издании — играются вплоть до сегодняшнего дня, так что трудились мы не зря. Одновременно это была своего рода школа работы на основании источников — в той мере, в какой они были для нас доступны, во всяком случае, с некоторыми комментариями, со стремлением сформировать у молодого адепта фортепиано определенный вкус — вкус к исполнению произведений, принадлежащих к данной эпохе. Это была такая первая серия, позднее мы стали разделять роли между собой, так что уже вели работу самостоятельно. Я редактировал Баха, проф. Джевецкий — Скарлатти, проф. Войтович — Бетховена; одним словом, это был наш издательский букварь.

Именно тогда у меня мелькнула мысль, что надо бы сделать издание Шопена, целиком основанное на источниках. Я столкнулся с множеством трудностей; непонимание подобных вещей носило всеобщий характер. Может быть, его мерилом послужит следующий факт: когда я после длительных стараний издал, наконец, первый том, то оказалось, что у меня отобрали всякое финансирование. «Почему?» — «Ну потому что после первого тома у вас уже имеется свой метод». Люди рассуждали так, как если бы все это было раз и навсегда закрыто, думая, что, коль я сделал «Баллады», то сумею сделать по тому же принципу и оставшиеся тридцать с лишним других томов. Тем временем каждый том — это совсем иная проблема.

В результате публикация этого издания длилась 55 лет — с десятилетним перерывом, который я использовал, чтобы написать «Введение» к «Национальному изданию», иными словами, для изложения всех издательских принципов, связанных с рукописями, копиями, первыми изданиями, разнообразными отклонениями и всевозможными проблемами и т. д.

Моя сестра Халина обладала необыкновенными способностями; я уже вспоминал о ее абсолютном слухе, но она отличалась также необычайной мануальной ловкостью и феноменальной памятью. И я должен с большим волнением и благодарностью сообщить, что она была одной из первых моих

сотрудниц и помощниц в работе над «Национальным изданием». Именно Халина взялась за корректуру первой тетради. Требовалось зафиксировать этот текст — и не только сам текст «Баллад», но и некоторые более общие, генеральные методы, чтобы можно было опереться на них в ходе работы над всем изданием в целом. Она проделала это, как всегда, очень тщательно и точно. Я берегу все ее заметки как реликвии. Почему? Сестра заболела раком костей, и когда я получил от ее подруги известие, что Халина находится в агональном состоянии, то, разумеется, сел в ближайший поезд и ночью приехал. Состояние было безнадежным; сестра умерла через каких-то два часа после моего прибытия. Когда я встал от ее ложа, то увидел на рояле подготовленную корректуру… — превосходно выполненную. Сестра, помимо своей фантазии и естественности, была очень педантичной и выполнила свою задачу идеально.

Вся семья необычайно помогала мне в работе над «Национальным изданием». Моя жена — Мария — перепечатывала для меня сотни, если не тысячи страниц на старом тяжеленном «Ремингтоне», который не идет ни в какое сравнение с нашими легкими компьютерными клавиатурами. Кроме того, она подготовила текст к окончательной печати. Моя дочь — автор графического решения всего «Национального издания», и это решение обращает на себя внимание своей простотой и вкусом. Старший сын, фотограф, делал для меня бесчисленное количество фотокопий, когда те были единственной точной формой передачи информации. Теперь у нас есть возможность получить электронные копии из библиотек всего мира. Младший сын — германист и литератор — делал для меня трудные переводы из источников, опубликованных на немецком языке. Так что все это, начиная с сестры, вписывалось — как я говорю — в помощь со стороны родных, которые, естественно, делали все это бескорыстно, благодаря чему я смог сдвинуться с места на первых, невероятно трудных этапах моей работы над изданием «Полного собрания сочинений» Шопена.

И таким вот образом через 55 лет с момента, когда во время выборов правления Общества им. Фредерика Шопена я заглянул в архивы, и вплоть до дня, когда я получил последний напечатанный том произведений для фортепиано с виолончелью, удалось отредактировать 36 томов «Полного собрания сочинений» Шопена, которые получили высокую оценку не только на родине, но и во всем мире.

У меня такое впечатление, что это «Национальное издание», эти 36 томов, которые, наконец, вышли, — это некая закрывающая мою музыкальную деятельность скобка. Моя жизнь всегда была посвящена Шопену, была такой формой служения ему. Разные виды моей музыкальной деятельности: и обычное исполнение произведений Шопена; и участие в довоенном конкурсе; и всё, что, по выражению Сенкевича, служило «ободрению сердец» во время войны; и концерты на родине либо за границей после войны; и педагогическая деятельность; и участие в жюри различных конкурсов вкупе с председательством на шопеновских конкурсах — все это, словно притоки, вливалось в главное русло моей деятельности, а таковым было стремление приблизиться к истине идейного послания, содержащегося в произведениях Шопена, — той истине, которую я старался передать в аутентичном тексте «Национального издания».

Сам Шопен осознавал целесообразность своей творческой работы для других, но никогда не произносил выспренних слов о своем служении, а уж тем более о миссии. Вместо этого он употребляет более скромное и простое слово — слово «пригодиться». В самом расцвете своего творческого пути он пишет одному из друзей: «Я знаю, что никому, никогда и ни на что не пригодился, но и себе тоже не на много чего», — чтобы спустя два с половиной года следующим способом подытожить смысл своего существования: «Сегодня я окончил «Фантазию», — и небо похорошело. Грустно у меня на сердце, — но в этом нет ничего особенного. Коль было бы иначе, то, возможно, мое существование никому бы ни на что не пригодилось».

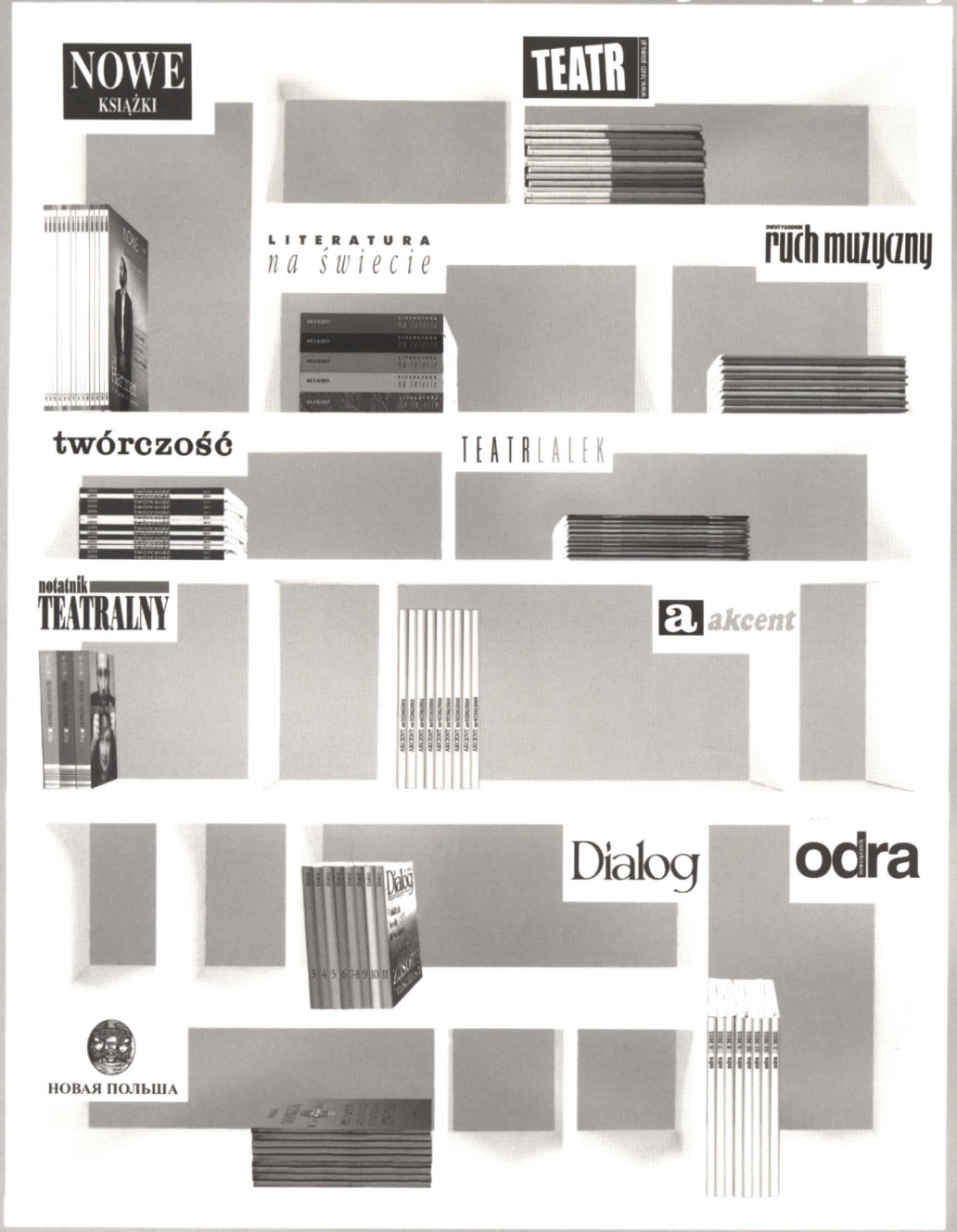
2010

Аудиозапись — Витольд Малеса, расшифровка аудиозаписи — Богумила Пшондка.
Из архива второй (музыкальной) программы Польского радио

INSTYTUT KSIĄŻKI

©POLAND

Достаточно протянуть руку



Instytut Książki Dział Wydawnictw
al. Niepodległości 213, 02-086 Warszawa, tel. +48226082374, tel./fax +48226082488
e-mail: czasopisma@instytutksiazki.pl
www.instytutksiazki.pl

Cena 8 zł. w tym 5% VAT
ISSN 1508-5589